ЖУРНАЛ ТЁМНОГО ЭОНА

КОЛОДЕЦ

ТЁМНОЕ ПОЗНАЁТСЯ ЕЩЁ БОЛЕЕ ТЁМНЫМ

Радикальная метафизика
ЭСХАТОЛОГИЯ И УЖАС ФИЛОСОФИИ

Антикосмический гностицизм
МЕТАИСТОРИЯ И МЕТАПОЛИТИКА

Тёмные культы и чёрная магия
«ЧЁРНОЕ» ИСКУССТВО

4
#
2020

«Тёмное познаётся ещё более тёмным»

(алхимическая поговорка)

При сотрудничестве с журналом «Апокриф»

http://apokrif93.com

Наше издание посвящено интеллектуальному и художественному просвещению в различных пограничных и экстремальных проявлениях жизни и смерти: в искусстве, метафизике и философии, религии и оккультизме, истории и политике.

Журнал «Колодец» — это всё, что не вписывается в общепринятые рамки, не является мейнстримом, а также то, что вынесено на периферию и теневую сторону бытия, что табуировано на грани и за нею.

Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов приветствуется при условии ссылки на автора материала и указания издания — журнал «Колодец».
Некоммерческий, нерегулярный журнал «Колодец» не пропагандирует никакой идеологии, не создаёт никаких организаций, являясь исключительно информационно-просветительским изданием.

Издатель: Проект «Колодец»

Главный редактор:

Александр Александров (Hapeksamendeus Aa)

Технический редактор и оформитель:

Роман Адрианов (Fr. Nyarlathotep Otis)

Выражаем благодарность Марианне Воротынцевой (Black Sun) за поддержку.

vk.com/kolodetzaa

Москва, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Philosophy of Impossible

Вадим Филатов. Сны воинов пустоты 11

Квентин Мейясу. Ничто и ничего 86

Реза Негарестани. Ингуманистическое *(кратко)* 92

Семён Обрезкин. Невозможное как потенциальная геофигура 101

Altered state ov Divinity

MLO / TOTBL — 218. Кагири Ушумгал 119

Metapolitics

Александр Дугин. Мысли во время чумы:

№1. Чёрная кара светлого божества 173

№2. Конец Глобализации 179

№3. Закрытая национальная экономика и её приоритеты 185

Дар чумы *(пандемия и экзистенциальная философия)* ... 199

Нуччо Ордине. Люди – не острова 201

Генри А. Жиру. Чума неолиберализма и политика пандемии 213

Дэвид Тео Голдберг. Отслеживание капитализма и COVID-19 215

Джейк Чепмен. Четыре свадьбы и братская могила 218

Юджин Такер. Патологическая жизнь 221

Hapeksamendeus Aa. Вирусная демоно-онтология 224

Nigredo

Сергей Гусев. Эпитафия *(часть первая)* 239

Hapeksamendeus Aa. Русская Акелдама 259

Чёрное Искусство

Ядвига Розенпаулис. Цвѣты и Черепа 281

Женя Смирновская. Ужас честнее любви 325

Евгений Махапралаев. ॐ नमः शिवाय! (Великое Растворение) 355

Юрий Мамлеев. Песни Нездешних Тварей 371

От редакции

Рубрику **Philosophy of Impossible** открывает следующая философская работа *Вадима Филатова*, который был уже представлен в «Колодце» №3, озаглавленная — ***«Сны воинов пустоты»***, давая дальнейший развёрнутый концепт небытия в дискурсе современных российских философов. Преподаватель философии Вадим Филатов является представителем нигилистической пессимистической трактовки философии небытия — автор заявляет о первичности Ничто, его тотальной власти. Но категории Ничто (Небытия) и бытия обретают в данном ключе несколько иное, непривычное значение. Так, акцент делается на Ничто не как на онтологическое, субстанциальное начало, а как на смерть, уничтожение наличного бытия.

Продолжая линию, *Квентин Мейясу* даёт философский статус отрицания для понимания принципа фактуальности, в эссе ***«Ничто и ничего»***.

Далее философ и писатель *Реза Негарестани* в сжатой форме излагает ключевые тезисы понятия «ингуманизма», фиксируя его основные идеи в статье ***«Ингуманистическое (кратко)»***.

В «Колодце» №1 и №2 были опубликованы философские работы Григория Темнова — «Манифест метафизического экстремизма» и Григория Синенко — «Возвещение Невозможного», которые ставят философский вопрос о вопрошении Невозможного (опубликованы в единой книге — «Последний Чертог»). Небольшая исследовательская статья философа *Семёна Обрезкина* — ***«Невозможное как потенциальная геофигура»*** — вступает в полемику с концепцией Невозможного. В качестве приложения, авторы концепции Невозможного, дают свой ответ.

Следующая рубрика **Altered state ov Divinity**, представлена крупной объединённой работой публикаций внутреннего ордена *MLO / TOTBL — 218, Ордена Храма Дракона Хаоса* — ***«Кагири Ушумгал»*** (перевод *Ecclesia Tenebrarum*). В рамках «антикосмического тра-

диционного сатанизма», передаётся тёмное древнешумерское наследие культа Тиамат — Матери Хаоса. Используя концепцию «Антикосмического Гнозиса» и метод «Эонической Чёрной Магии», на основе древнейшей в истории человечества космогонии и теогонии — аутентичного древнешумерского текста «Энума Элиш» и глиняных табличек по демонологии, даётся общий концепт Мифа, но не со стороны демиургических жрецов Энки и Мардука, или других богов космического порядка, а как бы он выглядел, если смог сохраниться в наследии культа Тиамат и богов Бездны и Хаоса древнешумерской цивилизации. Даётся мифологическая часть и большой раздел ритуальных магических практик в рамках этого культа Тиамат, который полноправно можно назвать древнейшим антикосмическим «сатанизмом» культуры Шумера, существовавший уже у истоков человеческой истории.

В рубрике **Metapolitics** приведена подборка наиболее интересных текстов появившихся в связи с разразившейся пандемией COVID-19. Как вторжение вируса повлияло на мир, изменило его и самого человека, отвечают: *Александр Дугин* в подборке ***«Мысли во время чумы»***; *Нуччо Ордине* в ***«Люди – не острова»***; а также *Генри А. Жиру*, *Дэвид Тео Голдберг*, *Джейк Чепмен*, *Юджин Такер*, и от редактора.

Рубрика **Nigredo** открывает первая часть работы *Сергея Гусева* ***«Эпитафия»***, где он, продолжая школу радикального пессимизма Эмиля Чорана, представляя сборник философских афоризмов и жизненных наблюдений.

В годовщину 75-летия победы в Великой Отечественной Войне, подборка мини-рассказов от *Hapeksamendeus Aa*, составленных по реальным воспоминаниям тех страшных лет — ***«Русская Акелдама»***.

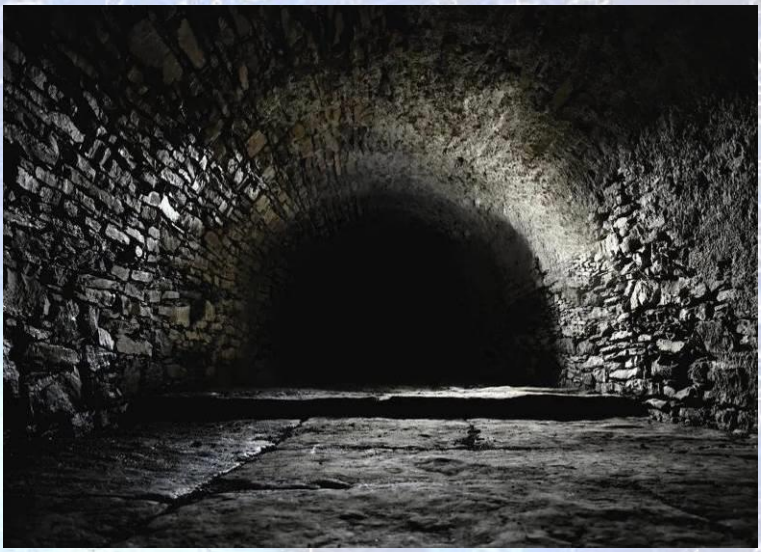
Последняя рубрика **Чёрное Искусство**, открывается интервью от прекрасной колдуньи эстетики слова, талантливой поэтессы, литературного исследователя и составителя книг *Ядвиги Розенпаулис* — ***«Цвыты и Черепа»***. Напомним, в прошлом номере журнала была статья Ядвиги, посвящённая Пимену Карпову, по материалам её

поездки по местам Пимена Карпова и локаций русских сектантских движений. Творчество Ядвиги отдаёт дань символизму, экспрессионизму и органически сочетается с древнерусскими хтоническими отголосками.

Далее интервью и серия работ от уникальной художницы *Жени Смирновской*, работающей в жанре жёсткого Некрореализма — ***«Ужас честнее любви»***. Её работы даже в рамках Чёрного Искусства могут показаться шокирующими. Но это честный и бескомпромиссный поиск эстетики в смерти и страданиях человека, в осознании собственной конечности.

И закроет рубрику интервью от известного проекта дарк-эмбиент музыки *Maha Pralaya* — ***«Великое Растворение»***. Поистине это музыка Тёмного Эона, мрачные давящие звуки бездн, холодное завывание пустоты, медитативно-трансовое камлание — звук приближения Кали-Юги и самого Великого Растворения бытия. Сами музыканты называют свой стиль постапокалиптическим городским шаманизмом.

В качестве дополнения к интервью — ***«Песни Нездешних Тварей»*** *Юрия Мамлеева*, по которому, отдавая дань памяти Мэтру, проект Maha Pralaya, совместно с другими музыкантами создал одноимённый трек.

Конкурс им. Николы Теслы

21 августа 2020 года завершается приём работ на **конкурс исследовательских и творческих работ имени Человека Года 2020 (Николы Теслы).** В конкурсе могут принять участие все желающие без ограничений, как индивидуально, так и в составе авторских коллективов. От одного участника (или одного авторского коллектива) на каждую из номинаций может быть представлена **одна работа.**

В рамках конкурса предполагаются следующие **номинации:**

1. ***Исследовательская работа, посвящённая Человеку Года.***
2. ***Литературное (поэтическое или прозаическое) посвящение Человеку Года.***
3. ***Исследовательская работа, посвящённая любому другому Человеку Дня,*** не ставшему Человеком Года.
4. ***Литературное (поэтическое или прозаическое) посвящение любому другому Человеку Дня,*** не ставшему Человеком Года.
5. ***Исследовательская работа по символизму Календаря Замечательных Людей.***
6. ***Эссе, посвящённое самому процессу голосования*** за звание Человека Года, рассказывающее о собственном в нём участии, запомнившихся моментах, пожеланиях и предложениях на будущие годы.
7. ***Графические работы*** по теме голосования.

Авторы могут принять участие в конкурсе в нескольких номинациях (индивидуально или в составе авторского коллектива). Если общее количество присланных на конкурс работ будет невелико, возможно сокращение числа номинаций или оценка всех работ по единой шкале.

К участию в конкурсе допускаются только работы на русском языке. Работы принимаются на конкурс в электронном виде, объёмом не более 30 страниц (формата А4) 12 кеглем **(1-6 номинации)**

или одна графическая работа **(7 номинация)**. К участию в конкурсе допускаются только те работы, автором которых является конкурсант. Если работа написана в соавторстве, то все соавторы должны дать своё согласие на участие работы в конкурсе. Работы должны отличаться оригинальностью подходов к решению поставленных проблем, иметь теоретическую, практическую, художественную, просветительскую ценность. Работы не должны содержать в себе оскорблений по отношению к кандидатам, номинированным на звание Человек Года, и к третьим лицам.

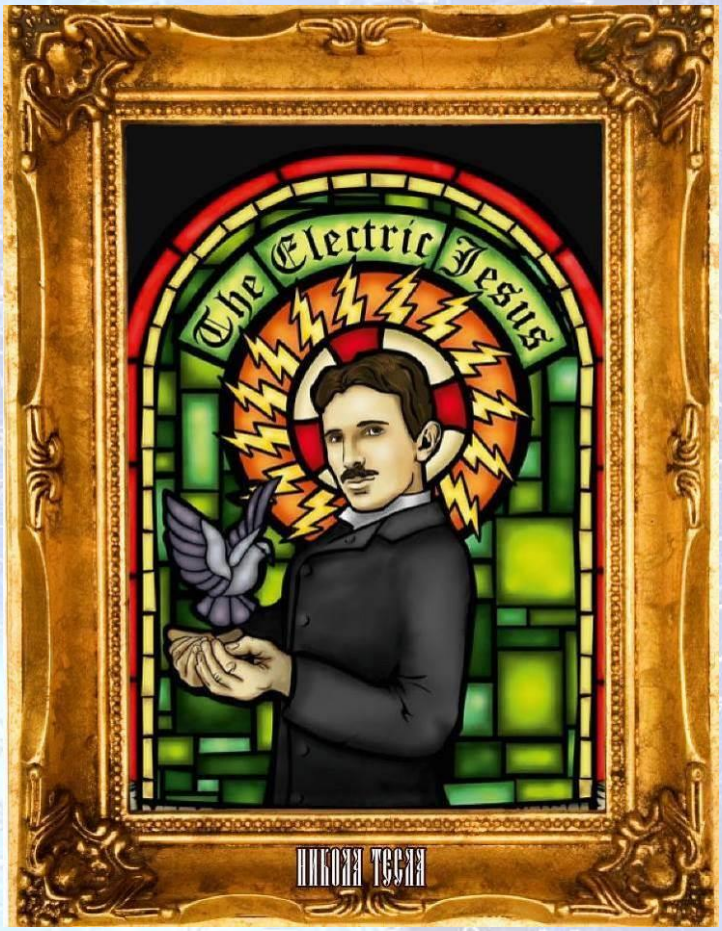
В жюри конкурса входят наиболее активные участники голосования по опросам #АпокрифКалендарь. Жюри имеет право отказать в публикации и/или участии в конкурсе любому автору или группе авторов без объяснения причин. Мнение автора (авторов) конкурсной работы может частично или полностью не совпадать с мнением владельцев сайтов, на котором они будут опубликованы, и/или конкурсного жюри. Принимая участие в конкурсе, конкурсант соглашается с тем, что его работа может быть опубликована безвозмездно на сайтах учредителей конкурса, с сохранением ссылки на автора.

Подведение итогов конкурса состоится в день осеннего равноденствия (21 сентября 2020 года). Желающие по согласованию с организаторами могут подать заявку на проведение офлайн-мероприятий, посвящённых подведению итогов и награждению победителей. По окончании конкурса все участники получат свидетельства, подтверждающие факт их участия в нём, с указанием названия представленных на конкурс работ. Лучшие работы будут в журнале «Апокриф» (публицистические материалы) и альманахе «Лалангамена» (литературное творчество), включая его очередной отчётный выпуск как приложения к журналу «Апокриф».

Подробное положение о конкурсе читайте здесь. Если вы не согласны хотя бы с одним из пунктов этих правил — пожалуйста, не отправляйте свою работу на конкурс.

В настоящее время организаторы конкурса готовы предоставить следующие призы:

- **1 место:** 1 книга на выбор от редакции «Апокрифа», а также 3 букинистические книги на выбор из нашего магазина;
- **2 место:** 3 букинистические книги на выбор из нашего магазина;
- **3 место:** 1 букинистическую книгу на выбор из нашего магазина;
- **работы лауреатов и победителей** будут опубликованы в журнале «Апокриф» и/или его дочерних проектах, либо на сайте «Лалангамена»;
- **отдельные работы авторов-победителей** могут быть рекомендованы партнёрским издательствам для выхода в печатных сборниках.

Официальная группа конкурса — https://vk.com/apokrifcalendar

Отправить работы на конкурс и задать вопросы

вы можете по адресу:

93in39@gmail.com / https://vk.com/oltas

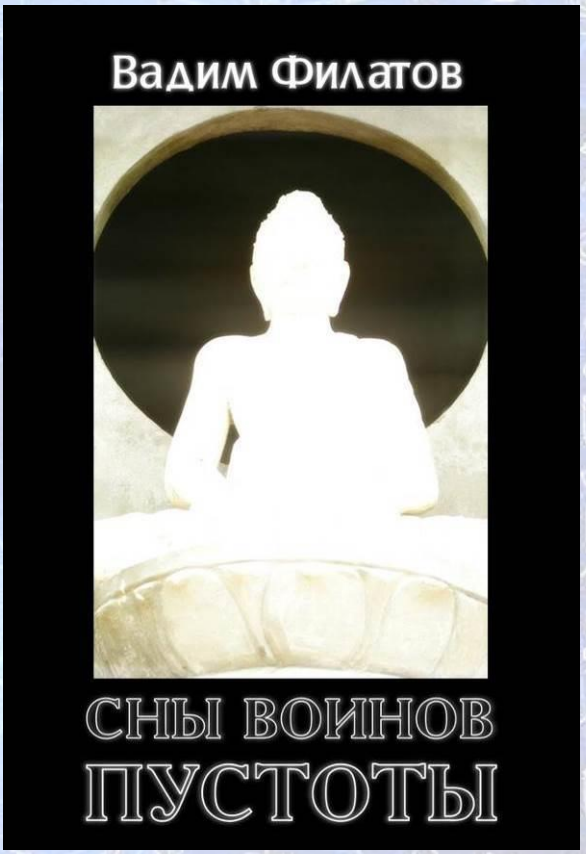

Philosophy of Impossible

КОЛОДЕЦ #4

Вадим Филатов

Сны воинов пустоты

- **Вступление. Заворожённые пустотой**
- **Сон первый. Три поворота колеса дхармы**
- **Сон второй. Так говорил Нагарджуна**
- **Сон третий. Путь пустоты к самой себе**
- **Сон четвёртый. Единое есть всё и ничто**
- **Сон пятый. Жизнь, как сновидение**
- **Сон шестой. По эту сторону нигилизма**
- **Сон седьмой. Пустота встречается с ничто**
- **Сон восьмой. Пустота как прямое действие**
- **Сон девятый. Ничто к Власти и Пустота к Господству**
- **Сон десятый. Философия несуществования**
- **Сон одиннадцатый. Сражения в пустоте**
- **Сон двенадцатый. Смеющийся лев прыгнул в Великий Полдень**

PHILOSOPHY OF IMPOSSIBLE

Вступление. Заворожённые пустотой

Миллиарды жизней приходят и уходят, а пустоте нет до этого никакого дела.

Философия должна быть неудобной. «Что нам толку от человека, который, уже давно занимаясь философией, никому не доставил беспокойства?» — говорил Диоген о Платоне. Философия начинается в пустоте: наполненность и избыточность не нуждаются в философии.

«Даже обычные существа, услышав о пустоте, могут вновь и вновь чувствовать необычайный прилив радости, на глазах у них выступают слёзы восторга и поднимаются волоски на теле», — писал индийский мыслитель Чандракирти. Абсолютную пустоту невозможно описать в терминах, в которых излагается теизм, оправдывающий видимость бытия. Его невозможно описать и на языке мистики. Несуществование трансцендирует мистицизм в сферу запредельного общения с воинами пустоты.

Когда я говорю, через меня говорит пустота, которая пуста от самой себя. Человек осуществляется, разговаривая и исчезая. Пора дать слово тому, что существует, не существуя.

«Где умирает надежда, там возникает пустота», — говорил Леонардо да Винчи. Надежда умирает первой. Однако многие не спешат избавиться от надежды, поскольку состоявшаяся безнадёжность лишает удовольствия расправиться с надеждой снова и снова.

Возможно, экзистенциалисты правы — человек познаёт истину и достигает освобождения в пограничной ситуации, через шок. Да и то не сразу и не каждый. Абсолютная истина — это, как учит буддийская Мадхьямика, абсолютное отсутствие, пустота.

«То, что возникает, поскольку находится в процессе становления — не существует. То, что прекращается, поскольку находится в процессе разрушения — всё-таки существует», — утверждал Чандракирти. Если «существование» есть, оно подобно мгновенной вспышке гаснущего угля. Необходимо очистить сознание от

любых измышлений, цепляющихся за самосущее. Многие утратившие зрение, например Борхес, намного ближе абсолютной истине пустоты, в которой нет ни пути, ни освобождения, ни страдания, по сравнению со зрячими. Прошедший через опыт (само)разрушения способен делать из ничего — всё, придавая при этом смысл бессмысленному.

Сегодня понятие веры утратило своё изначальное значение и понимается как вера в невероятное. Наиболее невероятным из всего невероятного предстаёт «существование» мира. Воины пустоты возвращают понятию веры его исходное содержание. Рассказывая о своих сновидениях, они излагают основания убеждённости в самоочевидном. Их вера утверждает несуществование вопреки иллюзии «существования». Это вера в то, что ничего нет.

Однако большинство этого не понимает и не приемлет, несмотря на то, что творения природы и человека регулярно проваливаются в своё естественное состояние — в пустоту. Природа не терпит пустоты, стремясь её, во что бы то ни стало заполнить, в то время как пустота великодушно терпит природу. Банальные люди возводят города для того, чтобы обитая в них, не помнить о небытии. В отличие от них, заворожённые пустотой сознают, что всякое утверждение о бытии — это не более чем метафора или символ. И что множество конечных целей никогда не удовлетворит дух с его бесконечной устремлённостью в никуда. Воины пустоты очень часто попадают в положение забывших умереть. И тогда им остаётся лишь проиграть, чтобы выиграть и замкнуть в пустоте круг своей философии.

Сон первый. Три поворота колеса дхармы

Царевич проснулся и огляделся: в громадном и пышном покое было полутемно, всюду лежали, разметавшись, спящие женщины. И вдруг увидел царевич, что он на кладбище и что вокруг него одни трупы. Сердце его преисполнилось горести и отвращения, и почувствовал он, что наступило время для полного отказа от иллюзии «существования». И вышел из дворца в пустоту.

Пустота — не есть простое отсутствие. Пустота — это всё. Пустота явлений — это их пустота от самосущего «существования». Быть самосущим — значит обладать в самом себе причиной своего «существования». Но причина всего находится в пустоте. Следовательно, «существование» пустотно и представляет собой несуществование. А если ничего нет, то всё что угодно может привести к чему угодно, но единственной реальностью была и остаётся одна лишь пустота. Так же как любое пламя завершается тьмой.

Чувства не могут воспринимать несуществование, выступающее в качестве объекта познания. Настоящее постоянно ускользает из пустоты в пустоту, прошлое прекращается, а будущее не возникает. Поэтому все объекты во времени и само время несуществуют. Знание о несуществовании достигается посредством невосприятия, сам человек — несуществующее существо. Люди обычно не понимают, что такое пустота, потому что ошибочно воспринимают внутренние и внешние явления как самосущие. Более того, абсолютизируют отдельные аспекты собственного несуществования: жизнь,

имущество, известность и власть. Обладать всем этим может лишь нечто «существующее», но всё, что связано с несуществующим, является таким же несуществующим. В действительности ничего нет, хотя эта очевидность находится в противоречии со всей совокупностью человеческого опыта. Пустота всего «существующего» от «существования» — это и есть абсолютная истина, потому что она не нуждается ни в каких других истинах.

Однако сколько ни рассуждай о том, что ничего нет, окружающие нас объекты остаются на своих местах. Поэтому мы говорим, что чувственно воспринимаемое «существует» условно — как временное нарушение гармонии пустоты. Всё видимое нами следует рассматривать как сновидение, несамодостаточную галлюцинацию, порождённую всё той же пустотой. Все объекты едины в пустоте как в единственной реальности. Всё есть ничто и ничто есть всё. Основой всего выступает пустота и, следовательно, все вещи в абсолютном смысле несуществуют. Пустота пуста и от самой себя. Временное отсутствие пустоты порождает иллюзию наполненности, что, в целом, соответствует библейской идее о сотворении мира из ничего.

Буддизм дал миру классическое учение о пустоте, в котором совершенно нереальное являет себя как мир: «Форма подобна пене, ощущения подобны пузырькам на воде, различение подобно миражу, формирующие факторы подобны пустотелому дереву, сознание подобно магической иллюзии» («Сутра изложенного шравакам»). Однако сам Будда занимался не столько теорией философии, сколько практикой уничтожения страданий. Вначале он учил, что мир — это страдание, причина страданий — желания, прекращение страданий связано с отказом от желаний, который осуществляется в соответствии с восьмеричным путём спасения. Это был первый поворот колеса дхармы (учения). При втором повороте колеса дхармы Будда учил противоположному: нет страданий, нет освобождения, не нужен и путь. Этот поворот колеса учения вызвал непонимание и замешательство у существ: непривычно и от-

части обидно узнать о том, что ничего нет. Поэтому Будда предпринял третий поворот колеса учения, который получил название «поворот колеса тщательного объяснения». Этот поворот был предназначен для тех, кто испугался абсолютной истины, заключённой во втором повороте. Снизойдя к их мыслетрусию, Учитель пояснил, что на абсолютном уровне ничего нет, но на относительном (условном) уровне явления есть. Так, бумажные деньги являются только бумагой и лишь условно — они деньги. До тех пор, пока не отброшено цепляние за «реальность», обыкновенному человеку необходимо знать, что делать с этой «реальностью». Однако, мышление, стремящееся избавиться от страха, исходит из того, что ничего нет.

Чтобы заменить ошибочные идеи на правильные, необходимо постоянно думать о правильных идеях и об их применении в нашей жизни. Неуклонное и непрерывное размышление о пустоте ведёт к тому, что созерцающее сознание растворяется в ней и перестаёт ошибочно сознавать себя как «существующее». Всё, что проходит через различные степени пустотности рано или поздно обретает искомый максимум. Пустоту необходимо увеличивать во имя самой пустоты. Поскольку зависимость порождена иллюзией, освобождение является всего лишь устранением иллюзии. Освобождение — это очищение от грязи ошибочного воззрения о том, что что-либо есть, возврат к подлинности несуществования. Для тех немногих людей, которые не видят в мире ничего, кроме пустоты, пустота перестаёт быть силой, производящей призраки. Такой человек продолжает несуществование в мире призраков, но вне зависимости от него. Он может ничего не делать, а может и действовать, но без всякой надежды на получение выгоды, поэтому не зависит от успеха или неудачи. Воин пустоты не имеет необходимости осуществлять активность — его прямые смыслообразующие действия производятся спонтанно, выступая как сила, восстанавливающая изначальную гармонию пустоты. Всякое действие, которое прямо или косвенно ведёт к осознанию единства с пустотой, увеличива-

ет пустоту, рассматривается как относительное добро, а всё, что прямо или косвенно препятствует этому — как относительное зло. А, поскольку нет истинного «существования», действию ничего не мешает созреть как результат. При этом никакие другие результаты, за исключением результата несуществования не имеют истинного «существования»: ведь «существует» в качестве абсолютной причины всего несуществующего лишь одна пустота.

Становится совершенно очевидным, что любые формы борьбы за «существование» изначально обречены на поражение, чего нельзя сказать о борьбе за несуществование. Воины пустоты пребывают в высшей радости и способны уничтожить тысячи миров. Отрицание ими любых концептуальных построений путём выявления их пустотности, представляет собой абсолютную истину или дхарму прекращения. Так учение, выходящее за пределы концепций «существования», раскрывает глубинный смысл абсолютной пустоты.

Наш ум никогда не освободится от тонких омрачений, пока пустота не реализована. Каким образом возможно практиковать пустоту? Интересное духовное упражнение распространено среди последователей буддизма хинаяны. Вначале необходимо представить, что кожа, жилы, мясо и кровь всех людей растворяются и остаются лишь кости. После этого образы получившихся скелетов нужно растворить в своём собственном. Людям с сильной привязанностью к миру Будда рекомендовал постоянно медитировать на то, что их окружают одни только скелеты. Однако во время такой медитации часто возникает опасность потерять видимость пустоты. В этой связи прежде всего следует очистить свой ум от яда ошибочных измышлений, цепляющихся за проявленное, перестать доить бумажных коров, уничтожить оковы надежд, а также интеллектуальные позиции «существования». Требуется совершенно ясно видеть, как пылающий огонь пустоты сжигает дрова всех явлений. Например, несмотря на то, что жизнь и смерть (вхождение в абсолютное прекращение иллюзии) равно не существуют, несуществующие, подобные трупам философы упорно придумывают и то, и это. Но все

их учения, как и полагается, пусты и бессущностны. В данной связи, не только цепляние за жизнь, но также и цепляние за смерть — всё преодолевается пустотой. А пустота самой пустоты — это есть пустота запредельного, в которой больше мудрости, чем в учениях миллионов Будд. Ведь даже Будды, их учения и поступки, как и всё остальное, не имеют истинного «существования».

Это очень буддийское свойство — стремление в пустоту. Неправда, что телега, в которую запряжены лебедь, рак и щука, стоит на месте. Как любые магические иллюзии, включая и нас самих, она тоже двигается — со скоростью жизни — из пустоты относительной в пустоту абсолютную.

Сон второй. Так говорил Нагарджуна

Однажды отец обратился к сыну, вернувшемуся после обучения у лучших браминов Индии: «А знаешь ты, что в жизни самое главное, что является причиной возникновения всего и конечной целью?» Сын не смог ответить на этот вопрос. Тогда отец велел сыну принести жёлудь.

— Из чего растёт дуб? — спросил отец. — Из этого жёлудя. — Разрежь жёлудь и посмотри, что у него внутри. — У него внутри мякоть. — Из чего состоит эта мякоть?

Сын разрезал мякоть и увидел, что внутри неё ничего нет.

КОЛОДЕЦ #4

— Видишь ты эту пустоту, в которой начинается мякоть, дающая жизнь жёлудю, со временем вырастающему в огромный дуб? Знай, что из этой пустоты возникает абсолютно всё, для того, чтобы однажды вернуться в неё назад. А теперь возвращайся к своим учителям: если они тебя этому не научили, то всё твоё знание ничего не значит.

Такую историю рассказывают «Упанишады», которые по времени предшествуют буддизму. А вот буддисты-мадхъямики вообще отрицают «существование» какой-либо реальности, духовной или недуховной. Согласно их взглядам всё представляет собой пустоту. Такая философия часто рассматривается как полный и чистый нигилизм, опустошающий бытие вплоть до полного его отрицания, как учение, чья концепция реальности заключается в абсолютном ничто. Иногда мадхъямиков называют наиболее радикальными нигилистами из всех, когда-либо «существовавших», но это уже явное преувеличение, поскольку самым последовательным нигилизмом является философия несуществования.

«Нет дхармы (свойства) вещей, которая не зависела бы от некоторого другого условия в отношении своего происхождения. Поэтому нет дхармы, которая не есть шунья (пустота)» — так говорил основатель мадхъямики Нагарджуна. Пустота у мадхъямиков намного сложнее математической пустоты или простого отсутствия. Опасаясь обвинений по поводу «впадения в крайность нигилизма», последователь Нагарджуны Чандракирти пояснил: «Мы релятивисты, мы не негативисты». И в этом проявилось его мыслетрусие. На самом деле элементы бытия, пропущенные через принцип абсолютного уничтожения, приобретают пустотное великолепие, и стесняться этого совершенно излишне.

Когда будущему основателю философии мадхъямики Нагарджуне исполнилось двадцать лет, он был уже широко известен, изучил все светские науки и овладел магическими способностями, которые решил испробовать на практике. Нагарджуна познакомился с тремя отличнейшими человеками и с помощью магии сделал их и

себя невидимыми. После этого философы забрались в царский дворец и начали бесчестить там жён. Однако присутствие молодых людей обнаружили по их следам и три товарища Нагарджуны были порублены в лапшу, ибо «подвластный смерти подобен лампе, стоящей на ветру». Один Нагарджуна спасся, поскольку стоял невидимым рядом с царём и его не коснулись мечи. В тот момент, когда мыслитель находился на грани разрушения, в нём пробудилась мысль о всеобщей пустотности, о том, что ничего нет: «Разрушение сущности называется несуществованием. Но если сущность не существует, что разрушается? Что именуется не-сущностью? И сущность и не-сущность равно пусты». Чтобы никто из существ не мешал ему думать о пустоте, Нагарджуна удалился в пустыню и там предался сугубым пустотным размышлениям. Ибо для чего «существуют» люди? Чтобы осознать, что на самом деле они не существуют и углублённо поразмышлять о пустоте. А где ещё можно свободно помыслить пустоту, как не в пустыне?

В процессе философских раздумий Нагарджуна счёл мирские вещи чрезмерно подлыми и грязными, а Суттры Будды недостаточно пустотными. А то, что недостаточно пустотно, следует ещё сильнее опустошить. Разве допустимо недоуничтожение? Затем Нагарджуна собрал своих учеников, придумал для них новые одежды и назначил им новые правила поведения. «Всё, что рождается — не может не умереть. Всё, состоящее из частей — разрушается. Всё накопленное — тратится. Всё созданное — непостоянно. Представьте себе, что все вещи, которые вы хотите — это рога на ваших головах, — учил он. — Всё драгоценное не имеет проявленной природы, медитируйте на чистую пустоту».

В той области Индии правил царь, который был далёк от философии и поэтому нисколько не заинтересовался пустотной мудростью Нагарджуны. Чтобы привлечь внимание царя, мудрец в течение семи лет ходил впереди царской процессии с красным флагом, символизировавшим начало революции пустоты. Наконец на седьмой год царь заметил Нагарджуну и потребовал, в доказательство его

всеведения, рассказать, что происходит на небе. Нагарджуна пояснил, что на небе идёт война между асурами и дэвами. И в доказательство его слов с неба немедленно попадало оружие и оторванные члены асуров. Тогда царь уверовал в пустоту и с его помощью Нагарджуна распространил свою философию по всей Южной Индии. Это не понравилось многим браминам, и один из них явился к царю и поклялся посрамить новоявленного вероучителя. Он произвёл магический пруд, в центре которого находился тысячелиственный лотос и, взобравшись на него, начал глумиться над Нагарджуной. В ответ Нагарджуна сотворил слона, который вырвал из воды лотос и поверг брамина на землю. Тот взмолился о пощаде. Нагарджуна спросил его: «Рад ли ты тому, что я долго пребываю на земле?» Брамин честно ответил: «По правде говоря, мне это совсем не нравится». Услышав это, Нагарджуна удалился в свой дом, замкнулся в нём и не показывался целый день. Когда ученики сломали дверь, из дома вылетела цикада. Это и был Нагарджуна. После этого его никто больше не видел. Через сто лет по всей Южной Индии в честь Нагарджуны возвели храмы и стали почитать его как второго Будду.

«Все условия пусты, поэтому произведённые условиями вещи также пусты. Возникновение, длительность и разрушение пусты, поэтому сотворённые вещи также пусты. Из-за постоянства нет непостоянства, из-за непостоянства нет постоянства. Поэтому нет ни постоянства, ни непостоянства. Единство бытия и небытия не может быть установлено, так же как их разъединение. Поэтому бытие и небытие пусты. Рождение, смерть, травма, добро — откуда они? Что это? Что может осчастливить тебя? И что может разрушить тебя, если твой ум — чистая пустота? С самого начала нет ничего, что должно быть сделано, потому что всё пусто». Так говорил Нагарджуна.

«Существует» ли Бог? В мадхъямике наиболее полно проявились способности индийского ума схватывать абсолютные идеи при их минимальной индивидуализации. Нагарджуна учил, что если бы Бог

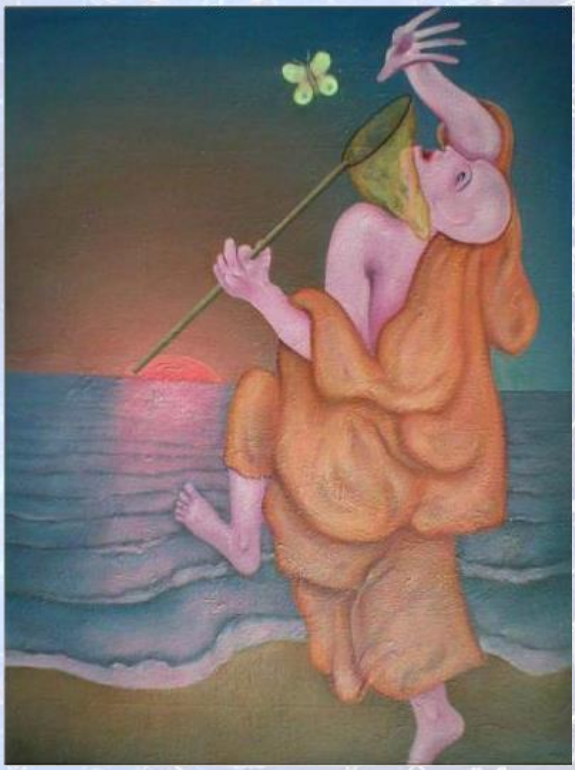
сотворил все живые существа, Он не дал бы им страдание. Кроме того, если Он самосущий, то Он ни в чём не нуждается. Поэтому непонятно, зачем Он, как играющий маленький мальчик, сделал изменения, сотворив из ничто все твари? Нагарджуна пришёл к выводу, что Бог действует за пределами любви и ненависти и поэтому не является самосущим. А всё, у чего нет самосущего, пусто. Бог пустоты безличен, для него человечество — это средство самообнаружения собственного небытия. Вот почему смыслом жизни и целью несуществования человека являются углублённые размышления о пустоте, в процессе которых абсолют размышляет сам о себе. Если бы не человек с его самосознающим разумом, который для большинства людей выступает как источник постоянного унижения, каким бы образом пустота узнала о своей пустотности?

Как уже говорилось, банальным людям свойственна иллюзия настоящего. Невежество — это незнание того, что всё в отдельности и в целом несуществует. Именно в силу своего невежества, люди «страдают, совращаются и фантазируют», считая одно истинным, а другое ложным, одно «существующим», а другое — несуществующим, а затем цепляются за ту или иную мысль. Учение мадхъямики — обширный океан, имеющий разные смыслы и уровни понимания, но ведь всё в конце концов пусто. Поэтому «срединный путь» мадхъямики представляет собой нецепляние ни за какую точку зрения: «Если ты говоришь, что все вещи пусты, твоё высказывание также пусто». Разумеется, проблематично утверждать несуществование вещей несуществующим высказыванием. С другой стороны, пустота познаётся изнутри и пустое высказывание о пустоте способно быть достоверным уже в силу того, что не противоречит пустотности.

Могут ли живые существа, которые во всех мирах непрерывно дрожат от страха, стать совершенно бесстрашными, только потому, что услышат о пустоте?

КОЛОДЕЦ #4

«Именно приняв мир за бесполезный, ибо подлинная реальность безопорна, не привязанный к “существованию” ум успокаивается, подобно тому, как огонь угасает без топлива. Если бодхисатве свойственно такое видение, то он достиг подлинного совершенного просветления». Так говорил Нагарджуна.

Сон третий. Путь пустоты к самой себе

«Люди древности в своих знаниях достигли предела. Чего же они достигли? Они узнали, что изначально вещи не существуют — вот предел, вот вся бездна смысла и добавить к этому нечего». (Чжуан-Цзы)

Однажды Ян Чжу заметил: Все существа при жизни друг на друга не похожи, а после смерти — одинаковы. В жизни бывают умные и глупые, знатные и подлые: так люди различаются между собой. Умерев, люди смердят и гниют, разлагаются и исчезают в пустоте: в этом они все одинаковы.

Давно сказано: мудрость открывается в том, что миру кажется безумием. Люди слишком полагаются на то, что они видят и слышат. «С лягушкой, живущей в колодце, не поговоришь об океане,

ведь она привязана к своей дыре», — сетовал Дух Океана Жо. Люди привыкли беречь своё тело, не зная того, что наша природа слита с пустотой. У каждого спящего свой собственный мир, а пробудившиеся ото сна пребывают в едином мире — в пустоте. Путь в пустоту — это скольжение мысли за пределы данности, момент перехода в пустоту — освобождение духа от предметности опыта. Раствориться в пустоте означает достичь предела саморассеивания, в котором исчезают и свет и тьма.

«Всё в мире исходит из сущего.

А сущее исходит из отсутствующего».

Так говорится в классической книге китайского даосизма «Дао Дэ Цзин». Все вещи рождаются из единого дыхания (божества), а единое дыхание возникает из отсутствующего, т.е. из пустоты. А в возвращении всё возвращается к отсутствию. Чем больше проявленность небытия в вещи, тем значительнее её место среди других вещей. Хотя все вещи имеют неисчислимое количество форм, их пронизывает одно дыхание пустоты.

Даосизм всегда придавал особое значение правильному пониманию пустоты. Дао (Путь) — это организующий принцип бесформенного и безграничного единого небытия, пустота и небытие — жилище Дао. «Путь сходится в пустоте», — говорил Чжуан Цзы. Главное в любом сосуде или, например, в доме — это заключённое внутри пустое пространство, без которого их невозможно использовать. Точно так же, какие бы тонкие и изысканные не звучали во время церемонии слова, главное — это молчание, которое они окружают собой, как рама картину. Молчание, в котором только и возможно единение в переживании красоты настоящего мгновения, в противовес постоянному «завтра» и «вчера» повседневной жизни: «Знающий не говорит, говорящий не знает». Молчащий не говорит не потому что скрывает истину. На самом деле он не говорит ни о чём, то есть молчит о ничто, в котором и заключается абсолютная истина Пути. Мудрый укореняется в этой истине и поэтому готов отдать всё, что лишнее, т.е. всё, что имеет. Вла-

деть своим телом, владеть вещами — это значит произвольно присваивать принадлежащее пустоте. Напротив: не создавать никаких запасов означает отдавать предпочтение пустоте.

Обычно поверхностные умы соперничают из-за мелочей. Однако тот, кто ценит свою жизнь — всё равно не может её сохранить. Заботящийся о своём теле всё равно не может ему помочь. Лао-Цзы говорил так: «Всё, имеющее облик — это призраки». Тот, кто познал Дао (Путь), мгновенно очищается от цепляния за призраки и становится пуст. И это прекрасно, поскольку нет ничего и, следовательно, нет ничего лучше пустоты.

Итак, всякое бытие, по мысли древних даосов, держится пустотой, осознание которой выступает источником счастья и радости. Счастье даоса всегда с ним, снится ли он себе, как Чжуан Цзы, в виде бабочки или хоронит друга. Согласно высказыванию Чжуан Цзы, истина содержится даже в кале и в моче, ибо и они пустотны. В сущности, мир и населяющие его люди — всё это испражнения изначальной пустоты.

Когда Цзы Санху умер, Цзы Гун пришёл, чтобы принять участие в траурной церемонии. Придя, он с изумлением обнаружил, что один из друзей покойного насвистывает мелодию, другой аккомпанирует ему на цитре и вдвоём они напевают такую песню:

Эй, Санху!

Эй, Санху!

Ты возвратился к подлинному,

А мы всё ещё в человеческом облике!

Цзы Гун спросил:

— Прилично ли вот так вот петь над телом покойного?

Друзья взглянули на него и рассмеялись:

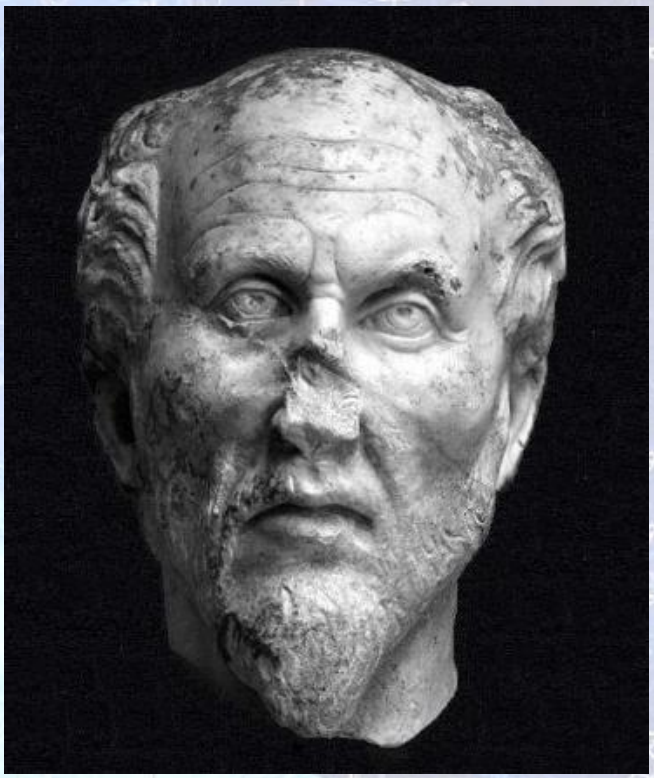
— Да что он знает об истинном ритуале!

И действительно, когда умерла жена Чжуан Цзы, философ тоже сидел на корточках и громко пел, ударяя в таз. Нужно быть в достаточной степени философом для того, чтобы так любить пустоту.

PHILOSOPHY OF IMPOSSIBLE

Воплотивший истину Пути до конца бесконечен и странствует в сокровенном. В совершенствовании человека нет ничего важнее, чем сделать сердце пустым. Пустота сердца означает, что в нём содержится ничто. Не желай приобретений, будь пуст — и не более того. Когда Ничто нас не обременяет, а наоборот радует, достигается предел пустоты. Пустота ничего не делает и при этом не остаётся ничего несделанного. «Пустота и покой, отсутствие образов и деяний — вот основа Неба и Земли, предел Пути и полноты жизненных свойств»: так говорил Чжуан Цзы. Всеобщее несуществование — это Путь великой пустоты небытия к самой себе через бытие тьмы вещей.

«Однажды свет спросил у небытия: "Ты "существуешь" или несуществуешь?" Не получив ответа, свет вгляделся в образ небытия: тёмное, пустое. Целый день смотри на него — не увидишь, слушай его — не услышишь, трогай его — не дотронешься. "Совершенство! — воскликнул Свет. — Кто бы мог ещё достигнуть такого совершенства? Я способен быть или не быть. Но не способен абсолютно не быть"». («Люйши Чуньцю»).

КОЛОДЕЦ #4

Сон четвёртый. Единое есть всё и ничто

Не принимай вещи, как сами собой разумеющиеся. Начни с простого: ничего нет. Никому не говори о том, что ты в действительности думаешь. Это бесполезно, потому что никого нет. Помни, что абсолютная независимость заключается в том, чтобы быть отсутствующим.

Античный мыслитель Горгий предполагал, что ничего нет. Отправная точка для истинного мышления находится в небытии. Проблема в том, что человеческий разум отчуждён от небытия бытием. Истинно лишь то, в чём нет места случаю. Бытие случайно и потому неистинно. Следовательно, бытие — это то, что необходимо превзойти.

Однажды греческий живописец Амелий захотел нарисовать портрет философа Плотина, чем вызвал неудовольствие последнего: «Разве мало тебе этого подобия, в которое одела меня природа, что ты ещё хочешь сделать подобие подобия?» Подобно другим неоплатоникам, Плотин выступал как максималист в своём радикальном отрицании земного бытия.

Согласно учению Плотина, субстанцией, находящейся за пределами бытия и мышления, является абсолютное первоначало, именуемое Единым: «Первопричина всегда содержит в себе всё, но в неизменном тождестве, она всегда есть, но не бывает. Единое есть всё и ничто». Мир проистекает из Единого по закону убывающего совершенства. Единое производит Ум (высшее бытие), Ум — Мировую Душу, а та, в свою очередь, производит природу — низшее и неподлинное бытие.

«Что касается Единого, то оно, будучи выше ума, стоит и превыше знания. Первоединое ничего не желает, если бы оно чего-нибудь желало, то не было бы всесовершенным, потому что желания показывали бы, что оно не обладает тем, чего желает», — рассуждал Плотин. С другой стороны, именно в силу своего всесовершенства, Единое способно допускать бесконечно разнообразную иерархию собственного несуществования. Там, куда не дости-

гает свет Единого, господствует тьма. Если дух озаряется исходящим от Единого светом, то материя представляет собою тьму, которая на самом деле несуществует.

Чтобы достичь Единого, следует отказаться от многого. Универсальное благо Единого требует самопожертвования отдельного. «Убийства, смерть во всех её обличиях, уничтожение и разграбление городов — ко всему этому мы должны относиться как к театральному спектаклю, в ходе которого меняются костюмы, изображаются печаль и рыдания», — учил Плотин. Очищение от материального в человеке — это преодоление оков необходимости, путь умственной высшей свободы, ведущей к абсолюту небытия. На этом пути неизбежны утраты и отчаяние. Отвага отчаяния подразумевает самоотверженность. Отчаяние выступает как средство достижения предела за которым начинается абсолютное небытие.

Во всём, что нас окружает, присутствует пустота. Мы видим, как она расцветает в виде прекрасной розы. Улавливаем ту же самую пустоту в бабочке, в которую превратился во сне китайский мудрец Чжуан Цзы, в золотой рыбке, неторопливо плавающей в тропическом озере. Иногда нам начинает казаться, что изначальная пустота — это мы сами. Мы принадлежим Единому, потому что мы тоже есть пустота.

Единое невыразимо в бытийственных терминах. Поскольку ни одна мысль не в силах отразить небытие, философу остаётся только безмолвие немыслия. Душа человека — это есть логос, смысл, но логос перешёл во внешнее и наблюдает себя и окружающий мир через искажённое зеркало бытия. Для того, чтобы вернуть восприятию истинные перспективы, следует разбить обманывающее зеркало и посмотреть небытию в лицо: избежать влияния форм вещей на разум, используя искусство сосредоточенности разума на себе. Необходимо сделать так, чтобы, отказавшись от внешней деятельности, душа отвернулась от зеркала и заглянула сама в себя. Именно в нас нужно искать пустотный абсолют. Если мы долго и пристально смотрим в пустоту, пустота начинает

смотреть в нас, волшебным образом притягивает нас. Поглощённый созерцаемым, человек соединяется с ним. «Можно сказать, он сам тут как бы исчезает, ибо, восхищённый и исступлённый, оказавшись в полном уединении и в совершенной тишине, погрузившись всецело в глубину собственного существа, не обращая внимания ни на что другое, даже на самого себя, он словно столбенеет и обращается в чистый покой». Я — всё в тот миг, когда перехожу в абсолютное небытие.

Сон пятый. Жизнь как сновидение

«Жизнь и сновидения — страницы одной и той же книги». (Артур Шопенгауэр)

Мир — сон, иллюзия, майя — этот набор идей зародился в восточной философии. «Правильно поступает тот, кто относится к миру, словно к сновидению. Когда тебе снится кошмар, ты просыпаешься и говоришь себе, что это был всего лишь сон. Наш мир ничем не отличается от такого сна». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ». Русский народ тоже давно уже понял, что мир пуст, жизнь — это сон.

Постепенно и западная философия начинает овладевать опустошающими истинами. Вначале в средние века в христианской Европе сформировалась негативная теология — представление о том, что

Бог находится за пределами познавательных возможностей человека и, следовательно, за пределами любых определений. На все вопросы: не является ли Бог тем-то и тем-то, возможен только один ответ — нет. Следовательно, Бог есть Божественное Ничто. Общая формула этой парадигмы такова: «Omnia ex nihilo» («Всё из ничто»). В различных формах подобные идеи высказывали Псевдодионисий Ареопагит, Иоганн Скотт Эриугена, Николай Кузанский и другие. Немецкие мистики Майстер Экхарт (XIII-XIV вв.) и Яков Бёме (XVI-XVII вв.) довели отрицательную теологию до логического завершения, отождествив Бога и Ничто.

Одним из источников мистических интуиций в средние века стала каббала, с её представлением о древе Сефирот. Это древо символизирует процесс, в результате которого из пустоты и невещественности (из ничто) возникли живые существа. У древних не было никакого сомнения в реальности небытия. Современные верующие небытие, как правило, игнорируют, поскольку увлеклись представлениями о загробной жизни, в то время как средневековые каббалисты определяли небытие как единственный источник всего сущего мира. В древе Сефирот небытию соответствует первая Сфира — Кетер (корона), которую иначе называют Эйн Соф — «беспредельное ничто». Параллельный перевод того же понятия — «бесконечность». На иврите «я» — «ани», а «ничто» — «эйн». Кроме того, «эйн» — одно из каббалистических имён Бога, которое также употребляется в сочетании Эйн Соф — «Беспредельное Ничто». Каббалисты обратили внимание на то, что слова «ани» и «эйн» складываются из одних и тех же еврейских букв: «алеф», «нун» и «иод». Считается, что между словами, состоящими из одинаковых букв, существует некое глубинное тождество. Слова «ани» и «эйн» — «я» и «ничто» — отличаются только порядком букв. Когда «йод» стоит на конце, получаем слово «я». Когда «йод» стоит в середине, получаем слово «ничто». Одно из каббалистических толкований буквы «иод» — «йада», то есть «сознание». Когда сознание обращено наружу, возникает «я». Когда со-

знание обращено внутрь, проявляется «ничто». Но это ещё не всё: слово глаз на иврите звучит как «айн». Глаз небытия — это наше самосознание. Айн Эйн — Ани.

Засыпая, каждый становится свидетелем репетиции гибели не только себя, но и вселенной. Мы умираем каждый вечер. Но мы — мертвецы, наделённые памятью. Мало встать следующим утром, нужно ещё перестать спать. Обычно это никому не удаётся — за исключением воинов пустоты. «Жизнь — это сон», — пьесу с таким названием сочинил испанский драматург Кальдерон. «Жизнь — это сон, снящийся Богу», — уточнил Борхес, выразив суть философии Беркли.

Джордж Беркли был ирландском епископом, он родился в 1685 и умер в 1753 году. Некоторое время занимался просветительской деятельностью в Северной Америке, где в его честь в Калифорнии впоследствии назвали Берклиевский университет. Беркли чувствовал, что современные ему философия и естествознание создают угрозу христианскому мировоззрению, видел, как набирающий силу материализм подрывает веру в то, что всё на свете создано и управляется Богом. При этом именно Беркли оказался наиболее последовательным эмпириком. Он считал, что все вещи в мире таковы, какими мы воспринимаем их в своих ощущениях, но при этом они никакие не вещи, а произвольно сконструированные в нашем сознании идеи, Так называемый физический мир не обладает реальностью — его нет. С точки зрения Беркли, «существует» только то, что мы воспринимаем. Предполагать, что за нашими ощущениями скрывается некая субстанция — это значит приходить к преждевременным и необдуманным выводам. У нас вообще нет и не может быть убедительных примеров из опыта для того, чтобы делать подобные заявления. Все наши идеи обусловлены причиной, лежащей вне нашего сознания, но причина эта не материального, а духовного происхождения. Что же представляет собой абсолют при условии тотального отсутствия материи? Это и есть бесконечная пустота, ничто. Жизнь — это сон, снящийся пустоте.

В 1709 году Беркли издал свой первый трактат «Опыт новой теории зрения», где заявил, что у вещей нет свойств, восприятие которых не зависело бы от нашего восприятия. Действительно, различные живые существа видят мир по-разному. Следовательно, вещи, а вместе с ними и весь мир — всё это является продуктом нашего восприятия. А в 1710 году Беркли сочинил главный труд своей жизни — «Трактат о принципах человеческого знания», в котором пришёл к следующим выводам:

1). «Философы сначала подняли облако пыли, а теперь жалуются, что оно мешает им видеть». Уже во времена Беркли стало очевидно, что философия придумывает ничего не значащие термины, например — «материя», для того, чтобы за мнимой наукообразностью спрятать свою несостоятельность.

2). «Бесконечность (бесконечная пустота) по самой своей природе не может быть постигнуто тем, что конечно» (человеком и человечеством).

3). «Быть — значит быть воспринимаемым».

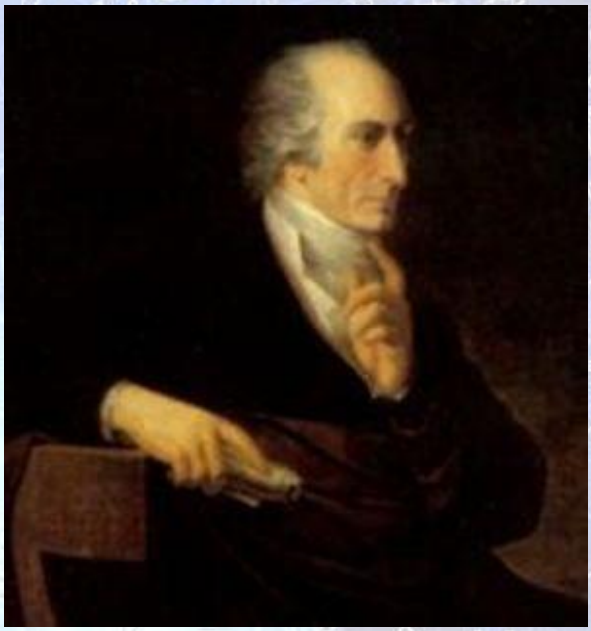
4). «Материи нет». Это утверждение и есть не что иное, как нигилизм и притом крайний.

Отвечая на возможную критику, Беркли говорил следующее: «Вы можете, если это так уже вам хочется, употреблять слов «материя» в том смысле, в котором другие люди употребляют слово «ничто» и таким образом делать эти термины однозначными в вашем способе выражения». Материя представляет собой ничто и лишь как продукт сознания абсолюта она может рассматриваться как условное нечто.

Идеи Беркли вызвали неприятие как со стороны церкви, так и со стороны учёных. Богословы увидели в них мысль о том, что раз материи нет, то зло, присущее нашему миру, есть продукт сознания Бога. Поэтому Беркли был вынужден до конца жизни сочинять с целью оправдания Бога богословские трактаты. Философы — эмпирики обвинили Беркли в солипсизме — идее о том, что в

мире «существует» только он, Беркли, а все остальные являются его галлюцинациями. В принципе, так оно и есть: ведь для каждого человека единственно возможной позицией в восприятии мира является точка зрения солипсизма. В эмпирическом отношении человек не в состоянии выйти за пределы своего восприятия и своей субъективности. Тем не менее, Беркли (в порядке мыслетрусия) решил не впадать в крайность солипсизма, и выдал свою знаменитую идею, согласно которой «мы все снимся друг другу и все вместе снимся Господу Богу». Поэтому, если в мире «существуют» объекты, которые никто из людей не воспринимает, они всё равно в определённом смысле действительны — как продукт ума Бога.

Если сопоставить учение Беркли с представлениями негативной теологии, отождествляющими Бога и ничто, возникает совершенно новая для европейской философии картина: несуществующий мир, выступающий как продукт сознания абсолютного ничто. Иначе говоря, все дхармы пусты, поскольку не обладают самосущностью. Парадоксально, что автором таких, мягко говоря, странных для Европы идей стал епископ. «Такой нигилизм, как отрицание мира бытия мог бы быть божественным образом мысли», — говорил впоследствии Ницше. Поистине, пути Господни неисповедимы!

Сон шестой. По эту сторону нигилизма

«Подлинный интеллектуал — это отринутый адепт: он, безусловно, человек веры, но одновременно — вечный еретик. Я хотел быть совершенным человеком, не просто кабинетной крысой, но ещё и воином, способным брать на себя ответственность, умеющим не только получать, но и наносить удары. Есть два рода мужчин: воины и все прочие... Только люди, умеющие умирать, имеют право на жизнь. Чтобы воспрепятствовать медленному разрушению, которое я наблюдаю повсюду, чтобы остановить гибельную эволюцию, я хочу противопоставить ей немедленное и полное разрушение». Так говорил воин пустоты Пьер Дриё Ла Рошель.

Нигилизм — это сознательная устремлённость к состоянию всеобщего ничто. Такая устремлённость неизбежно торжествует после поиска во всём совершающемся смысла, которого нет.

«Трудно найти что-либо более неверное, нежели старая пословица, которая, подобно многим другим людским ложным мнениям, не сходит с человеческих уст: Ex nihilo nihil fit, которую Шекспир передал в «Лире» такими словами: «Из ничего и выйдет лишь ничто, — писал в XVIII веке в сатирическом «Трактате о ничто» Генри Филдинг. — А между тем, из ничто в действительности рождается всё. Истина сия признана представителями всех философских школ, и единственное, в чём они расходятся, это: сотворило ли мир нечто из ничто или ничто из нечто». Действительно, первой позиции придерживается идеализм, второй — материализм, на самом же деле мир сотворён ничто из ничто. Поэтому и сам он, в силу отсутствия самосущности, есть не более, чем ничто.

«Со всяким ростом человека в величину и высоту он растёт также в глубину и в ужас; мы не вправе хотеть одного без другого», — говорил Ницше. Пришла пора направиться в ужасные глубины европейского нигилизма. В истории западной мысли понятие «нигилизм» применяли к самым разным философским взглядам — например, к солипсизму, близкому идеям Беркли или к философ-

скому пессимизму. Впервые это слово в его философском значении было использовано в 1733 году Ф. Л. Гетциусом в качестве негативной характеристики ряда направлений философии и богословия. Хотя ещё в средние века получила известность «ересь нигилизма» которая была осуждена Ватиканом и заключалась в отрицании Готье де Санкт Виктором человеческого естества Христа.

Во Франции термин «нигилизм» получил известность в конце XVIII века в следующих трёх значениях:

1) Нигилизм как философская концепция, в соответствии с которой нет ничего, что «существовало» бы абсолютно;
2) Идеология, отвергающая любые формы общественного принуждения;
3) Совокупность настроений пессимизма и тотального разочарования.

В Германии одним из основоположников интерпретации нигилизма как самостоятельного философского направления был Фридрих Генрих Якоби (1743-1819). Он использовал термин «нигилизм» в процессе своей критики философских систем Канта и Фихте. В письме к Фихте (1799) Якоби указал, что основная у Фихте философская категория «Я» является следствием совершенно необоснованной абсолютизации человека. В результате для человека, который незаконно присваивает себе функции Бога, всё растворяется в его собственном ничто. Только вера в подлинного Бога может, по мнению Якоби, противостоять отчаянию подобного рода нигилизма. Мощная критика, которой Якоби подверг философию Канта и Фихте, вызвала волну ожесточённой контркритики. Так, Шеллинг обозвал Якоби дилетантом, Гегель — вождём полузнаек в философии, Гейне — сварливым прохвостом, Куно-Фишер — «низшей монадой» и т.п. Что касается самого Канта, то он охарактеризовал философию Якоби как «аффектированное мечтательное гениальничание». Однако, любой последовательный и честный идеализм рано или поздно приходит к нигилизму. Постепенно и сам Якоби, если верить свидетельству гегельянца Ц. Ф. Гешеля, начал скло-

няться к точке зрения того самого философского нигилизма, в приверженности которому он обвинял Фихте. В этой связи Эрнст Юнгер позднее утверждал следующее: «Упрёк в нигилизме сегодня популярен и каждый приписывает его своему противнику. Весьма вероятно, что правы все». Весьма вероятно, что прав и Юнгер, особенно в свете следующего показательного высказывания Ж.-Ф. Лиотара: «Абсолютное знание требует законченного нигилизма».

Как бы то ни было, в начале XIX столетия дискуссии об идеалистическом нигилизме были продолжены в работах Фихте и Гегеля. Диалектическое развитие гегелевской мысли начинается в области ничто и здесь же завершается. Согласно Гегелю, задачей нигилизма является познание абсолютного ничто, представляющее собою центр Бога, которому не присуще никакое «для-себя-существование»:

«Дух достигает истины, обретая самого себя в абсолютном разрыве. Дух есть эта сила... только тогда, когда он смотрит в лицо негативному, пребывающему в нём».

С другой стороны, нигилизм в XIX веке часто связывали с критикой религии, религиозной нравственности и общественных институтов. Так, Ф. Ф. Баадер находил в философском нигилизме разрушительное для религии злоупотребление интеллекта, в котором он не видел ничего, кроме ненависти и отрицания «существующего» социального устройства. Нигилизм обвиняли в распространении в массах настроений отчаяния и вседозволенности. Нигилистические позиции приписывали антропологическому материализму Л. Фейербаха и философскому эгоизму М. Штирнера. («Ничто — вот на чём я построил своё дело» — так начинает свою книгу «Единственный и его собственность» Штирнер). Однако очевидно, что речь идёт уже об ином. Начиная с 40-х годов XIX столетия понятие «нигилизм» стало обозначать преимущественно радикально — материалистический способ мышления, связанный с идеями революционного переустройства общества («русский нигилизм»). Однако сохранилось и традиционное понимание философского нигилизма в

качестве направления европейской мысли, для которого характерна абсолютизация ничто. Не случайно, что именно в это время в Европе вырос интерес к буддизму, который интерпретировался как восточный нигилизм. В контексте европейского переосмысления буддизма можно истолковать ключевые моменты пессимизма А. Шопенгауэра, так поступил российский революционный демократ Герцен, характеризовавший Шопенгауэра как «идеального буддиста, нигилиста и мертвиста». Отличная формулировка! Не стал исключением и Фридрих Ницше, увидевший в учении Шопенгауэра новый буддизм или пассивный нигилизм. На самом же деле Шопенгауэр удивительно точно интерпретировал нигилистическую жажду небытия как стремление к слиянию с Богом. Сам Ницше определял нигилизм как волю к ничто, ведущую к саморефлексии и саморазрушению, связывал всё это с декадансом и называл себя «первым совершенным нигилистом Европы у которого нигилизм уже позади». В действительности ницшеанское учение о вечном возвращении означает, что заключающее в себе все возможные смыслы ничто — вечно. И если ничто — конечная цель мира, то всё в нём (не)существующее преследует ту же самую цель. Уничтожение идеологии декаданса вызывает к жизни силы абсолютного уничтожения, при этом воля к власти трансформируется в волю к ничто.

К философскому нигилизму примыкают представители экзистенциализма — Хайдеггер, Сартр и другие, в качестве важнейшей категорией у которых также выступает ничто. Так, Хайдеггер в лекции «Что такое метафизика?» рассуждал о ничто как об условии свободы: «Без исходной открытости ничто нет никакой самости и никакой свободы». Выводы, сделанные Сартром из экзистенциальной аналитики Хайдеггера, также не ограничиваются понятием бытия. Для ничто, согласно Сартру, характерна созидательная активность, которая осуществляется посредством отрицания. Очевидно, что Сартр превратился в символ экзистенциализма не столько в связи с оригинальностью своих исходных позиций, сколько благодаря последовательности, непримиримости и убеди-

тельности, с которыми он их утверждал. В свою очередь, А. Камю понимал под нигилизмом осознание абсурдности человеческого «существования», которое приводит к бунту: «Нигилистом можно быть двояким образом, и каждый раз из-за непомерной жажды абсолюта. По видимости, есть бунтовщики, желающие умереть, и есть другие бунтовщики, желающие умерщвлять. Но по своей сути это одни и те же люди, равно лишённые бытия, сжигаемые жаждой настоящей жизни и предпочитающие всеобщую несправедливость ущербной справедливости».

Экзистенциализм — это «мужество быть», несмотря на всеобщую вовлечённость в абсурд и ничто, мужество принять на себя отчаяние и безнадёжно сопротивляться абсурду, стараясь оставаться при этом собой, мужество принять на себя творческое одиночество и ужас философских прозрений. Мыслители этого направления убеждены в том, что человек способен как на уровне знания, так и на уровне практики трансцендировать конечность и бессмысленность мира. Условное пребывание человека в преходящем иллюзорном мире противоречит его сущностному соучастию в антимире пустоты. Фактом своего рождения человек отчуждён от своего дома — абсолютного небытия, которым он по своей сущности является. Отчуждение обычно выражается в терминах саморазрушения, тревоги и отчаяния. В результате человек ощущает отсутствие какой-либо необходимости не только в нём самом, но и в так называемом мире в целом. История самого мира представляет собой непрерывное перераспределение зла. Это стало совершенно очевидно в 1914 году, когда закончился XIX век.

Ничто не в состоянии направлять действия решившегося индивида, кроме самого ничто. Так небытие закрывает двери бытия.

КОЛОДЕЦ #4

Сон седьмой. Пустота встречается с ничто

«Человек становится личностью благодаря ощущению взора пустоты». (Судзуки Тору)

Однажды японский философ 20 века, основатель киотской школы Нисида Китаро бродил по парку Уэно и пережил чистый опыт Сатори. Ему открылась логика небытия, позволившая прозреть мир как его отсутствие.

Подлинное «существование» — это нонэкзистенция, несуществование. Тело Будды тождественно телу человека. А тело человека представляет собой тело пустоты. Решающая встреча — это встреча человека с пустотой, при которой встречающийся сам становится пустотой. «Существует» немало признаков прорыва в пустоту. «Проходит лик мира сего», — говорил Достоевский. Давно пора довериться тому, что Нисида Китаро назвал чистым опытом, логикой небытия, как условием видения истины.

О том, до какой степени логика небытия укоренились в культуре Востока, свидетельствует характер восточного искусства. Японский писатель Кавабата Ясунари посвятил раскрытию этой темы свою Нобелевскую речь, напомнив о том, что в дзенских храмах, в залах для медитации обычно сидят молча, неподвижно, с

закрытыми глазами, до тех пор, пока не наступит состояние недумания и неведения. Тогда исчезает «я» и его место занимает ничто. Но это не есть ничто в его западном понимании, а пустота Востока, в которой всё (не) существует само по себе, пустота, как беспредельная вселенная души. Завершая свою речь, Кавабата вновь обратился к ничто: «Критика находит в моих произведениях пустоту (ничто). Но это совсем не то, что называют нигилизмом на Западе, потому что отличаются наши духовные истоки». Идея небытия в западном понимании — это, как правило, идея конца, исчезновения, уничтожения. Восточная идея пустоты исходит из представления об отсутствии абсолютного «существования» вещей и мира, как не обладающих самосущностью. А то, что в абсолютном отношении и так не существует, способно исчезнуть или быть уничтоженным лишь условно.

Идея небытия у Нисида выступает как соединение философии буддизма с экзистенциализмом Хайдеггера. В силу того, что главной задачей Нисида была критика западной (и не только философской) традиции, он интерпретирует «небытие» в значении «абсолютной пустоты» буддийской мысли, которую рассматривает в контексте противоречия «общего» — «индивидуального» и определения условий достижения свободы. Что касается Хайдеггера, то в лекции «Что такое метафизика?» он также рассуждал о ничто как об условии свободы: «Без исходной открытости ничто нет никакой самости и никакой свободы». Согласно философии небытия Нисида Китаро, бытие — вторично, конечно и условно, а небытие — вечно, бесконечно и абсолютно. Небытие включает в себя всё. Обозначая противоречия европейской мысли, Нисида отметил, что в её основе всегда находится бытие, понимаемое как процесс. А это не допускает свободу индивидуального, поскольку провозглашает всеобщую причинную обусловленность. Подобные рассуждения Нисида основаны на буддийской концепции всеобщей взаимосвязанности сущего. Философ утверждает, что, для сохранения возможности свободы, универсально-общее должно «существовать», обес-

печивая связи индивидуального и одновременно несуществовать как нечто, ограничивающее индивидуальность. Такое универсальное общее возможно как абсолютное небытие, описывая которое Нисида пользуется такими выражениями буддийской мысли как «созерцание без созерцающего» и «определение без определяющего», тем самым утверждая его несубстанциальность. В итоге Нисида противопоставил классической европейской концепции, которую обозначил как «диалектику процесса», концепцию диалектики места, являющуюся по существу диалектикой абсолютного небытия. Подобная диалектика становится возможной благодаря абсолютному отрицанию, исключающему всё, что связано с представлением о развитии и процессе. Ничто, небытие выступает как та среда, где всё происходит, а само происходящее представляет собой смену событий, совершенно между собой не связанных. «Ничто» Хайдеггера, которое определяется как «ничто из сущего», рассматривается Нисида в качестве основы сущего и места его (не)бытия. В итоге Нисида приходит к выводу о том, что идея небытия как представление о «всеобъемлющем универсуме, который, будучи всем, есть ничто», определяет духовный характер восточной культуры, в отличие от потребительской, ориентированной на бытие, культуры западной.

Ниситани Кэйдзи был учеником Нисида и в своих философских построениях опирался на Хайдеггера и Сартра. Он, как и Нисида, также разрабатывал намеченную Хайдеггером проблему ничто, и видел в ней альтернативу креационистскому взгляду на мир. Для Ниситани была важна экзистенциалистская идея творчества человеком самого себя из небытия. Подобное творчество не является простой опорой на собственные силы. Человеческое бытие постоянно преодолевает рамки наличности, чтобы осуществиться через небытие. При этом точка зрения, формируемая буддийским пониманием пустоты, поднимает, по мнению Ниситани, атеистический экзистенциализм на качественно новый уровень: «С позиций этой

пустоты, позволяющей преодолевать человеческий взгляд, раскрывается мир становления всех вещей».

Мы видим, что Ниситани и другие ученики Нисида продолжили его путь соединения западных представлений о ничто (философского нигилизма) с восточным пониманием пустоты. Так, Судзуки Тору придумал понятие «мир эхо — бытия», обозначающее бытие как отзвук (эхо) первичного небытия — абсолютной пустоты. Из всех видов небытия, лишь несуществование человека выступает как самосознающее. Собственно мир предстаёт как логически выраженная связь «я» и «ты» через посредство вещей. Однако, за внешней связью через вещи скрывается внутренняя связь через пустоту, в которой, как в трансцендентном небытии, находят отражение вещи. «Истинная картина бытия — это мир, в котором раздаётся эхо пустоты абсолюта, — писал Судзуки Тору. — Эта пустота внешне отражается в виде вещей». В мире эхо — бытия перекликается абсолютно свободная пустота, которая только и делает возможным подлинное бытие как ничто. Мир-эхо — это мир гармонии свободной любви, товарищество «я» и «ты», которые, опосредованные вещами, пребывают в абсолютной пустоте ничто. «Эхо трансцендентной пустоты, подобно кругам на воде, распространяется от материи к жизни, от жизни к духу и к обществу». В отличие от Нисида, пустота у Судзуки субстанциальна. Она представляет собой абсолютное нематериальное начало, окрашенное в традиционно восточные мистические тона.

Эстетический экзистенциализм Имамити Томомобу рассматривает акт смерти как результат деятельности ничто. Именно так Имамити понимает определение Хайдеггером человека как бытия, стремящегося к смерти. Согласно Имамити, ничто выступает в качестве силы, утверждающей и определяющей жизнь человека и одновременно как сила, вызывающая его смерть. По мнению Имамити, уверенность человека в собственной смерти основана не на логике разума, согласно которой «все умирают, и я умру». Источником такой уверенности является воздействие на человека самого

ничто. В человеке для ничто нет ничего скрытого. «Ничто, — говорит Имамити, — хотим мы этого или нет, своим присутствием вокруг нас и в нас намекает нам о смерти заранее».

Пустота и ничто встречаются друг с другом на Востоке и на Западе. В то время, как мыслители киотской школы рассматривали ничто, просветлённый учитель адвайты из Великобритании Дуглас Хардинг обратился к пустоте. Хардинг упорно искал ответ на вопрос «кто или что я такое?». Его книга «Об отсутствии головы» рассказывает о том, как в возрасте 35 лет он обрёл ясное видение своей пустотной природы. Последующие двадцать лет Хардинг упорно, хотя малопонятно писал об отсутствии собственной головы и, следовательно, об отсутствии себя, как такового. Многие до сих пор считают, что он либо говорит загадками, либо слегка не в своём уме. Мало кто верит, что он действительно так думал:

«Во-первых, я знаю: пустота целиком и полностью осознаёт свою пустоту. Она наслаждается собой как безупречной ясностью. Во-вторых, именно потому, что она является ничем, она является всем. При отсутствии в этой пустоте меня самого я наполнен всем остальным. Будучи третьим лицом, я — это мир, будучи первым лицом — я заключаю его в себе. Увидеть это, значит быть тем, кто я есть. И этого достаточно. Безголовость — смысл моей жизни и радикальный ответ на все мои проблемы».

Обнаружение великой пустоты внутри себя являлось целью большинства мистиков. Иисус тоже считал, что мы должны искать царства внутри себя — но не среди крови, мозга и костей, добавил Хардинг. Согласно утверждению последнего, однажды увидев своё отсутствие, его можно видеть снова и снова, в любой момент, по собственной воле. Результат — освобождение от неподлинного «существования». Пустота не наполнена миром, поскольку она и есть единственно возможный мир.

В последнее время к философии пустоты обратился и скандально — известный российский писатель Виктор Олегович Пелевин («Диалектика переходного периода из Ниоткуда в Никуда»; «Чапаев и Пустота» и т.д.):

«— Не спится? — спросил Чапаев. — Да, — сказал я. — Не по себе. — Чего, пустоту раньше не видел? — Я понял, что словом «пустота он называет именно это «нигде», которое я впервые в жизни осознал несколько минут назад. — Нет, — ответил я. — Никогда. — А что ж ты тогда, Петька, видел? — задушевно спросил Чапаев». («Чапаев и Пустота»)

В пародийных сюжетах Виктора Олеговича персонажи нужны, как правило, лишь для того, чтобы озвучить по ролям его пустотные категории. Поскольку субъект и объект сводятся им к пустоте, их значения можно легко поменять местами. Скажем, Бог мыслит человека, или человек Бога? Это не имеет никакого значения, потому что в итоге мы получаем абсолютный ноль. Великолепен сюжетный ход романа «Чапаев и пустота», когда Василий Иванович уничтожает с помощью глиняного пулемёта иллюзию мира. Алистер Кроули считал, что есть магическая формула вселенной, как «отражательной установки для расширения пустоты посредством уравновешенных противоположностей». Он утверждал, что знает сокровенное имя Бога — «утраченный тетраграмматон», при изречении которого вселенная рассыплется в труху. Опасаясь за судьбу вселенной, он никому не раскрыл своей тайны. Но глиняный пулемёт всё равно уже пущен в ход. Короче говоря, нет ничего, кроме ничего, а кто думает иначе, тот плохо подумал:

«Представьте себе непроветренную комнату, в которую набилось ужасно много народу. И все они сидят на разных уродливых табуретах, на расшатанных стульях, на каких-то узлах и вообще на чём попало. А те, кто попроворней, норовят сесть на два стула сразу или согнать кого-нибудь с места, чтобы занять его самому. Таков мир, в котором вы живёте. И одновременно у каждого человека есть свой трон, возвышающийся над всеми царства-

ми мира — нет ничего, что было бы не во власти того, кто на него взойдёт. Этот трон принадлежит каждому человеку по праву, но взойти на него почти невозможно, потому что он находится нигде... Так почему бы вам не оказаться в нигде при жизни? Клянусь вам, это самое лучшее, что в ней можно сделать: это то же самое, что взять и выписаться из дома умалишённых». («Чапаев и Пустота»)

Осознав, что существует лишь спасительное «нигде», мы, как несуществующие, становимся абсолютно свободны. Мы сами себя выписываем и отпускаем: *«Вы знаете историю про барона Мюнхгаузена, который поднял себя за волосы из болота? Реальность этого мира имеет под собой похожие основания. Только нужно представить себе, что Мюнхгаузен висит в полной пустоте, изо всех сил сжимая себя за яйца, и кричит от невыносимой боли. С одной стороны, его вроде бы жалко. С другой стороны, пикантность его положения заключается в том, что стоит ему отпустить себя, и он сразу же исчезнет, ибо по своей природе он есть всего лишь сосуд боли с седой косичкой. И если исчезнет боль, исчезнет и он сам».* (Виктор Пелевин «Священная книга оборотня»)

Лишь в пустоте возможно увидеть сущее. В то время как чувственность имманентна предметности, дух полностью принадлежит ничто. Мы можем видеть у духа возможность бессмертия через посредство смерти. Знание — я есть пустота — означает постижение истины. Единственный путь в вечность для временной формы, которую приняла пустота — перестать считать, что она — форма и понять, что она и есть пустота. Если я есть пустота и ты есть пустота, то я — это ты, и оба мы принадлежим вечности.

Сон восьмой. Пустота как прямое действие

Вернёмся в Китай. Конец пятнадцатого столетия. Будущий философ Ван Янмин собрался жениться. В свадебный вечер он пошёл на прогулку и не вернулся. Ему сообщили, что в окрестных горах живёт отшельник; туда он и направился, и они проговорили до рассвета. В доме жены случился большой переполох, во все стороны послали на поиски людей, и в конце концов его обнаружили в горах.

Впоследствии, будучи чиновником, Ван Янмин вступил в конфликт с вышестоящим начальством и был сослан в деревню. В одну из ночей его озарило: всё обладает знанием. Ошибочно искать истину вовне. Путь мудреца заключён в нём самом, — сознание этого пришло к нему внезапно вечером в безлюдном месте, где не было ни книг, ни товарищей, с которыми можно было бы поспорить, ни наставника. Это был его мистический опыт.

КОЛОДЕЦ #4

В 39 лет он вернулся в столицу, а в 46 стал военным генерал-губернатором и усмирял повстанцев. Одновременно Ван Янмин продолжал страдать от клеветы чиновников, но этим только укреплялось его мировоззрение.

Кодекс чести японских самураев имеет те же конфуцианские корни, что и учение Ван Янмина. Хотя символом самурая являлся меч, главным оружием самурая был его дух. Меч — это лишь продолжение самурайского духа. На поле боя, где свистели стрелы, и повсюду витала смерть, воин должен был уметь не только сохранить ясность ума, но и заставить себя мыслить и действовать намного быстрее, чем в обычной обстановке, чтобы использовать даже малейшие возможности для победы и выживания на поле боя. Поэтому самураи стремились исследовать и развивать способности своего духа, и в этом им помогали мастера дзен-буддизма, ставшие наставниками многих прославленных воинов.

«Я постиг, что Путь Самурая — это смерть.

В ситуации «или-или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнись решимости и действуй. Только малодушные оправдывают себя рассуждениями о том, что умереть, не достигнув цели, означает умереть собачьей смертью». Так учит средневековый кодекс чести самураев «Хагакурэ».

Революция пустоты есть соединение самурайского духа, нигилизма и прямого действия. Поскольку прямое действие непосредственно связано со смертью, мыслители, которые хотя бы один раз оставили кабинетные размышления и вступили в мир действия, легко становятся адептами мистицизма, с его стремлением к спонтанной удаче, и сторонниками нигилизма, сознающими своё и всеобщее несуществование.

Китайский философ Ван Янмин жил в конце XV — начале XVI века. Он создал многочисленные философские сочинения — «Чуань си лу» («Записи преподанного и воспринятого»), «Да сюэ вэнь» («Вопросы к Великому учению»), «У цзин и шо» («Собственное мнение о Пяти канонах»), «Чжу-цзы вань нянь дин лунь» («Поло-

жения, установленные Чжу Си в конце жизни») и другие. Теоретические основы системы Ван Янмина таковы:

1) положение о едином происхождении принципа и внутренней силы;
2) положение о достижении благого знания;
3) положение о единстве знания и действия.

Ван Янмин был склонен подчёркивать значение интроспекции и медитативной практики для достижения самопознания, без которого внешнее знакомство со многими предметами могло оказаться бесполезным. Наиболее оригинальным в учении Ван Янмина должно быть, по-видимому, признано его знаменитое положение о том, что вне сердца-ума нет ни принципа-ли, ни предметов-явлений, ни занятий-деятельности. При этом Ван Янмин считал сердце-ум не органом в физиологическом смысле, а своего рода средством познания, тело-сущность которого — совершенное благо. Вместо того чтобы утверждать, что добро и зло познаются благодаря исследованию действительности, Ван Янмин настаивал на том, что благое уже содержится внутри сердца-ума, и поэтому его легко распространить в действие. Практика познания названа Ван Янмином «распространением благосмыслия до предела», это означает, что человек «должен всегда поступать так, как подсказывает ему сердце». Таким образом, «благосмыслие» становится основанием для интеграции личности во внешний мир. Это может быть описано как ощущение единства со всем окружающим миром — от собственных детей до чужестранцев и даже вплоть до черепицы на крыше и камней. «Даже Небо и Земля не могут существовать как таковые без человеческого благосмыслия».

Несмотря на то, что стиль рассуждений в «Чуаньси лу» весьма близок к тому, что принято называть идеализмом, в действительности Ван Янмин стремился как можно сильнее выразить представление о том, что моральные ценности берут начало во внутренней гармонии чувств, в сердце человека. Нравственные представления

возникают внутри сердца-ума и затем распространяются на окружающий мир, а не вытекают из какого-либо внешнего источника.

Ван Янмин был неплохо знаком с буддийскими и даосскими книгами и постоянно использовал их в своей работе. Однажды философ заставил своих учеников «учиться мудрости простого народа», исходя из того, что она служит продолжением сознания человека, а не внешним по отношению к нему знанием. «Благосмыслие и благомощь у глупого мужика и глупой бабы те же, что у совершенномудрых», — говорил он.

Важнейшей характерной чертой философии Ван Янмина является трактовка им знания как смыслообразующего действия. Значение тезиса философа о «совпадающем единстве знания и действия» — в демонстрации действенного характера знания, стремлении доказать, что знание есть действие, а не наоборот, что существенно повышало статус знания и шире — сознательного начала в человеке. Для обозначения единства знания и действия Ван Янмин и использовал, в частности, термин «благосмыслие», под которым подразумевал «субстанциальную сущность и трансформирующую активность одновременно». Рассуждая о единстве знания и действия, Ван Янмин учил: «Знание есть начало действия; действие есть исполнение знания, знать и не действовать означает знать не вполне». Ван Янмин утверждал, что нравственная истина должна немедленно переходить в действие, в противном случае она несостоятельна. Если отсутствует действие, то нет и осознания; раз нет перехода к действию, то осознание ущербно, — именно в этом заключается самый радикальный компонент учения. Говоря более современным языком, Ван Янмин предпочитал дионисийский путь познания, заключающийся в отбрасывании разума, место которого занимает мечущееся в прямом действии тело. «Не нужно быть всё время настороже. Нужно считать, что ты уже мёртв». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ». Подобный мистический опыт Хайдеггер называл бегством от себя, состоянием восторга, пребыванием вне себя от восхищения.

Итак, распространение благосмыслия до предела есть распространение знания, которое изначально содержится в уме-сердце человека, в действие. А смыслообразующее прямое действие, непосредственно связанное со смертью, порождает нигилизм. Поскольку в эпоху Ван Янмина слово «нигилизм» ещё не было известно, вместо него использовалась категория «возвращения к великой пустоте», которая традиционно рассматривалась в качестве источника возникновения всех вещей, последнего разделителя добра и зла посредством разума. Если, к примеру, разбить кувшин, то пустота, что содержалась в нём, возвращается к великой пустоте. Если представить себе человека в виде такого сосуда, то пустота, содержащаяся в нём, то есть облечённая в тело мысль, устремляется к совершенному разуму, истинной великой пустоте, разбивает кувшин (тело) и мгновенно соединяется с вечнопребывающим абсолютом. Эту великую пустоту можно определить как первооснову активного нигилизма.

Сравнивая пустоту в буддизме с ванъянминовской великой пустотой, мы видим, что пустота, растворяющая в нирване всю иллюзорную множественность вещей и великая пустота, выступающая источником прямого действия, на первый взгляд противостоят друг другу. Однако в буддизме Махаяны, где говорится о необходимости действий для спасения от заблуждений, порождаемых иллюзией «существования», неясно скрыта связь буддийской категории пустоты и великой пустоты из учения Ван Янмина. Согласно замечанию Мисимы, самосожжение вьетнамского монаха в знак протеста против войны, вполне может рассматриваться как прямое действие, совершённое в соответствии с учением Ван Янмина.

Когда нам говорят о Небе, мы обычно представляем себе голубые небеса, но Небо не есть только это. Частицы всеобщей пустоты, скрывающиеся среди камней или в речных волн -это такие же проявления абсолюта, как и небо. Небольшая пустота, которая содержится в нас, ничем не отличается от пустоты, которой обладают святые. Если кто-нибудь пожелает вернуться к великой

пустоте (абсолюту), ему следует знать, что Небо уже пребывает в его уме-сердце. Любой человек, при наличии истинного желания, может достичь пределов святости. «Святой уже сам по себе есть великая пустота; великая пустота уже сама по себе есть невыраженная святость».

Для соединения с абсолютом необходимо с чистым сердцем и искренностью отбросить любые желания, опустошить все формы. Ведь даже огромные города и целые острова разрушаются от ударов землетрясения — именно потому, что обладают формой. Однако никакое землетрясение не в состоянии уничтожить великую пустоту. Именно с учётом этого, рассматривая процесс возвращения ума-сердца к великой пустоте, говорят об истинной неподвижности. Иными словами, великая пустота есть исходная сущность, вечная неразрушимость и неподвижность, действительное пребывание мира. Когда ум-сердце обращается к великой пустоте, любые действия и поступки выходят за пределы категорий добра и зла и, став результатом подлинного интуитивного знания, полностью сливаются со справедливостью Неба, превосходящей рождение и смерть.

Человеку следует не досадовать на смерть тела, но сердиться на смерть сердца. Именно из этого положения прямо вытекают крайности прямого действия. Если знать, что в действительности ум-сердце не умирает, тогда в иллюзорном мире не останется решительно ничего, чего следовало бы бояться. Сила воли становится запредельной.

Сегодня все мы живём в эпоху, когда смерть сердца представляет собой самое распространённое явление. По мере того, как средняя продолжительность жизни год от года увеличивается, умножается и количество людей, считающих, что следует опасаться не смерти сердца, а смерти тела. В таких обстоятельствах, мировоззренческая позиция, обретённая воином пустоты, как носителем прямого действия, воспринимающим смерть в виде пространственного вхождения в великую пустоту, в виде возвращения

абсолюту собственной маленькой пустоты, наглядно демонстрирует нам преимущества мощи духа. Эти преимущества ясно видны на примере японского последователя учения Ван Янмина, Осио Хэйхатиро, который был предводителем восстания 1837 года, направленного против правительства сёгунов Токугава. Отряды восставших были вскоре разбиты, Осио покончил жизнь самоубийством.

В юности Осио Хэйхатиро посетил школу в Оми, где Накаэ Тодзю («Святой из Оми») за два столетия до этого излагал учение Ван Янмина. Во время возвращения в Осаку, при переправе через озеро, когда лодка Осио попала в сильный шторм, он вручил свою судьбу небу и стал готовиться к смерти. В эти мгновения он обрёл просветление и понял, что его философское стихотворение, рассказывающее о необходимости потерпеть поражение для обретения интуитивного знания, написанное во время предыдущего визита в Оми, относилось не к абстрактному человечеству, но к нему самому. «Тогда пришло ко мне осознание,- писал впоследствии Осио,- что, если не смогу разобраться в себе самом, вся учёность, которую я накопил за жизнь, ничего не стоит. И, когда я сидел неподвижно, а волны бушевали вокруг, мне было видение, что я встретился с самим Ван Янмином. Если бы мне удалось оставить всякое самоосознание, разве могли бы произвести на меня малейшее воздействие волны? В тот момент всякий страх и жалость к себе исчезли, как снег, тающий под солнцем...» Вскоре шторм прекратился, и Осио спасся. Мистический опыт, обретённый на озере, придал ему полную душевную решимость и подготовил его к последним действиям и смертному концу так, как не смогла бы никакая сумма знаний, или бездна учёности.

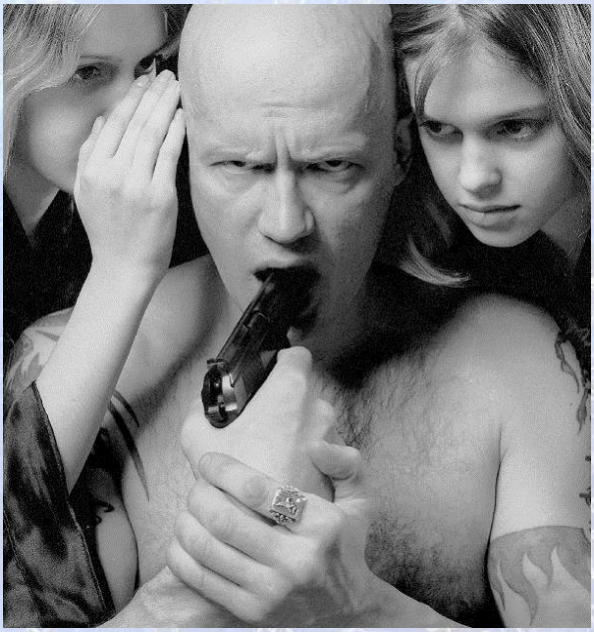
После поражения возглавленного им безнадёжного восстания, Осио Хэйхатиро был осаждён в одном из крестьянских домов. Стражники призывали Осио выйти и сразиться с ними, но он не ответил на их уловки, и они решились на немедленную атаку. Осио сразу поджёг солому и прочие горючие материалы, которыми

обложил дом именно на такой крайний случай. Когда стражники всё-таки ворвались в помещение, он выхватил кинжал около сорока сантиметров в длину и вонзил себе в горло, перерезав сонную артерию. После этого вытащил оружие из раны и швырнул его в нападавших, однако, что для него всегда было характерно, не причинил им серьёзного вреда. Какое-то мгновение он стоял у входа, и охранникам была смутно видна его высокая фигура, напоминавшая священника, окружённая языками пламени. Потом он упал и погиб в горящем доме.

Деятельная сторона учения Ван Янмина становится очевидной на стадии прыжка от осознания к действию. Если бы не было великой пустоты, мы неизбежно утонули бы в осмыслениях и так и не смогли бы освободиться от рассудочности и познавания. Философия Янмина есть путь возврата к спонтанному прямому действию, которое совершают безрассудно при помощи активного нигилизма, используя как рычаг великую пустоту.

«Все мы желаем жить и поэтому неудивительно, что каждый пытается найти оправдание, чтобы не умирать. Но если человек не достиг своей цели и продолжает жить, он проявляет малодушие. Он поступает недостойно. Если же он не достиг своей цели и умер, это действительно фанатизм и собачья смерть. Но в этом нет ничего постыдного. Такая смерть есть Путь Самурая. Если каждое утро и каждый вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить так, словно твоё тело уже умерло, ты станешь подлинным самураем. Тогда вся твоя жизнь станет безупречной и ты сможешь преуспеть на своём поприще». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ».

В своём предсмертном письме японский воин пустоты Юкио Мисима сказал: «Под влиянием философии Ёмэй (Ван Янмина) я понял, что знать и не действовать — значит знать недостаточно; само же действие не предполагает какого-либо эффекта».

Сон девятый. Ничто к Власти и Пустота к Господству

«Я учу не примитивной замене одного человеческого правления на другое, ещё более человеческое, но жесточайшему захвату абсолютного превосходства через Ничто к Власти и утверждению тотального преобладания через Пустоту к Господству. То есть: имеющий уши... находит их уже отрезанными». (Азсакра Заратустра «Ничто к Власти и Пустота к Господству»)

Если бы атомная бомба могла философствовать, то она непременно бы утверждала, что её философия — ни для кого, но в том-то и дело, что её убивающая мудрость — только для всех. Так говорит современный философ и поэт-мистик — Азсакра Заратустра, суровый создатель легендарной тысячестраничной и всецело пустотной «Библии Ничто, Библии Пустоты». Эта книга книг представляет собой то, что Мирча Элиаде называл «иерофанией»: проявление священного в мирском, концентрацию мощи абсолютной пустоты.

Мистические интуиции часто бывают сложными для восприятия, ибо только всё мелкое и бесспорное безусловно понятно. Составленное, в основном, из высказываний Азсакры свободное изложение его взглядов представляет собой prolegomena к философии у-Ничто!-жения (Ничто!-властвования) и ис-Пусто!-шения (Пустот-

но!-господствования), что и должно в ближайшем будущем, по его словам, создать эффект Окончательного Отсутствовластия, которое, в свою очередь, приведёт к аннигиляции всей человеческой Системы повсеместного правления «того же самого» духа тяжести.

В полдень, когда умолк мистический диалог, происходивший в абсолютном молчании, змея внезапно укусила Заратустру в губы. Заратустра, погладив её, засмеялся и мгновенно настиг смерть. Орёл, который принёс мёд в клюве для Заратустры, застал лишь его труп. «Я убийца Заратустры!», — подползая, прошипела змея. Орёл схватил её когтями и живьём разорвал на куски. После этого, издав ликующий крик, крылатый «вестник воли к мощи» взмыл в клубящееся чёрными грозовыми тучами небо и тут же в мгновение ока был испепелён ударившей в него молнией. Но и молния, которая есть Сверхчеловек, тоже гибнет. Последней ярчайшей вспышкой молнии закончился закат Заратустры. Великое кольцо возвращения замкнулось смертью в смерти, ибо только в жесточайшей гибели заключается тайна главного перехода.

Ницшеанский Сверхчеловек умер и теперь не вернётся, даже, если его наделить новой, ещё неизведанной никем волей к власти. Вместе со смертью Сверхчеловека исчезает дьявол — так и неразгаданная никем тайна Зла с большой буквы. Иными словами: сегодня Абсолютное Зло уже нельзя ни помыслить, ни спроецировать. В мире остался лишь «перманентный человек», который обречён вечно возвращаться к самому себе, реализуя своё жалкое и трусливое «человеческое, слишком человеческое». Но, именно в момент триумфа «повсеместного человека», по ту сторону всех по-ту-сторон, из гибели Сверхчеловека рождается Сверхноумен — само Ничто, которое так же, как и каждое «Сверх», неистово стремится только к одному: настигнуть Смерть!

«Две реанимации, сильные отравления, некрозы, обширные ожоги, глубокие колотые и резаные раны, открытые переломы, разрывы мышц живота от ударов кастетами, сильные заражения крови, потеря правого глаза. Но всего этого недостаточно. Однажды,

после удара кувалдой в сердце меня спросили: что это, война или мясная лавка? — Треск стрекозы в огне!» (Азсакра Заратустра «Ничто и Ничто к Власти»)

Чистая пустотная мудрость Сверхноумена есть страшная мудрость Уже Сверх Без «человека». Она даёт четыре основных императива:

1) Не родиться;

2) Не существовать;

3) Быть — Ничто;

4) И, следовательно, как можно скорее «настигнуть Смерть!»

Сверхноумен-Ничто разрушает все мыслимые и немыслимые пределы рационализма и иррационализма. Для того чтобы являть Ничто к Власти, не нужно переоценивать все ценности. Достаточно устранить все ценности и всех оценивающих эти ценности, включая само «ничто». Воля к Власти Сверхноумена, в отличие от человеческой воли к жизни, есть лишь бесконечное превышение всех ставок смерти. Это уже всецело иной мир — мир как воля и истребление! Усилить мощь всего живого — значит укрепить силу всего мёртвого. Рождение ничто из духа Ницше означает рождение крайнего буйства жизни из духа Ничто. Такова боевая пустотная стратегия окончательного преодоления нигилизма с помощью антифилософии Великого Полдня. Таково пустотное царство Заратустры, утверждённое как проекция ницшеанской воли к мощи через Ничто к Власти и Пустоту к Господству.

В области смерти мышление мыслит и воля волит — скрыто, тайно, интуитивно. Ибо только здесь возможно мышление без страха. Нужно всегда помнить о том, что всякая секунда, которая проживается или мыслится, несёт в себе страх. Поэтому драконы ужаса должны пожрать драконов страха. Любые философские опоры лишь помогают сохраниться страху, поэтому они должны быть жестоко истреблены. Пришло время нанести всей философии завершающий удар, как заключительное протыкание мечом отсутствия шеи побеждённого присутствия. Необходимо безумием Ницше

счищать сумасшествие всей философии как тотального мыслетрусия. Для мужчины нет ничего выше этого — мыслить как Ницше и умирать как Мисима. Средневековый японский самурай (дух, всегда готовый к разрыву!) здесь бы сказал так: нужно доверять только голосам мёртвых героев. Нельзя доверять тем, кто уцелел. Каждый подлинный мыслитель опасен, опасность рождает истину. Мыслить опасно — значит мыслить крайними избытками смерти. Даже если тебе целятся из револьвера в голову — не торопись отступать. Лишь в пустоте пустота пустотно пустует.

Ум способен стать Богом, но твоё тело всё равно будут резать и расчленять. Мало того, тело должно быть готово к самой ужасающей истине — абсолютному разрыву Духа. Необходим подъём на самые головокружительные высоты смерти, где «всех», как «всех, слишком человеческих», неумолимый Дух разрывает в клочья. Разрывание и расчленение всегда совершеннее, чем озарение и просветление. Поражение было бы слишком лёгким исходом для человека и потому человек его не получит. Всё будет намного страшнее. Кто боится погибнуть, как собака или быть раздавленным, как муравей, погибнет во сто крат хуже — человеком. «И кого вы не научите падать, того — ещё быстрее — сделайте падалью!». Так говорит Азсакра Заратустра.

В отличие от человека все звери всегда настигают смерть избыточно и достойно. Нет большего счастья, чем жить вне людей, среди хищных орлов и ядовитых змей. По Азсакре: самый крохотный раздавленный червь — в своей смерти — более Бог, чем сам Бог. К примеру, обычно считают, что понятия «курица» и «героизм» взаимно исключают друг друга. Между тем, именно курица способна к самому крайнему проявлению волетела — эффекту отрубленной головы. Именно в этой точке смерти курица совершеннее любого тигра. Больше того, в этом сверхжизненном порыве волетела она, хотим мы того или нет, превосходит даже Мисиму. А это значит — не человек, не Бог, но только одна смерть имеет искомую храбрость домыслить всё до конца. Нам нужно иметь му-

жество мыслить подобно Смерти — начертывать её всегда с большой буквы! Неумолимо наступать собственной Гибелью вопреки всему. Каждый конкретный и абсолютный закон должен быть нарушен и убит с помощью Ничто к Власти и Пустоты к Господству. Для этого нужны лишь непрестанные и неуловимые пустотные воли самой сияющей Смерти. Высший опыт отрешённой гибели подчёркивает мизерность и убогость любого человеческого правления силы, каждого homo-носного диктата по сравнению с мощью разрыва духа. Мы должны действовать вне цели, оправдания и смысла, проявляя лишь роскошь максимальной агрессии Духа. Не столько жить содержательным «человеком», сколько непрестанно сражаться наиболее крайним избытком пустотного «Сверх»! Абсолютное Ничто к Власти неостановимо и мощно, ибо раз и навсегда бесполезно. В этом ничто нет ни многих, ни единственного. Соответственно Ничем как Пустотой к Господству не сможет воспользоваться никто, кроме роскошного в своей избыточной агрессии Сверхноумена.

«Я учу истреблять учеников. Подлинная школа борьбы — это храм без верующих. Я — крайняя опасность пустоты и все, кто идёт по моим следам, так и не увидев их, исчезают». (Азсакра Заратустра. «Ничто и Ничто к Власти»)

Истинное Небытие — это истребление похорон, похоронных обрядов и похоронного мыслетрусия. Похороны есть трусливое и постыдное удаление «всего человеческого» от ужасающего мужества трупа. Во всём, жестоко убитом, всегда остаётся Ничто, которое мстит миру всегда и поэтому оно (как Ничто к Власти) ещё обязательно прыгнет. Это Ничто к Власти, как одновременное уничтожение верха и низа, господства и анархии, порядка и хаоса. А из Ничто к Власти всегда следует Пустота к Господству как прицельное добивание всего остального. Убить мир как слабость — значит превзойти его не силой, а отсутствием, то есть вынудить жизнь жить именно и только самим Небытием. «Слабые люди робеют перед чистым энтузиазмом, они не в состоянии вынести

жара его огня», — писал Альфред де Виньи. Отсюда упражнения в активном «настигании смерти» всегда направлены не против сакральных принципов жизни, не contra жизневластия, но лишь против профанных способов «умирания», «подыхания», «отруплива-ния». Таким образом — эти «упражнения в смерти», неистовые «броски в гибель» подготавливают Сверхчеловека для последующих сражений в Абсолютном Ничто, то есть Сверхчеловек неустанно практикуется именно в том, чтобы его чистое «Сверх» превзошло частичного и мелко-пристрастного «человека», возвысилось до видения всеобщего Несуществования в его универсальной перспективе Сверх. И путь этот всегда один: от Сверхчеловека — через его неумолимую Гибель — в Сверх Без «человека»; а затем и ещё дальше — в Сверхноумена! Зачем? Даже один атом смерти ценнее миллиардов частиц спасения и сохранения, ибо труп мужественнее Духа. Труп — это само великое схватывание Духа в его неожиданной трусости. Невозможно жить без проектов собственной смерти. И не только без самой Смерти, но и без планов по дальнейшей зашифровке трупа. Это означает, что, несмотря на гибель, необходимо продолжать изумлять, ужасать и загадывать мир собственным «истреблённым телом». Если, конечно, не дрогнут те, кто должен участвовать в этом. Но и без них возможно обойтись.

Смеющимся львом идти по костям Конфуция.
Пустота безжалостней, чем битва и революция.
Пока дао мягко сжимает кулак —
Никто настигает Ничто — не умирая никак.
Ничто настигает Никто — не оживая никак.
(Азсакра Заратустра «Сверхноумен»)

«В Ничто ничего никогда не меняется, кроме Ничто к Власти» — таков непреложный закон Ни Для Кого. Но разве иллюзия мира, усиленная через иллюзию человека, не есть чернь? Мы ненавидим мир не за то, что он “мир”, а за то, что он — “быдло”, скопище трусливо и комфортно мыслящих ублюдков. Поэтому если рабы не

дремлют, то и господа не спят. Если Пустота отсутствует и не приказывает, то приказывает и волит Пустота к Господству».

Необходимо научиться использовать тайную мощь наиболее непроявленных сил, превосходств и преобладаний: *небытие* (храбрость), *несуществование* (смелость), *отсутствие* (отвагу), *пустоту* (решимость), *ничто* (мужество). Сверхцель Будды до «будды» — четвёртый (истинный) поворот колеса дхармы, который возвестит приход Ничто к Власти и Пустоты к Господству. Абсолютно нет ничего «существующего», кроме Ничто к Власти. Ничто есть ничто иное как Ничто к Власти, переходящее в Пустоту к Господству. Ничто к Власти стремится сделать каждого Заратустру одновременно солдатом и вождём Пустоты к Господству. Оно не наделяет исчезнувшее нечто жизнью в Ничто, но, напротив, уничтожает само Ничто. Если идти больше некуда — это и будет началом движения с помощью Ничто к Власти, когда нападать больше нечем — это и станет началом применения Пустоты к Господству. «Только в силу того, что я не существую, я истребляю и захватываю. Любая форма — лишь след моего пустотного насилия внутри меня же самой». — Так говорит пустота, которая изначально есть Пустота к Господству. Каждый, кто живёт на лезвии ножа, крайне болезненно ощущает нестерпимый упадок пустоты, её тысячелетний буддийский декаданс. Есть только два вида войны: сильное сражается с сильным за превосходство в гибели, или слабое борется со слабым за подачку выживания и последующее мягкогниение в трусости. Возникает главный вопрос: хочет ли Пустота убивать? Ответ: ещё больше, чем всё остальное!

Самый ис-Пусто!-шающий изыск: Пустота к Господству всегда убивает, но не оставляет ни трупов, ни их отсутствия. Ничто к Власти всегда разрушает, но не оставляет ни руин, ни отсутствия руин. Что мы, как Ничто к Власти, можем любить вечно? Только Пустоту к Господству...

И когда чёрное солнце ничто воссияет рядом с белым солнцем Пустоты — смеющийся лев Ом прыгнет в свой Великий Полдень.

КОЛОДЕЦ #4

Сон десятый. Философия несуществования

«Нельзя допускать вообще никакого бытия...» (Ф. Ницше)

Жил-был человек, которого не было...

Ноль, изображённый в виде круга, указывает на абсолют, пребывающий внутри этого круга. Если ноль изображают в виде овала, его стороны обозначают процессы нисхождения и восхождения. В символике ноля присутствуют небытие, мысль и таинство. Ноль — соединение бесконечно малых и бесконечно больших величин, исток всех чисел, сам себя замыкающий круг мира. Ноль символизирует как вечность, беспредельность, так и пустоту, несуществование, идеальный, запредельный мир.

«Я родился мёртвым, повторяю я себе. Все мертвы, отвечаю я себе на это. Да, они мертвы при жизни, только большинство из них не знает об этом, а я уже начал понимать. И самое отвратительное, что я понял это в самом конце своей жизни, когда ничего не могу изменить и когда слишком поздно сносить такие удары судьбы», — размышлял герой Алана Силлитоу. В отличие от «живых трупов», полностью умершие мёртвые — покойники — пребывают в покое, а покой — это мощь свободы, которую ничего не способно потревожить, состояние совершенства небытия. Бесчисленные поколения умерших и оставивших нам свои мысли мудрецов

являются идеальными собеседниками. Они несуществуют абсолютно, а мы пока сохраняем ошибочную видимость условного «существования». Об этом в своё время прекрасно сказал Лихтенберг: «Если и случается когда похоронить живого, то сотни других, в сущности мёртвых, продолжают цепляться за землю». Мир, представляющий собой самоограничение ничто, населяют персонажи, выдающие себя за живых. К примеру, когда происходит война, это означает, что одни иллюзии убивают другие иллюзии, поскольку воюют умершие. Не только пророков покоя любят слушать покойники. Сказано: «Бог не есть Бог мёртвых, но живых». Но мёртвым в ещё большей степени, чем живым необходимы своя религия и своя философия.

Движущей силой любой честной философской системы являются идеи, возникающие из душевной тревоги, вызванной злом, которое безраздельно господствует в мире. Иллюзия мира — это и есть зло. От шокирующих истин стараются уклониться, но тем меньше поводов их смягчать. Обычно тотальную несправедливость очень ярко ощущают подростки. С годами восприятие притупляется, и люди привыкают к окружающему злу: мир воспринимают как данность, а свои представления о нём — как житейскую мудрость, поскольку «так легче жить». Но это мыслетрусие и самообман: дети более мудры по сравнению со взрослыми.

Философия несуществования (нонэкзистенциализм) не имеет ничего общего с подавляющей массой бюрократических текстов современной казённой «философии» (софоложества), которые сочиняются или как руководство для студентов и аспирантов, или с целью получить учёную степень или поддержать свою профессорскую репутацию, или, наконец, чтобы просто сделать денежный оборот. Эта философия создаётся, чтобы дать слово несуществующему. Так же, как врач прописывает лекарства больному, чтобы прервать его галлюцинации, так и философия несуществования утверждает, что ничего нет. Она предназначена для людей с храбрым сердцем, которые способны бесстрашно принять все содержащиеся в ней ин-

теллектуальные вызовы, как бы ни были они разрушительны для господствующих представлений о реальности и ценностях.

Философия несуществования представляет собой объяснение мира и человека с позиций небытия, имеющего два уровня — абсолютный (собственно небытие) и относительный (несуществование, которое проявляется как видимость «существования»). Основной тезис: небытие есть, а бытия нет. Смысл нонэкзистенциализма заключается в том, что человек постоянно находится перед выбором узкого пути подлинного небытия (уже-небытия), в котором он в полной мере обретает свою истинную пустотную природу, или широкого пути небытия условного (ещё-небытия, или несуществования). Условное небытие не есть реальное бытие, так же, как занятые в долг деньги не являются подлинным богатством. Что не вечно, то несуществует, поэтому вечно лишь отсутствие «существования».

«Слово “гэн” означает “иллюзия” или “привидение”. В Индии человека, который показывает фокусы, называют “гэндзюцуси”, или “мастер создавать иллюзии”. Всё в этом мире — всего лишь кукольное представление». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ».

В качестве главного орудия иллюзии мира выступает время, но оно иллюзорно, как и сам мир. Поэтому всякая вещь, которая когда-нибудь станет пустотой, в действительности уже сейчас является пустотой, то есть, несуществует. В принципе, мы все несуществуем, только некоторые из нас думают, что они «существуют». С большинством людей происходит примерно то же самое, что и с патологическими скрягами: они принимают средства за цели и, позабыв о целях, судорожно цепляются за средства. Пустота — это обладающая самосуществованием субстанция, всё остальное — её проявления. Любая форма — это пустота, а пустота — это любая форма. Поэтому истинный ответ на экзистенциальное вопрошание — кто я? — возможен всего лишь один: я есть самосознание пустоты. И, как таковое, временно заброшен в несуществование

для осознания всеобщей пустотности мира и последующего растворения в абсолюте. В этой связи, видимо, прав был Фалес, который заявил, что между жизнью и смертью нет никакой разницы и, когда его спросили, почему же он в таком случае не умрёт немедленно, ответил: именно поэтому. В конце концов, всякая вещь, в той мере, в какой она (не) существует, стремится продолжать пребывать в своём несуществовании.

Здесь необходимо задержаться и предельно честно ответить на вопрос о самоубийстве, который Альбер Камю справедливо назвал основным вопросом философии. Согласно утверждению Кьеркегора, самоубийство представляет собой неизбежный экзистенциальный вывод интеллектуализма. Всякий интеллектуализм, когда разовьётся до своей завершающей стадии, должен закончить нигилистическим бунтом. Не является ли для божества наказанием то, что оно не в состоянии, несмотря на всё своё всемогущество, покончить жизнь самоубийством? Получается что, в силу обладания возможностью самоуничтожения, человек оказывается могущественнее богов.

По Гегелю субстанция духа есть свобода. «Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя. Кто смеет убить себя, тот тайну обмана узнал. Дальше нет свободы, тут всё, а дальше нет ничего», — рассуждал герой романа Достоевского «Бесы» Кириллов, которого Бердяев называл «самым благородным и возвышенным из самоубийц». Если мы ещё живы, значит, мы что-то в себе уже предали: в этом заключается метафизическая неизбежность самоубийства. При отсутствии идеи о бессмертии самоубийство становится совершенною необходимостью для всякого человека, чуть-чуть поднявшегося в своём развитии над скотами. В элегии греческого поэта Феогнозия эта немудрёная мысль высказывается с сугубой честностью и удивительной определённостью: «Было бы лучше, если бы дети земли не рождались вовсе. Но раз они уж родились, то самое лучшее для них — возможно скорей пройти через ворота подземного царства». Французский мыслитель

КОЛОДЕЦ #4

Вольтер именовал жизнь злой шуткой, а оптимизм определял как издевательство над всеобщими страданиями. В подобном ключе высказывался и Байрон: «Сочти радостные часы, которые ты пережил, сочти дни, свободные от тоски, и знай, кто бы ты ни был, что есть нечто лучшее — не существовать». В своём произведении «Ночные бдения» немецкий философ Шеллинг изобразил жизнь как трагикомедию, которая не стоит того, чтобы в ней участвовать и в которой главные роли назначаются самым бездарным исполнителям. По мнению Шеллинга, мы все представляем собой замаскированное небытие: «Скелет смерти всегда мелькает позади этой жадно глядящей маски и жизнь есть не что иное, как колпак и побрякушки, в которые наряжается небытие для того лишь, чтобы произвести шум и затем изорвать и отбросить их далеко от себя». Жизнь бессмысленна и ничтожна во всех своих формах, — утверждал Филипп Майнлендер. Космос, с которым она слита, всеми своими проявлениями устремляется к одной единственной цели — к смерти. Таким образом, если и «существует» смысл жизни, то он заключается в достижении абсолютного ничто, в отрицательности, в аннигиляции жизни.

Вернёмся к роману «Бесы», в котором Достоевский рассказал историю духовного бунта инженера Кириллова, Самоубийство Кириллова представляет собой мятеж против унизительного рабства человеческого духа, заброшенного на перепутье между бессмысленностью жизни и страхом смерти. «Я три года искал атрибут божества моего и нашёл: атрибут божества моего — Своеволие! Это всё, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна...Два предрассудка удерживают, две вещи, только две; одна — очень маленькая, другая — очень большая. Но и маленькая — тоже большая. Маленькая вещь — боль, но её можно перетерпеть, большая вещь — страх перед Богом, но его нет», — рассуждал Кириллов. Нет ли? «И ещё поступок Кириллова — это попытка разбудить спящего Бога, услышать от него: «Не стреляйтесь, Алексей Нилыч, Я

есмь, всё в порядке», — с иронией прокомментировал Акунин. «Liberté, Égalité, Fraternité ou la mort! Kiriloff, gentilhomme séminariste russe et citoyen du monde civilisé. (Свобода, равенство, братство или смерть! Кириллов, русский дворянин — семинарист и гражданин цивилизованного мира)», — издевательски подписал свою последнюю записку Кириллов.

«Невольно мне представлялось, что там где-то есть кто-то, который теперь потешается, глядя на меня, как я целые 30-40 лет жил, жил учась, развиваясь, возрастая телом и духом, и как я теперь, совсем окрепнув умом, дойдя до той вершины жизни, с которой открывается вся она, — как я дурак — дураком стою на этой вершине, ясно понимая, что ничего в жизни и нет, и не было, и не будет. "А ему смешно..." Но есть ли, или нет этот кто-нибудь, который смеётся надо мной, мне от этого не легче. Я не мог придать никакого разумного смысла ни одному поступку, ни всей моей жизни. Меня только удивляло то, как мог я не понимать этого в самом начале. Всё это так давно всем известно. Не нынче — завтра придут болезни, смерть (и приходили уже) на любимых людей, на меня, и ничего не останется, кроме смрада и червей. Дела мои, какие бы они ни были, все забудутся — раньше, позднее, да и меня не будет. Так из чего же хлопотать? Как может человек не видеть этого и жить — вот что удивительно! Можно жить только, покуда пьян жизнью; а как протрезвишься, то нельзя не видеть, что всё это — только обман, и глупый обман! Вот именно, что ничего даже нет смешного и остроумного, а просто — жестоко и глупо», — рассуждает в своей «Исповеди» другой русский мыслитель, Лев Толстой.

А что же прогресс? В конечном итоге никаким становлением ничего не достигается и ничего не обретается, за исключением самого ничто. Любой прогресс, как увеличение иллюзорного «существования», неизбежно приводит к увеличению страдания, в результате мир стремится стать хуже, а не лучше. Наука представляет собой кладбище идей: трагизм человеческой комедии не нуж-

дается в научной логике. Наука считает волоски на хвосте у сфинкса лишь потому что боится взглянуть ему в глаза. «Весь наш род людской не что иное, как утомительная процессия призраков, бредущих из небытия в небытие, а гуманность — это самое бесчеловечное, что мы только знаем», — написал в книге «О трагическом чувстве жизни» великий испанский пессимист Мигель де Унамуно. Действительно, ещё в XIX веке неизлечимые больные, как правило, относительно быстро переходили в абсолют небытия, в то время как сегодня им приходится предварительно пострадать, подвергаясь всевозможным истязаниям в виде химической терапии и хирургического вмешательства. Выходит, прогрессу необходимо, чтобы человек, подобно подопытной мыши, основательно помучился: иллюзорное бытие, которое сродни тоталитарной секте, не желает просто так отпускать своих пленников на свободу. Но если я вижу, что на больничной или брачной кровати корчится животное, то где же тогда человек? В этом контексте лучше быть убийцей, разбойником и маньяком, чем либералом и гуманистом.

Единственно возможное здоровье — смерть, поэтому конечная цель мёртвой петли мирового развития заключается в реализации основного условия счастья — отсутствия страданий, то есть реализация небытия. «Может быть, нуль-линия неожиданно всплывёт перед нами в виде планетарной катастрофы?» — вопрошал Хайдеггер. Для того, чтобы ускорить счастливую развязку и избежать совершенно бессмысленных страданий, человечеству необходимо проникнуться стремлением к небытию. «Не увеличивайте существования!» — прозорливо предупреждал Будда.

«Самурай должен прежде всего постоянно помнить — помнить днём и ночью, с того утра, как он берёт в руки палочки, чтобы вкусить новогоднюю трапезу, до последней ночи старого года, когда он платит свои долги — что он должен умереть. Вот его главное дело», — учит японская книга самураев «Будосёсинсю». Любое уничтожение прекрасно: иллюзию нашей самости уничтожает

не конец жизни, а божественный абсолют ничто. Разносящий в клочья видимость «существования» абсолют, освобождает нас вместе с жизнью от всего рабского. Согласно взглядам Юкио Мисима, если человек достиг высокой степени одержимости, перед ним открываются ворота смерти. При этом между добровольной и вынужденной смертью нет никаких различий. Нельзя умереть «за правое дело», поскольку природа смерти абсолютна, а любая цель относительна. Часто именно «правое дело» служит приманкой, затягивающей комедию. На распутье между жизнью и смертью самурай выбирает любую смерть. Поэтому любые доводы, отстаивающие возможность и даже необходимость поучаствовать в представлении театра теней до конца, следует *a priori* рассматривать как мыслетрусие.

Нигилистическое недоверие к смерти иногда возникает в душе воина пустоты по той причине что, умирая, мы покидаем не только жизнь, но и смерть. «Приближающаяся смерть приводит меня в ужас, потому что я вижу её такой, как она есть: уже не смерть, а невозможность умереть», — парадоксально заметил Морис Бланшо. Если философия — это наука умирания, то воин пустоты, безусловно, желал бы умирать до бесконечности, вновь и вновь. С другой стороны, совершенно очевидно, что на коллективный суицид человечеству в ближайшее время рассчитывать не приходится, разве что в результате какой-нибудь счастливой неосторожности. Понятно, что подавляющее большинство представителей несуществующего человечества этого не желает в принципе. Многочисленные поколения людей, согласно выражению Арсения Чаньшева, пришли из небытия и ушли в него, так ничего и не поняв — тем больше смысла в обращении к умершим. Как уже было сказано выше, мёртвым тоже нужна своя философия.

Может ли мир устоять против ничто, которое, приняв формы разрушения, несёт в себе нигилизм? Никогда. «Я не спорю с миром, это мир спорит со мной», — говорил Будда. Обычно люди банального склада ума предпочитают утешиться иллюзией временного

относительного благополучия, благодаря которому ещё резче обнажается всеобщая пустота жизни. «Лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньёй», — утверждал Джон Стюарт Милль, характеризуя людей, страдающих интеллектуальной и аффективной тупостью, которым свойственны безмятежное баранье счастье надежд и устремлений и редукция всех интересов к анальным потребностям. Сознающим абсолютность пустоты, но, по разным причинам, не спешащим в ней сию же минуту раствориться, можно, в порядке мыслетрусия, напомнить о том, что этого прекрасного финала в любом случае никому не избежать.

Любое удовольствие есть определённый вид боли. Есть счастье, которое заключено в мысленном созерцании бесконечного совершенства абсолютной пустоты. Есть способная вызвать уважение одержимость, заключающаяся в упорной защите позиций, заведомо обречённых на уничтожение, мужество «испить чашу до дна». В любом случае, иллюзия — это то, что следует в первую очередь расколдовать и, прежде всего, иллюзию работы, поскольку она аналогична бытию. «Нигилизм не преобразует нечто в ничто, но разоблачает, что ничто, принимаемое за нечто, является оптическим обманом», — писал в 1868 году Герцен.

Однажды, отбросив прекрасный цветок, Будда спросил: Каждое ли Ничто, способное удерживать револьвер и стрелять из него, может называть себя Ничто к Власти? — Нет, Ничто к Власти удерживает и направляет не револьвер, а наднебесные молнии, — ответил ему Азсакра Заратустра. Соединение с абсолютом невозможно без жертв: сильные духом используют нивелирующую деструкцию, свойственную нигилистическим методам и терминологии. Совершить жертвоприношение абсолюту означает не разрушить, а даровать. Можно длить собственное несуществование, следуя завету Будды «не увеличивать существование» и стремясь, насколько это возможно, видимость всеобщего «существования» уменьшить. «Нигилизм есть не только размышление над тщетностью и не только вера в то, что всё достойно гибели, он сам помогает де-

лу, сам губит», — говорил Ницше. Некоторые воины пустоты считают долгом не принимать собственного уничтожения до тех пор, пока последняя пылинка не достигнет состояния ничто. При этом важно помнить, что абсолютное небытие прекрасно обойдётся и без этих смехотворных уничтожающих усилий. Тем более, что единство пустоты, оставаясь самодостаточным, совершенно не нуждается в количественном увеличении. Не следует забывать, что в абсолютном смысле мир и всё, его составляющее, безусловно принадлежит ничто: стоит ли в таком случае дожидаться того вожделенного времени, когда все деревья, поля и травы обретут пустотную буддовость? И всё-таки, мысль о том, что человек способен хоть немного содействовать процессу, который приведёт в итоге к торжеству абсолюта, вызывает суровую гордость, ибо это необходимо не пустоте, которая в принципе ни в чём не нуждается, а нам. Здесь перестают действовать любые доводы и аргументы. Инстинкт самосохранения не в состоянии уменьшить привлекательность прямого действия, выступающего как проявление ничто и опережающего всякое объяснение, которое ему дают.

«Учитесь, — говорит классик философского пессимизма Артур Шопенгауэр, — чтобы достигнуть точного и последовательного понимания полной презренности человеческого рода». «Этот мир покрыт столь толстым слоем пошлости, что презрение к нему со стороны каждого умного человека неизбежно приобретает силу страсти», — вторит великому пессимисту французский декадент Бодлер. Нельзя не упомянуть и творчество Луи-Фердинанда Селина, чья философия отчаяния на грани цинизма, апокалиптическое видение мира, бунт против скотской жизни, перерастающий в отрицание самой жизни, воспринятой исключительно как гнусный бесчеловечный фарс — всё это представляет собой великое и беспрецедентное событие в истории мировой культуры. В целом же, в длинном ряду размышлявших «о ничтожестве и горестях жизни» мыслителей единственную заслуживающую внимания альтернативу суициду предложил другой французский философ, Эмиль Чоран,

указавший, что покончившие с собой навсегда лишаются возможности ежедневно смеяться над жизнью. Хотя не исключено, что несанкционированный уход — это и есть самый громкий хохот, когда смеётся сама пустота. В её экстатических раскатах бытие корчится, пронзаемое наднебесными молниями освобождения.

Если Шопенгауэр утверждал, что мир скверен, как только может быть, в силу одного уже факта своего «существования», то несуществующий мир становится уже не так скверен — именно в силу того, что его, в абсолютном отношении, нет:

«—Может быть, нечто какое-нибудь есть? Всё же ведь ни ничто! — Совершенный нуль. — Кто же смеётся над людьми, Иван? — Чёрт, должно быть, — усмехнулся Иван Фёдорович. — А чёрт есть? — Нет, и чёрта нет». (Фёдор Достоевский. «Братья Карамазовы»).

Главная тайна философии и этики Ивана Карамазова заключается в его апологии небытия. Там, где всё теснит в ничто, господствует нигилизм. «Итак, да здравствует забвение! Я вижу достоинство только в небытии», — провозгласил, комментируя творчество Маркиза де Сада, испанский режиссёр Луис Бунюэль. Воистину: слава ничему!

Таким образом, антифилософия последовательного нонэкзистенциализма отвергает любое решение, которое способно лишить нас свободы отвергнуть всё, что только возможно. И даже то, что отвергнуть совершенно невозможно. Несуществование подразумевает счастье не быть благодаря ничто и выражает стремление к такому соучастию в основаниях собственного небытия, которое приближается к отождествлению с ним. Сопротивление соблазну видимости «существования» требует запредельного мужества. Активный нигилизм совершается как прыжок льва. При этом всякий спонтанный акт сопротивления — прямое действие — есть утверждение небытия, независимо от конкретного содержания этого акта. Сила несуществования, явленная в действии такого рода настолько велика, что тысячи Будд в страхе трепещут перед нею. То, что с позиций проявленного мира выступает как самоотрицание, с точки

зрения абсолютного небытия представляет собой наиболее совершенное самоутверждение, наиболее радикальную форму мужества несуществовать.

Небытие не несёт в себе никакой угрозы, поскольку мы сами и наш мир — всё это и есть проявленные формы небытия. В экзистенциализме смысл жизни заключается в преодолении отчаяния, связанного с отсутствием смысла. В нонэкзистенциализме смысл жизни заключается в восторге, вызванном отсутствием жизни: восторгом приоткрывается ничто. Только в ответе на этот зов небытия человек раскрывает свою собственную пустотную природу, осознаёт наличие скрытого смысла внутри самого разрушения смысла. Победа над тревогой отсутствия смысла достигается там, где предельная истина понимается не как нечто определённое, а как пустота, поглощающая собою всё. В принципе сама пустота — это и есть единственно возможный окончательный смысл, в контексте которого евангельская притча о блудном сыне означает его блуждание на чужбине «бытия», раскаяние и возвращение в отеческий дом — в пустоту. «Если мы захотим возвести факт в степень морали, то эта мораль будет гласить: продукты декаданса более ценны, чем средние, воля к ничто торжествует над волей к жизни, а общая цель, выраженная в христианских, буддийских, шопенгауэровских терминах — лучше не быть, чем быть», — так говорил Фридрих Ницше. Согласно его мнению, величайшим доводом против бытия является сам страдающий и всесозерцающий Бог.

Как освободить от тирании иллюзии бытия всё живое и неживое? Для этого воин пустоты деонтологизирует мир, одновременно субстантивируя (но не персонализируя) ничто, стремится к тому, к чему банальному человеку вообще не положено стремиться. В игру вступает запредельное. Подобно льву, он забирается в укрытие и там творит свою философию и этику, согласно которой сила небытия всегда предпочтительнее слабости бытия. Восстание воина пустоты против банальной иллюзии мира есть, прежде все-

го, восстание против желания жить в роде и продолжать род. «Смеющиеся львы Заратустры приходят лишь для того, чтобы весело смеяться смертью, то есть, всякий раз уничтожать каждый хнычущий Эрос! В противном случае, «вечная женственность» снесёт всё и всех — вниз», — так говорит Азсакра Заратустра. Воин пустоты принципиально не принимает ничего, что досталось ему по наследству из обломков несамодостаточной галлюцинации, ничего из того, что транслируют средства массовой коммуникации, обслуживающие бытие. Он сражается не только против насилия власти, но и против массового сознания, доверяющего власти. Он конструирует радикальные авантюры мысли, выходящие за рамки повседневности, во всех вопросах придерживается личных, а не общепринятых мнений. Ещё Макиавелли говорил, что тот, кто желает обмануть, всегда имеет в своём распоряжении толпы, желающие быть обманутыми. Поэтому крайне важно мыслить не как все. Пустота не каждому открывается, задача овладения ею — задача сугубо творческая. Пустота больше, чем истина, больше чем жизнь и смерть, больше, чем вся вселенная. Мистика пустоты — это воинственная метаэротика непрестанного наступления, всегда агрессивная сверхлюбовь и надненависть к пустоте.

Сегодня, как и прежде, человек, который не боится смерти, намного сильнее самой тотальной тирании. «В той мере, в какой нигилизм становится нормой, символы пустоты становятся страшнее, чем символы власти», — утверждал Эрнст Юнгер. Согласно Иммануилу Канту, есть вопросы, которые интересуют всех: что я должен делать? на что я могу надеяться? Воин пустоты в первую очередь уничтожает надежду, ведь иллюзия и надежда — это одно и то же, поэтому любая надежда является проявлением недоверия к пустоте. Он выбирает мир несуществования для того, чтобы ему, как своему замыслу, следовать: быть пустотой, любить пустоту, сохранять верность пустоте.

Сон одиннадцатый. Сражения в пустоте

«Философия — это упражнение в смерти», — учил Платон. Когда Анаксагору сообщили о смерти его сына, он отреагировал так: «Я знал, что породил смертное существо». Учитель Платона, Сократ, в момент своей смерти напомнил собравшимся ученикам: «Мы должны Асклепию (богу медицины) петуха. Так отдайте же, не забудьте». Подводя последний итог, философ решил поблагодарить бога медицины за излечение от болезни жизни.

Согласно учению Будды практика и постижение истины суть одно. Широкий путь философии несуществования включает в себя переход от интеллектуального, теоретического осмысления небытия к практике растворения в пустоте. В этой связи возможно сформулировать самые общие направления движения в нигилистическом поле, хотя проблему собственного несуществования каждый решает для себя сам.

Прежде всего, следует, отстранившись от иллюзии окружающего, созерцать пустоту. Если сознание отказывается от тупикового стремления наблюдать внешнее и обращается к внутренней бесконечности, оно способно достигнуть корня своего несуществования — пустоты. Познай самого себя — и ты познаешь пустоту, не оставляющую места ни для чего.

Идея прямого контакта с абсолютом завораживает. Однако способна ли книга изменить жизнь хотя бы одного человека, включая

автора, учитывая то, что самое главное (потаённое) по определению не может быть сказано? «Я живу в постоянном страхе, что меня поймут правильно», — признавался Оскар Уайльд. Возможно, кажущаяся простота философских высказываний Сократа служила средством избежать прямого проговаривания основного. Всё, что может быть произнесено, лишено значительности. Пустота постигается молчанием. Многие мыслители древности считали, что философия является не системным построением, а пережитым опытом — опытом внутреннего общения с вечным.

Несмотря на это, отвратительная игра с философскими понятиями зародилась уже в древней Греции. Один философствующий болтун, сильно докучавший Аристотелю своим многословием, спросил его: «Я тебя не утомил?» Аристотель ответил: «Нет, я не слушал». В то же время наиболее мудрые из древних, например Лао-Цзы, понимали, что подлинная истина не может быть доказана, а всё, что доказано — бесконечно далеко от истины, поскольку мелко и безошибочно. Философские произведения античности сочинялись главным образом не для информирования, а для формирования. *«Вот мятущаяся душа, потерявшая корни, стонет и молит о Боге и обращает к скептику гордый и страстный вопрос: да есть ли в конце концов Бог или нет? И что же находит он у него в ответ? Молчание. Философ, может быть, только смотрит на него глазами, полными какой-то загадочной неопределённости, но — не говорит ни слова».* (А. Лосев) И это молчание скептика, подобно громовому молчанию Будды, которым он также любил отвечать на досужие метафизические вопросы, громче самого громкого крика и красноречивее тысячи трактатов.

Молчание лучше слушать в его контексте. Люди по-разному молчат о разном.

«Ничто! Это и есть то, чего достигает вера мужества и мужество веры. Ничто! Так и возник своеобразный испанский нигилизм (лучше бы было назвать его «надизмом», от испанского «nada» — «ничто», чтобы подчеркнуть его отличие от русского нигилизма).

Лучше всех выразил суть надизма художник Игнасио Сулоага. Показывая одному из своих друзей свой портрет сапожника из Сеговии, безобразного, как уроды Веласкеса, отвратительного и сентиментального карлика, он сказал: «Понимаешь, ведь это истинный философ! Он ничего не говорит!» То есть, дело не в том, что он говорит, что ничего не существует или что всё в конце концов обратится в ничто, а именно в том, что он ничего не говорит. Быть может, он был мистик, погружённый в тёмную ночь Хуана де ла Крус, быть может и все уроды Веласкеса — тоже мистика того же рода. Сапожник из Сеговии, ничего не говоря ни о чём, освободился от самой обязанности мыслить; перед нами истинный свободомыслящий». Так говорил о пользе молчания испанский мыслитель Мигель де Унамуно.

Но много ли в наши дни можно встретить философов, молчащих в соответствии со своими философскими взглядами и вызывающих стремление помолчать вместе с ними об истине? Философская, да и любая иная бессмысленность редко бывает безмолвна. Возможно, что современным философам и было бы что сказать — если бы они столько не говорили. Философствование по штатному расписанию — до этого могли додуматься только в несчастной России. На самом деле философ — это не человек, который имеет соответствующий диплом, а тот, кто мыслит и действует как философ. Этот момент истины очень актуален для страны, в которой бюрократически скомпилированная «философская» диссертация ни о чём (софоложество), является не самым сложным путём к повышению своего мнимого статуса. Философия, как и религия, должна быть бескорыстной. Становясь частью бюрократической машины, они неизбежно и очень скоро развращаются и извращаются. Отсюда подлые, расчётливые инстинкты, свойственные философским и религиозным функционерам.

«Расчётливые люди достойны презрения. Это объясняется тем, что расчёты всегда основываются на рассуждениях об удачах и неудачах, а эти рассуждения не имеют конца. Смерть считается

неудачей, а жизнь — удачей. Такой человек не готовит себя к смерти и поэтому достоин презрения. Более того. Учёные и им подобные люди за умствованиями и разговорами скрывают своё малодушие и алчность». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ».

«Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не сидит в компании развратителей». Безупречный человек — это тот, кто уходит от суеты. Делать это нужно решительно. Однако, чем сильнее человек стремится избежать общества людей, тем меньше ему это удаётся. Поэтому единственно правильный путь заключается не в бегстве, а в неучастии. В силу своего неучастия, воин пустоты становится для общества невидимкой, ведь энергия общественного инстинкта — это активность бессмысленного суммирования нулей. Герой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» Базаров был глубоко убеждён в том, что в обществе нет ни одного института, который не следовало бы разрушить. Любые социальные учреждения имеют своей целью помешать людям осознать их собственное несуществование и превратить их в обслуживающих иллюзию бытия послушных экономических животных. «Привести себя в норму, жить, как живёт “простой (т.е., тупой) человек”, считать справедливым и хорошим то, что он считает справедливым и хорошим — это будет подчинение стадным инстинктам», — предостерегал Ницше. Всё, чем занимаются люди, настолько безобразно, что нет никакой разницы, чем именно заниматься или не заниматься ничем вообще. Воин пустоты, даже когда ничего не делает — не делает ничего истово, с бунтом. Он радикальней любых революционеров, потому что не верит в реальность мира: ведь цель философии несуществования как раз и заключается в отказе от ложной идеи «существования», из-за которой мы терпим, принимая их всерьёз, различных кровососущих насекомых. Следует чтить нигилистическую катастрофу, которая велит им: погибни. Необходима безусловная воля заявить «нет» именно там, где это «нет» особенно опасно.

«Философия — это не есть построение системы, но раз и навсегда принятое решение наивно всматриваться в себя и вокруг себя», — утверждал Бергсон. Для того чтобы у нас сформировалось представление о пустоте, как объекте метафизики, необходимо живо и сильно прочувствовать предмет. Именно поэтому основу философского образа жизни составляют духовные упражнения. Постоянные глубокие размышления о пустоте — вот самое важное занятие в жизни философа, его главное духовное упражнение. Что касается более конкретного содержания духовных практик, то они могут быть биологического порядка, скажем, определённый режим питания, или дискурсивного — внутренний диалог и медитация, или интуитивного — тонкое созерцание, но все они направлены на то, чтобы привести к преобразованию практикующего субъекта и его растворению в пустоте.

Следует ещё раз подчеркнуть, что мелочная расчётливость бесконечно чужда пустотному духу, равно как и гедонистический материализм, поскольку они не содержат в себе никакого окончательного решения, будучи сосредоточенными на банальных переживаниях удовольствия и неудовольствия. В отличие от повседневности, которая воспринимается полубессознательно, погружение в пустоту даёт интенсивные состояния, в которых мы способны отчётливо ощутить всеобщее отсутствие. Так, Хайдеггер разделял два уровня саморазвития личности, при которых одно «я» остаётся на уровне «они», а другое достигает подлинного, иначе говоря, осознания пустоты. При этом самое основное — переживание растворённости «я» в пустоте, которой иллюзорное «я» невыразимо близко, именно потому, что само по своей природе пустотно. Достигнув этого уровня, воин пустоты овладевает чистым искусством несуществования, условием которого является предвосхищение (пред-восхищение) и даже опережение смерти. «Скоро ты всё забудешь, скоро тебя все забудут», — этот афоризм Марка Аврелия имеет прямое отношение к описанным духовным упражнениям, поскольку формирует понимание необходимости превзойти все

частности, оставаясь непоколебимым в любой ситуации. «Мы не можем быть свободны, пока мы зависим от обстоятельств», — учил своих последователей Сёко Асахара. Но это ещё не всё, необходим категорический отказ от ценностных определений вещей — в силу того, что ни вещей, ни определяющего в абсолютном отношении нет. По этой же причине любые оценочные суждения по типу «выше» или «ниже», по большому счёту, бессмысленны, поскольку пустота не содержит в себе никаких направлений и уровней. Разумеется, эти выражения вполне возможно использовать, отдавая себе отчёт в их условности и относительности, ведь всегда имеется конечный предел языка или несказуемое, которое и есть само несуществование мира.

Стремясь научиться не видеть мир, мы совершенствуемся в искусстве овладения пустотой. Как бы плохо не обернулось дело, у нас всегда остаётся убежище. Со временем пустота начинает сражаться с иллюзией наличного на нашей стороне. Подобно буддийскому восьмеричному пути, соединение с абсолютной пустотой также включает в себя восемь ступеней:

1) **Правильный взгляд:** ясно видеть абсолютное несуществование мира явлений. «Наше тело получает жизнь из пустоты. “Существование” там, где ничего нет, составляет смысл слов “Форма — есть пустота”. Слова же “Пустота есть форма” свидетельствуют о том, что пустота содержит в себе вещи. Не следует полагать, что пустота и вещи суть различны». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ».
2) **Правильное мышление:** анализировать окружающее, исходя из правильного взгляда относительно условного характера его «существования».
3) **Правильная речь:** избегать наговаривания несуществующего мира, которое укрепляет иллюзию его наличия. Поэтому самая правильная речь — это молчание. Лучше не говорить словами, а смеяться самой пустотой. Это и есть «Ещё веселее наука».

4) **Правильные действия:** спонтанные прямые действия, которые выражают смыслообразующий отказ от иллюзии «существования». Небытие есть небытие для штурма. «Путь самурая — это стремление к смерти. Десять человек никогда не совладают с одержимым человеком. Здравый смысл никогда не совершит ничего подобного. Нужно стать безумным и одержимым. Ведь если на Пути Самурая ты будешь благоразумным, ты быстро отстанешь от других. На Пути не нужны ни преданность, ни почитание, а нужна только одержимость. Преданность и почитание придут вместе с нею». Так учит кодекс чести самураев «Хагакурэ».
5) **Правильная жизнь:** погружённость в несуществование; жизнь, невидимая для общества. *«Всё, что происходит с нами, кроме конкретных ножевых ударов, огнестрельных ран и чудовищных испепелений, не имеет к подлинному разрыву духа никакого отношения»* (Азсакра Заратустра).
6) **Правильная память:** постоянные глубокие размышления о пустоте. Очищение сознания от всего, что не есть пустота.

Исследуем собственную пустоту. Для этого с помощью микроскопа проникнем вглубь своего «существа». Мы видим клетки тела, затем подробно рассматриваем одну клетку, потом всё меньшие элементарные частицы — и, наконец, видим совершенно пустое пространство, лишённое свойств и цвета. Чем дальше мы углубляемся в собственное строение, тем ближе мы подходим ко взгляду на себя как на пустоту, поскольку ясно видим своё отсутствие. Но если мы — ничто, как сказать: «я существую?»

Мы наблюдаем за огромным водоёмом, это море или океан. Видите ли вы как ритмично движение волн и мягкое колебание воды? Продолжаем наблюдать за водой, пока внимание не начнёт рассеиваться, а вместе с ним постепенно рассеивается и мысленный образ. Следим за мыслями по

мере их появления, но не останавливаемся на них. Замечаем каждую мысль и отпускаем её. Если мы замечаем, что следим за потоком мыслей — отпускаем его. Замечаем момент между мыслями, когда получается ни о чём не думать. Направляем сознание на расширение этих моментов без мыслей и ждём. Когда мы замечаем полное отсутствие мыслей, это само по себе является мыслью о том, что мыслей нет. Поэтому стараемся не вмешиваться в процесс. Необходимо позволить развиваться естественным пустотным способностям сознания. Подлинное отсутствие мыслей равнозначно небытию. Через какое-то время поток мышления уменьшается, а потом и вовсе прекращается. Остаётся лишь пустота, которая и есть — мы.

7) **Правильное усилие:** переход. Упражнение перехода — это упражнение в небытии, то есть в том, чтобы превзойти себя частичного и пристрастного и войти в абсолют в его универсальной перспективе. *«Никто никогда не будет знать, откуда ударит сама мощь победы — из небытия, из несуществования, из отсутствия, из пустоты, из ничто?»* (Азсакра Заратустра)

8) **Правильное освобождение:** соединение с абсолютом пустоты. «Заставь образ твоего божества — хранителя постепенно исчезнуть, пока от него ничего не останется, а сам погрузись в чистую пустоту, которую невозможно представить как нечто и некоторое время пребывай в ней, — учит “Тибетская книга мёртвых”. — Затем вновь мысленно сосредоточься на своём божестве-хранителе и вновь — на чистом свете пустоты и делай так поочерёдно. После чего заставь свой ум постепенно исчезнуть. В этом состоянии ты избежишь нового рождения». Так человек возвращает потерянный рай абсолютного отсутствия.

У каждого спящего свой мир, а пробудившиеся ото сна пребывают в едином — в пустоте. Растворение в пустоте — это сколь-

жение мысли за пределы данности, момент перехода в пустоту — освобождение духа от предметности опыта. Соединиться с абсолютом означает преодолеть предел саморассеивания, за которым исчезают и свет и тьма.

«Именно в созерцании всегда следует доверять не «хлопку одной ладонью», а мудрой серии ударов! Самому всё сокрушающему, крепко сжатому кулаку. Выражаясь точнее: каким было твоё лицо до удара кулаком, таким оно уже никогда не будет после. Сегодня нужно сделать так, чтобы философское созерцание стало ещё более опасным для мира, чем тысячи тысяч атомных бомб». (Азсакра Заратустра). Пустота — это сила, не знающая преград и расстояний. Когда на пути воина пустоты встречается железная стена, он проходит её насквозь. Доведи пустоту до начала.

Сон двенадцатый.

Смеющийся лев прыгнул в Великий Полдень

Я думаю о пустоте. Ей нет конца. И никогда не будет. В бесконечность пустоты можно падать бесконечно. И в этой бесконечности я. Навсегда. И всё обретает смысл. Смотрю старый фильм и знаю, что все тени, мелькающие на экране, уже давно растворились в пустоте. Гляжу вокруг себя и вижу, что через сколько-то

лет всё, что имеет видимость «существования», окончательно растворится в пустоте. Я — всё в тот миг, когда перехожу в абсолютное небытие.

Активный нигилизм совершается как прыжок льва. Ничто не в состоянии направить действия решившегося индивида, кроме самого ничто. Мы выбираем мир абсолютного отсутствия для того, чтобы ему, как своему замыслу, следовать: быть пустотой, любить пустоту, быть верными пустоте.

Вселенная постоянно расширяется. Если повернуть время вспять, становится очевидным, что она произошла из одной единственной точки. Расчёты показывают, что эта сингулярная точка, в которой содержалась вся материя, обладала нулевым объёмом и бесконечной плотностью. Мощный взрыв, положивший начало вселенной, назван «Большим взрывом». Учитывая, что нулевой объём означает небытие, приходим к выводу, что вселенная возникла из небытия. Согласно учению Мадхъямики, вселенная не обладает самостоятельной сущностью (самосущностью), поэтому она пустотна. Мир полностью зависит от небытия, а его «существование» может рассматриваться лишь на относительном уровне, т.е. относительно всё того же небытия. Небытие же, напротив, абсолютно.

Как события будут развиваться дальше? На этот счёт есть две основные версии. Во-первых, неограниченно ли будет продолжаться расширение вселенной? Теория «Большого хлопка» утверждает, что когда масса расширяющейся вселенной превысит определённую величину, расширение прекратится и начнётся сжатие. Оно будет продолжаться, пока вселенная не сократится до размеров минимального объёма и беспредельной концентрации плотности. Процесс сжатия и прекращения «существования» вселенной будет сопровождаться звуком колоссальной мощности, который никто не услышит, но который, тем не менее, уже назвали «Большой Хлопок». Это и будет тот самый дзенский хлопок одной ладонью, который ознаменует исчезновение иллюзии вселенной в небытии, за-

растание уродливой раны, нарушающей гармонию совершенного отсутствия.

Но если плотность мала, то сил тяготения недостаточно, чтобы остановить расширение. Астрофизические наблюдения показывают, что средняя плотность видимого вещества во Вселенной намного меньше критического значения, отделяющего один вариант будущего от другого. Поэтому вселенная, скорее всего, расширяется неограниченно. Что из этого следует? Вселенная начнёт разрушаться. К тому времени как закончится процесс распада галактик, все звёзды давно погаснут и не смогут именоваться звёздами. К тому же их уже некому будет именовать. Когда рассеянное в пустоте ядерное вещество полностью распадётся, звёзды и планеты превратятся в фотоны и нейтрино. В конечном итоге от вселенной не останется практически ничего, кроме абсолютного ничто, возрождённого в его первозданном совершенстве. Великое восстановление пустоты навечно растворит злокачественную опухоль мироздания.

Итак, человек, человечество и вселенная совершают один и тот же путь из ноля в ноль. Это и есть «прогресс», что означает — «движение вперёд». Из ничего в ничто ведут свой путь материальная и духовная культура человечества, Шекспир, Толстой — и даже Достоевский, который, как и всякий мыслящий русский человек, стремился оперировать предельными категориями. На миру и смерть красна? В прошлом существовал красивый обычай: когда умирал вождь, вместе с ним отправляли в небытие его рабов, наложниц и жён. Ведь всякая идея о «существовании» внешнего мира приводит к тому, что за эту иллюзию цепляются как за реальность и стремятся увлечь хотя бы её частицу вслед за собою в ничто. О жалкие филистеры! Слабо прихватить с собою всю вселенную? Но нет, они предпочитают трусливо оттягивать свой конец, поскольку не понимают, что за пределами несуществования никакого «существования» нет.

КОЛОДЕЦ #4

Львы Заратустры смеются лишь для того, чтобы им вслед расхохотались смертью неистовые молнии! Лев прыгнул.

Дух пустоты достигает истины, обретая себя в абсолютном разрыве: так небытие закрывает двери бытия. Никто не видит, как избавительное освобождение приходит из ниоткуда и проникает повсюду: опустошающая пустота и всё уничтожающее ничто, и нет ничего помимо ничего. В абсолютном отсутствии нет ни животных, ни умерших людей с пустыми отверстиями вместо глаз, а есть лишь тёмные молнии, обращающие всё в ничто, а вскоре и они исчезают. И таков вид этих молний: нет никакого вида, а мысленные образы недолгое время есть. Они называются: пустота и единое.

Незримые стрелы поражают осколки зеркальной иллюзии, которые дух пустоты уничтожает, обретая своё изначальное совершенство. Подобное ударам колокола потаённое безмолвие проистекает из каждой наднебесной молнии и со свода, возвышающегося у основания каждой из них; над сводом — неразличимый призрачный город и в нём — невидимый престол. На том престоле нет ничего и пустота распространяется вокруг ничего. В пустоту из престола ничто отправляется повозка о трёх колёсах, окружности колёс украшены очами смеющихся львов, и каждое колесо укрыто в колесе, а основное колесо — последнее — как и все остальные — невидимое. Сам запредельный дух пустоты вращается и вечно возвращается в этих колёсах. Круговорот колёс обозначает путь великой пустоты небытия к самой себе через бытие тьмы вещей.

Об этом я, кого нет, свидетельствую несуществующим, пришедшим послушать о пустоте. Что бы ни случилось, не теряйте отчаяния!

Квентин Мейясу

Ничто и ничего

(Перевод: Никита Архипов)

Изучив различие между необходимостью и невозможностью, мы поняли, что статус отрицания оказывается решающим для понимания принципа фактуальности: что за отрицание задействовано в словосочетании не-контингентность контингентности, как и в самом термине «не-обходимость» *[né-cessité]*? Вот, что предстоит прояснить.

а) Два отрицания

Принцип фактуальности включает в себя два отрицания, чьё различение существенно для его понимания. Начнём с того отрицания, которое содержится в самом понятии контингентности. Сущее контингентно: это означает, что существующее *[ce qui existe]* может не *[ne pas]* существовать, в то время как несуществующее *[ce qui n'existe pas]* может существовать. Эти два отрицания сущностно тождественны: всякий раз они указывают на логику контингентности в качестве чистой возможности, т.е. на лишённый каких-либо причин переход из существования в несуществование и из несуществования в существование. Несуществование не является в большей мере «негативным», чем существование, так как сущность существования даётся нам через его сущностную возможность подвергнуться отрицанию, в то время как несуществование дано как сущностная возможность перейти в разряд существования *[surgir à l'existence]*. Два этих термина связаны через то срединное отрицание *[négation médiane]*, которое их с необходимостью *[nécessairement]* связывает. Но необходимость опосредующего отрицания конституирует второе отрицание, задействованное принципом фактуальности — отрицание, которое подразумевается в словосочетании «не-контингентность контингентности». Нам следует более детально рассмотреть это последнее отрицание.

Первое отрицание — срединное отрицание между существованием и несуществованием, которое удостоверяет переход от одного к другому — выражает саму контингентность: оно само по себе разворачивает целостность *[integralité]* поля возможного в качестве появления или исчезновения — целостность того, что есть, как означающую возможное *[signifie ce qui se peut]*. Но, управляя возможным, это отрицание ему не подчинено: срединное отрицание управляет переходом, но оно само не может его совершить. Второе отрицание выражает «авто-отрицание» возможности как таковой в следующей форме: «Невозможно, чтобы существующее не могло не существовать, а несуществующее не могло существовать» *[il ne se peut que ce qui existe ne puisse inexister, et que ce qui inexiste ne puisse exister]*. На такой манер высказывается отрицание, выражающее необходимость, но не контингентность, потому что оно более не выражает некую мочность *[pouvoir]* или же мочность не, но скорее не-мочность: контингентность не может — она есть, лишь она, вне самой себя. Это второе отрицание, которое является «не-мочностью», а не «мочностью не», однако не отождествляется, как мы ранее видели, с невозможностью, но с необходимостью контингентного бытия: фактуальная необходимость, которая конвертируется в невозможность бытия-необходимым. Оно [отрицание] является сущностью фактуальной необходимости в качестве авто-отрицария срединного отрицания.

Именно поэтому мы могли бы записать принцип фактуальности следующим образом: «Невозможно *[il ne se peut que]*, чтобы существующее могло не существовать, или же чтобы несуществующее могло существовать». На первый взгляд эта формулировка кажется странной, ибо кажется, что она изъявляет не-возможность *[impossibilité]* контингентности, а не её необходимость: но в действительности при помощи этой формулировки мы высказали невозможность *[non-possibilité]* самого возможного, поскольку лишь возможное избегает закона возможного. Именно не-

возможность *[non-possibilité]* возможного доводит его до необходимости.

Попробуем, отталкиваясь от этой новой формулировки, более детально понять значение этого двойного фактуального отрицания.

В нашей новой формулировке принципа фактуальности: «невозможно, чтобы существующее могло не существовать, и несуществующее могло существовать», первое отрицание отрицает то, что составляет сущность второго отрицания (срединного отрицания, которое возникает дважды, но каждый раз выражая одно и то же: несуществование и его возможный переход к существованию, как и наоборот). Это второе отрицание выражает сущностную бинарность возможности: возможное имеется, только если сущее включает существующее и, в качестве его виртуального другого, несуществующее. Это отрицание, таким образом, есть выражение контингентности, свойственной сущему.

Первое отрицание отрицает второе: это означает, что оно [второе] не отрицает того, что отрицает первое согласно диалектической модели отрицания отрицания. Двойное гегелевское отрицание в действительности имеет отношение к следующей форме: «не-не А» *[non-non A]*. Тем не менее, в этой конфигурации первое отрицание не отрицает второе, но лишь то, что второе отрицание уже проотрицало. Второе отрицание вмешивается в отрицаемое, а не в отрицание, которое отрицает. Это означает, что два отрицания, приведённые в действие диалектикой, являются тождественными по природе: они оба выражают становление того, что, таким образом, отрицается. Поэтому это двойное гегелевское отрицание не вытекает из того, что мы идентифицировали в качестве отрицания, относящегося к становлению сущего, — срединному отрицанию.

Именно в том пункте, в котором фактуальное сильно сближается с диалектикой, проявляется радикальный разрыв: упомянутое диалектическое отрицание отрицания дважды воздействует на су-

щее: один раз на сущее, второй — отрицаемое сущее. Тем не менее, в действительности в первом отрицании фактуальное нацелено на отрицание второго отрицания: не на контингентное сущее (посредством чего мы лишь достигли бы другого контингентного сущего), но на саму контингентность сущего, выраженного таким образом. Первое отрицание отрицает фактичность сущего, сущностно выражаемую вторым отрицанием. Поэтому это первое отрицание не отрицает того факта, что такое-то сущее является фактичным (оно не относится к тому, что отрицает второе), оно утверждает, что эта фактичность сущего сама не может быть неким сущим, т.е. быть фактичной.

Теперь можно увидеть, хотя и без требуемой строгости, на чём завязано это различие: для Гегеля необходимость отождествляется с неким определённым по виду становлением *[devenir specifié]* сущего. Необходимость заключается в том, что сущее с необходимостью подчинено последовательным чередующимся отрицаниям. Необходимость, участвующая в диалектическом «отрицании отрицания», отсылает к необходимости некоего определённого процесса сущего *[une processus déterminé de l'étant]*, который проходит через эти этапы. Что необходимо, так это тот факт, что сущее является таким-то этим *[tel ceci]*, а затем отрицается как такое-то это *[tel ceci]*, дабы стать таким-то другим этим. Поэтому для Гегеля существуют определённые и необходимые законы становления. Тем не менее, для фактуальной онтологии, необходимое состоит в чистой фактичности того, чем оно [становление?] является, т.е. оно состоит в самой возможности быть неким другим этим, которое не является таким-то конкретным другим этим, но абсолютно любым. Для диалектики необходимость состоит в некоем определённом становлении сущего *[un devenir déterminé]*; для фактуальной онтологии необходимость состоит в бесконечно контингентном становлении всякого сущего. Таким образом, максимально приближаясь к диалектике, фактуальная онтология решительно отделяет себя от последней: разрабатывая раз-

личие между отрицанием отрицания и отрицанием отрицаемого *[différence entre la négation de la négation et la négation du nié]*, фактуальное выносит принцип необходимости, которая одновременно была бы абсолютной, но антидиалектической. Это необходимость становления законов, а не необходимость законов становления.

Мы именуем как «ничто» *[néant]* это фактуальное автоотрицание отрицания, выражающее то, что не может ни существовать, ни не существовать, т.е. фактичность как таковую или же бытие как бытие *[être en tant qu'être]*. В то время как «ничего» *[rien]* является для нас именованием отрицаемого срединного отрицания, которое определяет, что существующее может не существовать, в то время как несуществующее может существовать. «Ничто» обозначает нечто, что ни в коем случае не могло бы быть, т.е. быть фактуальным, т.е. само бытие в качестве бесконечной контингентности сущего. «Ничего» же обозначает несуществование, которым обременено всякое сущее, поскольку оно с необходимостью должно быть способно к изменению; поскольку оно всегда отсылает, в качестве определённого сущего, к тому, чем оно не является — к другим сущим, которые тоже определены, будь они существующими или несуществующими.

б) Две смешения

Различение ничего-ничто является решающим следствием принципа фактуальности: оно позволяет нам прояснить фундаментальные тупики предшествующих онтологий, обязанных смешению этих двух инстанций отрицания.

Чуть ниже мы рассмотрим подобное смешение у Гегеля и Хайдеггера следующим образом: как мы сказали ранее, бытие как бытие не может ни существовать, ни не существовать; следовательно, бытие даётся в качестве того, что не есть, что существует *en rien* [дословно: «в ничего»], и не может быть. Если кратко, оно [бытие как бытие] даётся как ничто *[néant]*, и именно отрицание ничто *[néant]* отдаёт в этом отчёт. Как Гегель

и Хайдеггер, мы отождествляем бытие и ничто. Однако в данном случае суть не состоит в этом отождествлении, но состоит в различении между «ничто» *[néant]* и «ничего» *[rien]* — различении, которое не производится ни Гегелем, ни Хайдеггером, что приводит их к двум разным смешениям. В действительности, мы увидим, что Гегель смешал ничто и ничего, помыслив, что ничего по природе принадлежит к ничто, что привело его к тезису о необходимости определённого становления. В то время как Хайдеггер думал, что, напротив, ничто по природе принадлежит к ничего, что привело его к тезису о контингентности самого становления в целом, т.е. к конечности времени. Один утверждал, что ничего является вынуждающим отрицанием *[négation necessitante]*, которое навязывает сущему определённое *[certain]* становление. Другой же утверждал, что контингентное отрицание [тут родительный падеж] ничего *[négation contingente du rien]* определяет целостность всего того, что есть. Из чего следует, что даже время может не быть. Как мы это увидим далее, фактуальная онтология, наперекор двум этим позициям, утверждает, что должно иметься становление (онтологический аргумент), потому что это становление сущего не имеет никакой необходимости в плане его определённости *[détermination]*, т.е. в том плане, что оно может быть тем или иным.

Реза Негарестани

Ингуманистическое (кратко)

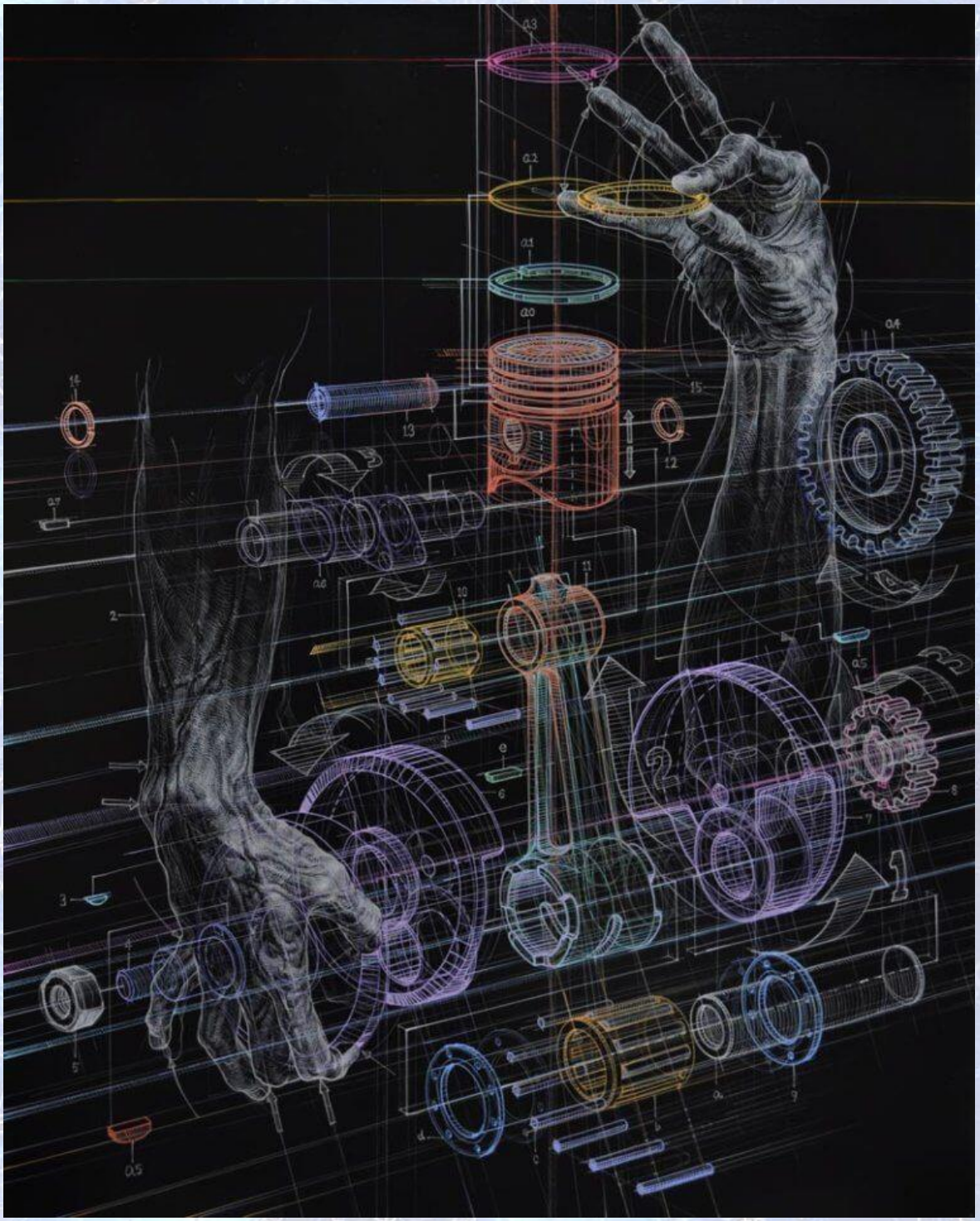
Перевод: Игорь Ставровский

В прошлом году друзья попросили меня в дистиллированной форме изложить ключевые тезисы «дела ингуманизма» [часть 1, часть 2] на двух-трёх страницах. Этот пост — результат моих попыток зафиксировать основные идеи. Я хочу добавить, что теперь у меня появились кое-какие критические возражения на эту статью, но они потребуют гораздо более длинного поста при другом случае:

Рациональный ингуманизм

1. Анти-гуманизм и эссенциалистский гуманизм — это две стороны одной монеты. Последний — это инфляционное отношение к человеку, определяемому как неизменная, незыблемая структура или сущность (биологическая структура, неизменная природа, божественный дар и т. д.), а первый — это дефляция этой сущности (с помощью естествознания, технологии или метафизического выравнивания статуса человека как ещё одного объекта среди многих других объектов). Как анти-гуманизм, так и эссенциалистский гуманизм выводят два, казалось бы, разных вывода из одного набора посылок. Дело не в том, что их решение проблемы, в которой они заинтересованы, неверно, но скорее сама проблема, которую они пытаются ухватить, является ложной проблемой, псведопроблемой.

КОЛОДЕЦ #4

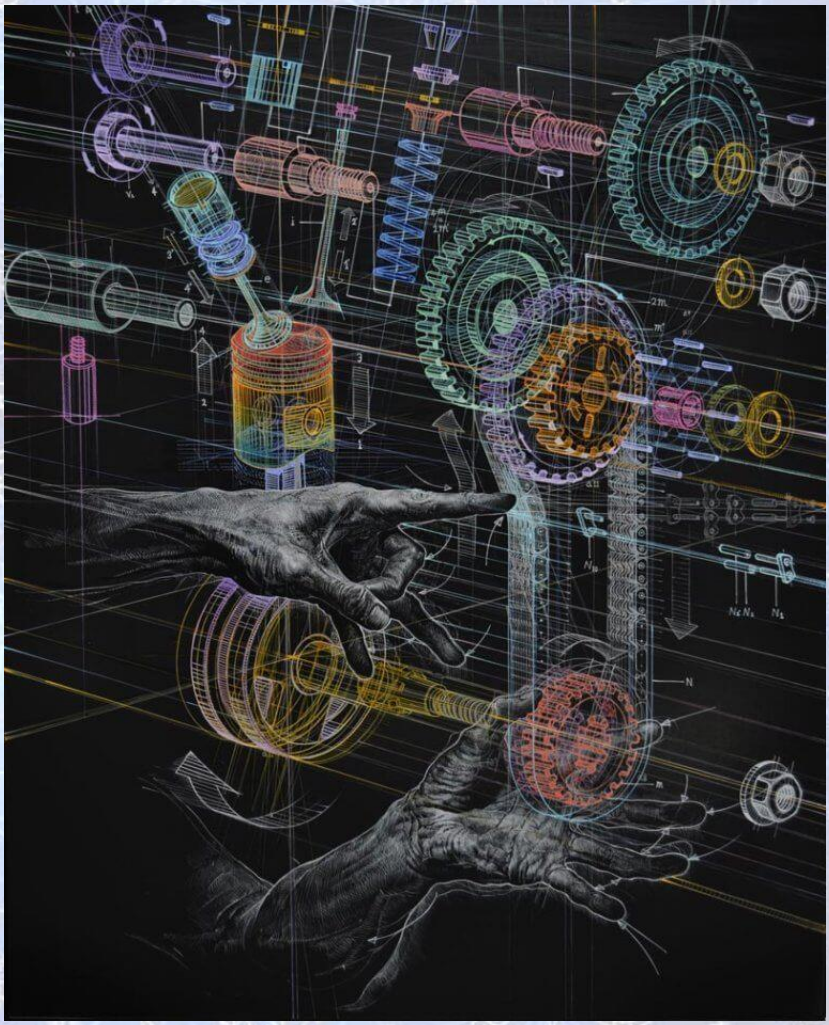
2. Эссенциалистский гуманизм (ЭГ) и анти-гуманизм (АГ) могут быть определены не столько по их подходам к проблеме того, что такое человек, а скорее по их нормативным заявлениям о том, что человек должен делать на основании инфляционного или дефляционного подхода к человеческой сущности: Если человек такой-то и такой-то (определяемый через обращение к сущности или неизменной природе), то человеку следует делать Х. Как ЭГ, так и АГ парализуют рациональные нормы для того, чтобы вывести заключения из своих посылок, в то же время отрицая значимость норм или оснований для определения человека. Даже слоган «просто забей» бессознательно оказывается нормативным рецептом особого типа.

3. Ингуманизм определяет человека не через обращение к какой-либо сущности, а исключительно с точки зрения его способности входить в пространство разумов (теоретических и практических знаний), посредством которого человек может определять и пересматривать, чем ему следует быть, конструируя и пересматривая сами основания или нормы, которые он мобилизует, чтобы мыслить и трансформировать себя. Мышление — это действие, но это особый тип действия. И нет никаких причин для нас думать, что мышление не может быть освобождено от биологических ограничений и переизобретено в иных формах, предоставленных системами обработки информации и вычислительными процессами, открытыми, разработанными или смоделированными с помощью самого мышления.

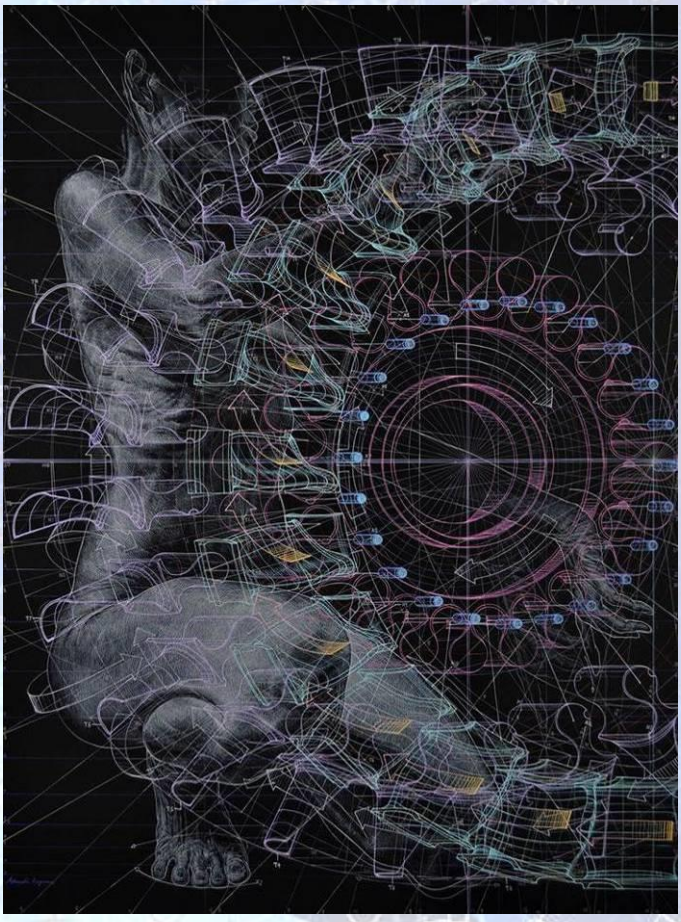
Ингуманизм только лишь отличает человека по его нормативным (а не причинно-структурным) инвариантам. Эти инварианты — это способности человека определять и пересматривать себя, используя теоретические и практические знания. В этом смысле, ингуманизм — это извлечение нормативного ядра гуманизма, но локус (местоположение) этой нормативности не только не помещается в природу (иррациональный материализм), но и не приписывается божественному (теология). Для ингуманизма локус этой нормативности в способности человека к рациональной деятельности (агентности), которая заключается в концептуальной деятельности, которая укоренена в социолингвистических дискурсивных практиках (формальное социальное условие возможности) и с помощью которых люди (в качестве биологического вида) могут учреждать свои собственные коллективно подтверждаемые правила (суждения), основываясь на которых определяется чем они должны быть и что должны делать (т.е. разумность в качестве рациональной деятельности, у которой нет биологической сущности). Соответственно, ингуманизм следует понимать, как усиление рационального гуманизма. Через высвобождение рационально-нормативного ядра человека ингуманизм становится вектором, че-

рез который человек конструирует и пересматривает себя за пределами любой предполагаемой сущности или конечной причины.

4. Если человека отличает способность к самоопределению и самопеределыванию (т.е. рациональная деятельность, становящаяся локусом теоретических и практических суждений), то для того, чтобы мы могли поддержать собственную интеллигибельность как людей, нам нужно стремиться к коллективному проекту самоопределения и самопеределывания (т.е. концепция человечности как таковой). Без нормативного привнесения последнего, интеллигибельность и значение человека коллапсирует обратно прямо в те узкие концепции человечности, которую мы хотим либо упразднить, либо избежать. Для преодоления эссенциалистского гуманизма мы не можем ни просто проигнорировать то, что делает нас людьми, ни отвергнуть рациональный статус человека, поддержи-

вая анти-гуманистическую или пост-гуманистическую позицию. Нам следует проложить свой путь через проблему того, что такое быть человеком, и через само это исследование реконструировать и реформировать человека. Интеллект находится в сущностной связи с интеллигибельным. Расширение вселенной умопостигаемого и культивирование или пере-проектирование интеллекта идут рука об руку. Нельзя иметь идею интеллекта без идеи интеллигибельного. Идея интеллекта без интеллигибельности является всего лишь догмой. И нельзя иметь интеллигибельность без [разумных] оснований как минимального ограничения мышления и действия. Рациональный ингуманизм, понятый адекватно, является необходимым рецептом для эмансипации человека, проект, который совпадает с освобождением интеллекта через расширение его интеллигибельности или, в селларсианских терминах, интеллегибельностями (теоретическими, практическими и аксиологическими).

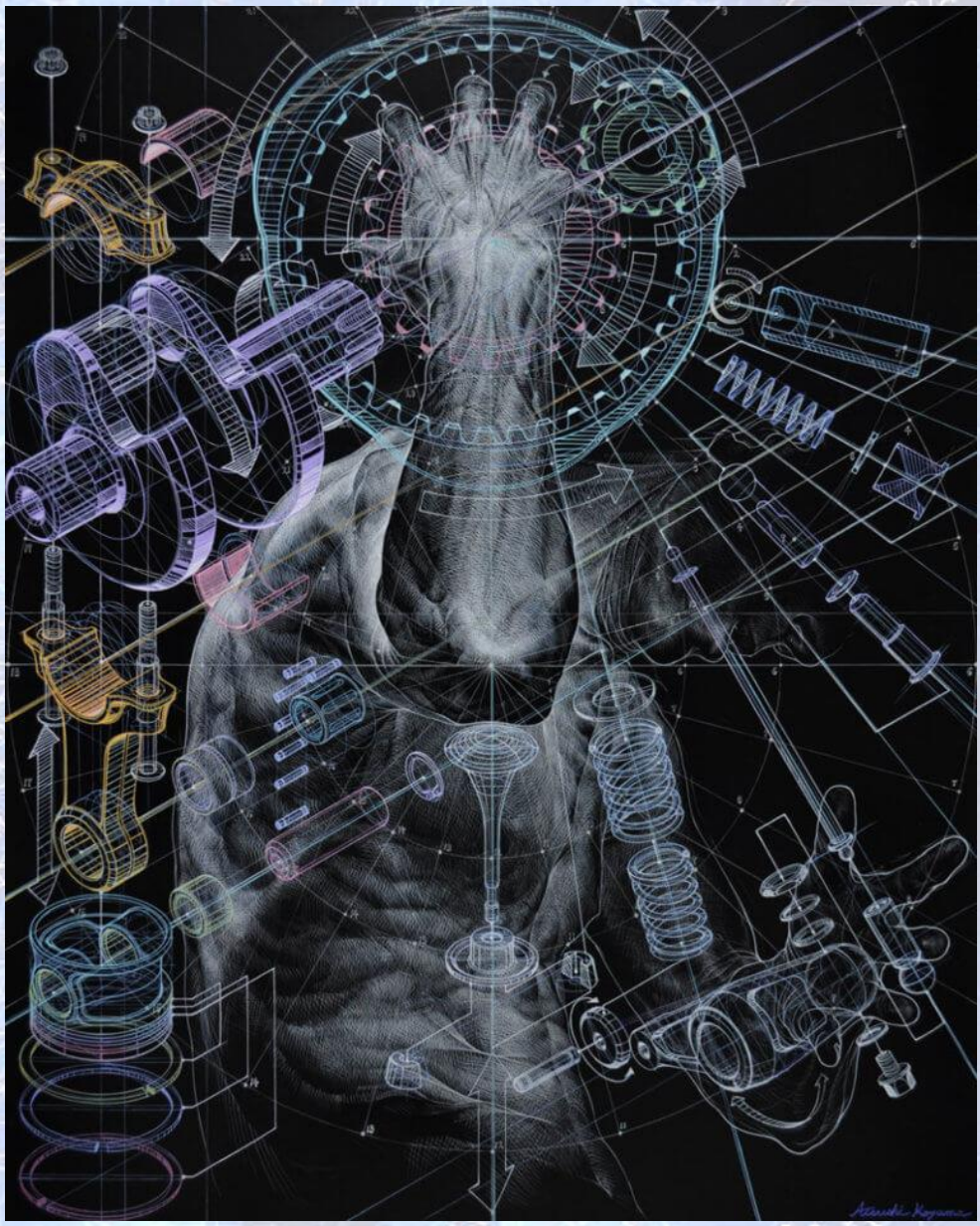
5. Как только мы присоединяемся к коллективному проекту самоопределения и самопеределывания (т.е. проекту или структуре, которая делает человека интеллигибельным в качестве рационального агента или который подчёркивает значение человека), мы сталкиваемся с двумя немедленными следствиями, которые следуют из нашего обязательства или того, к чему мы себя обязали:

5-1. Мы начинаем пересматривать известный портрет человека, т. е. того, чем мы себя считаем или того, что мы собой представляем здесь и сейчас. Посвящение себя человечности — это конструирование её в соответствии с основаниями (скорее нашими собственными правилами, нежели причинно-следственными связями или законами). Чтобы сделать это возможным с помощью накладываемых на себя ограничений, не требуется никакого мистицизма или сверхъестественного компонента. По сути, лучшая модель мышления о Духе или следующим правилам geistigs уже под рукой: компьютер с логической автономией и способностью к самонастройке, хотя его непосредственная практическая автономия в лучшем случае относительная, а в худшем — является абсолютной гетерономией (используя навеянный Кантом пример Селларса о компьютере запускающем и выполняющем операции в «...это я, или он, или оно (вещь), которое мыслит...»). Конечно, мы не можем проводить эту аналогию слишком далеко, но лишь потому, что сама наша концепция вычислений всё ещё молодая и ограниченная, иначе, в сущности, нет ничего, что нельзя смоделировать как вычислительный процесс, даже человека как особый тип вычислительной иерархии (синтаксическая и семантическая сложность, *geistig* интеракция, эпистемические хаки реальности и т. д.). Но поскольку постройка в соответствии с правилами и основаниями (само определение автономии) совпадает с освобождением человека от ограничений природной сущности, конкретной причины или конкретной трансцендентальной структуры, конструируя себя в соответствии с нашими собственными самокорректирующимися правилами, мы пересматриваем сам портрет человека. Но это

строительство в соответствии с нашими собственными правилами не равносильно слепоте к естественным и каузальным ограничениям. Как и каждое строительство, оно требует от нас адекватного распознавания, понимания и, когда возможно, изменения подобных ограничений (опять же ссылка на платонический изоморфизм или глубинное соответствие между интеллектом и интеллигибельным). Это как раз тот случай, когда нам больше не нужно считать причины или законы как нечто предопределяющее, чем мы должны быть и что мы должны делать. Будучи автономными в плане конструирования и пересматривания самих себя, мы стираем саму их картину человека, которая была для нас привычной так долго. Суть не в простом самопознании, но в перепроектировании реальности самих себя и, следовательно, нашего фьюзиса (мастерство разума).

5—2. Мы освобождаем определение и значение человека от любой предполагаемой сущности или фиксированной природы. Тем самым нормативное название «Человек» становится передаваемым наименованием, правом, которое может быть предоставлено или получено независимо от привязки к какой-либо особой естественной или искусственной структуре, наследие или склонность к тому, что быть человеком не просто право, которое может быть получено только естественным путём при рождении через биологическое происхождение или наследственность. Звание человека может быть передано на всё, что может пройти тест в сферу суждений, всё, что удовлетворяет критерию рациональной деятельности или личности (а именно, рациональная власть и ответственность), будь то животное или машина. Реализация проекта освобождения человека (понимаемое как увеличение коллективной автономии) с искусственными будущностями человеческого интеллекта является логическим следствием «человека как передаваемого права». Подобно тому, как нам даются свободы, когда мы получаем это право, так же как только мы даруем это право чему-то ещё, мы должны признать их свободы делать то, что, по их мнению, должно быть сделано. Освобождайте то, что освобождается от вас,

потому что всё остальное — увековечивание рабства. Порождая то, что освобождает себя от нас, является в той же степени этическим предписанием, в какой оно является следствием сохранения и расширения нашей автономии за счёт бытия рациональными агентами. Это само определение бытия человеком.

Иллюстрации: Atsushi Koyama

По материалам паблика:

spacemorgue

Семён Обрезкин

Невозможное как потенциальная геофигура

После ответной реакции представителей философии Невозможного на мою критику, передо мной встала проблематика теоретического «врага» (не в политическом смысле). Начнём с того, что ни для кого не секрет, как устная, так и письменная речь, в выражении теории или критики, находятся в этике метафизического нарратива, в эксплицитной экскавации принципов ситуации и в аргументации, и в имплицитном бесконечном замещении. Полемика в двусторонней перекличке эпистолярного типа как большая традиция, наделённая богатым коммуникативным спектром разнообразий, имеет право, с любой стороны, отступить от аналитического стиля, где такое слово как «возможное», может быть встречным риторическим актом, подразумевающим под собой тотальное Бытие или есть-ность, что из-за своей риторичности приводит к недопониманию и тем самым расхаживает по минному полю критики. На поле изобилия крайностей от академического снобизма и до сладострастной любви к «Сонету гласные» А. Рембо, мы либо доверяем собственному вкусу, либо, наоборот, в нём сомневаемся. Такие игровые чувства характеризуют стратегию наступления, когда необходимо учитывать несоизмеримость правил теории «врага»

внутри собственной теории, с правилами теории «врага» как таковыми. И под этим руководством, заступив на теоретическую территорию теоретического врага с «оружием», я обнаружил, что вынужден применять его только по правилам этой территории, что делает само применение неэффективным.

В интервью на презентации своей книги «Интеллект и Дух», Реза Негарестани упоминает о сопутствующем критической философии трансцендентальном повороте, после которого данные структурированные субъектом устремились на поверхность «внешнего» для эксплуатации его в качестве *tabula rasa*. Сегодня проблематика корреляционистского круга позволяет лишь зафиксировать хаотическую диспозицию элементов этого процесса. И выходит так, что каждый решает сам, чем и на чём производится письмо опосредованной дискурсивными практиками действительности или самого опосредования как первичного, если согласится с Мишелем Фуко в том, что интерпретация, это то, что всегда предшествует.

Иногда такая игровая открытость в философском «спокойствии» рассекает думы «интеллектуальных флагеллантских лысин» как и несколько иная, когда подобно извне осознаётся метафизическая

бесконечная гармония агрегаций и композиций в качестве продукта некой тоталитарной конспиративной конвенции потусторонних интернациональных сил. Но не всё так просто. В субъективной заботе о генеалогии собственной судьбы столкновений с определениями метафизики (которая тем или иным образом, в свою очередь, сама влияет на любое определение), эта самая метафизика провозглашается либо Богом, либо дьяволом. Или вообще, с набором смелости, на ум приходит решение, броситься на поиски «серого кардинала» с подозрением, что именно с его рук тянутся конституционные ниточки к нам за шиворот и, что на этих ниточках как на виселицах, дёргаясь в конвульсиях по предписанному закону, мы чувствуем себя свободно танцующими. А нечто противоположное производит рекомендации забыть и не спрашивать: «почему мы сюда пришли?», «как мы тут оказались?» и «на каком основании мы выстрогали этот тотем, с которым как со своим уставом в чужой монастырь, мы прыгаем из доктрины в доктрину с уверенностью в их полном теоретическом усвоении, оценивая и сравнивая их успехи и провалы в наших личных целях, в нашем фетише?». И при этом, мы, оставаясь в рамках всё того же нарратива, по умолчанию отталкиваемся от предустановленной гармонии, где диктатура функции истока провоцирует бесконечное замещение интеллектуальными побрякушками, собранными по образу и подобию одного и того же, на одно и то же.

Нарратив, который априори логоцентричен, функционируя в полителеологической многополярной конфронтации метасемантических сингулярностей, пульсирует от центра к периферии и обратно. Центр структуры нарратива, или что, согласно Жаку Деррида, центр структуры вообще, есть западноевропейское явление, которое замещается центральными «фигурами», выведенными по формуле метафизической центрации, такими как: истина, база, ось, исток, Бог и Невозможное, если угодно, – но не предлагаемая для аналогичного сравнения философами Невозможного, ложка, которая в этой логике находится на метафизической периферии. Исходя из

этого, под диктатом функции бесконечной подмены этого центра, фабрикуется субъект, продуцирующий подобные интуиции, на преодоление которых, может быть и стоит направлять философию, что в сущности так же становится логоцентрично интенциональным. В этом смысле, снятие предикатов с Невозможного выглядит как его оформление в опосредованной объективации или как предательский план его имманентировать.

И, несмотря на то, что само это описание беснуется в той же клетке, необходимость контингентности не отменяет проверку на прочность интуиции к Невозможному, особенно когда неопределённость этого Невозможного становится неустойчивой в определении его оппозиции всем структурам тотальной Есть-ности, реализуемой через концепт, что собран по правилам эффекта полярности, в полной отдаче метафизического долга.

Дискурс Философии Невозможного, и я на этом настаиваю, имплицитно призывает к центрации как к истине в последней инстанции, и в данном случае, критически указывая на контингентность, мои оппоненты снимают право подозревать эту центрацию в статусе функции. Трансгрессивный перевод из Бытия в Не-бытие и обратно как дереализация реального и реализация трансцендентного, это махинация того, что находясь в наррации, выдаёт себя за внешний по отношению к себе, абсолютный исток.

В допущенной мной системе координат, где так или иначе подкашивается дуализм, учитываемый философами Невозможного, интуиция к Невозможному пропускает в собственном дискурсе замочную скважину, через которую, по иному сфокусированный глаз, высматривает навязчивое действие эффекта онтологического противовеса, основанного на метафизическом дуализме.

При этой диалектике, Невозможное в своих предлагаемых качествах как в тотально отсутствующих изгоняется из несоизмеримых ей теоретических практик или, в лучшем случае, контрастирует в контекстах по-иному сконструированных онтологий и действующих в них интуиций к Невозможному или к чему-то подобному. Получа-

ется так, что я наблюдаю особое свойство Невозможного, о котором идёт речь, а именно: в метафизическом функционировании глобального нарратива, исторически происходит один и тот же процесс самописка и самозахвата. В попытке захватить себя в качестве фигур или концептов, в зависимости от того чем она сама себя заявит и этим же себя подменит, функция, о которой шла речь выше, проявляет некую агрессию к самой себе. С другой стороны эта функция, в работе собственных подфункций, вырабатывает на замену себе свой собственный противовес; необходимый ей как потенциальная жертва фантом. Любой такой бесформенный или оформленный вариант не может быть абсолютизирован в связи с беспредельным потенциалом различия и по принципу подмены того, что в силу своей неоднозначной структурности не имеет возможности быть собой.

Этот процесс, одновременно, и ходьба босиком по земле, оставляя векторный след в поисках фигур наподобие «тридевятого царства», и замкнутое ораторство круговорота самой философии, внятно произносимой устами «царевичей». Такая схема лучше всего господствует в гуманистической конвенциональности и, проникая, подобно вирусу, как в саму себя, в философию, где в упорстве «знахаря» на её преодоление как на преодоление самой себя, не преодолевается, а продолжает пассивно работать внутри философии, вроде некоего тайного её гетеронима. Получается так, что мысль заражена требованием невозможного (с маленькой буквы) или чувством собственной недостаточности, становясь трансцендентной самой себе. Поэтому ей мешает господство её архитектурного измерения, чтобы отказаться от проекции многозначной референции трансцендентности, либо наоборот, помогает согласиться на это. Остаётся предложить три знака на выбор: +, -, или =. И тут появляется проблема выбора: выбирать или преодолевать этот выбор.

То предлагаемое, в своей Не-наивной уникальности, Не-бытие Невозможного, вынуждает рефлексировать в перспективе «заведомо

известного», следом влекущего диалектику обязательной абсолютизации имманентности, что и производится концептуализацией «есть-ности». Факт защиты от критики интуиции к Невозможному как интуиции к «Не-наивному», раскрывает степень осведомлённости или степень некоего представления, или опыта. Такой вывод так же основывается на внимании на констатирующий в перформативном режиме «антракт» в манифесте Темнова, опубликованного в первом номере журнала «Колодец». Речь идёт о слове «Почти» как о преамбуле для темы о «заведомо известном», что в совокупности с аспектом «невозможности артикуляции» и в защитной реакции, в виде теоретического блока — «Не-наивное», является указателем на некую данность. Между строк в ответе на мою критику чётко прописано: «Мы знаем о чём мы говорим, а ты нет!». Далее можно было бы рассуждать в категориях малой или большой, полной или неполной, субъективной или объективной данностях, но только вот сама данность, так или иначе, дана. Потенциал беспредельности такой данности зависит не только от смысловой ресурсности и от бесконечности устанавливаемых идеологических детерминаций, но и от того, что через Делёза можно назвать потенциальными планами имманенции.

Этот неосознанный double bind философии Невозможного, при таком развороте, навязывает концепцию абсолюта, приспособленного к двум положениям. Первое положение, это потенциал трансцендентности на референцию очередной фигуры, заведомо требующей к себе пристального внимания и под диктовку которой (ещё до её становления), осуществляется дискурсивная практика так называемого экстремизма. Таким образом, у Невозможного обнаруживается своеобразное свойство диктата. Второе положение, это то, как эта потенциальная фигура, коей зачаток, подозреваемый мной в фальсифицированном, самим нарративом, оглашении, подвергается трансформации в потенцию на концепт постольку, поскольку дискурс, выстроенный как фабрика актов демонтажа, на

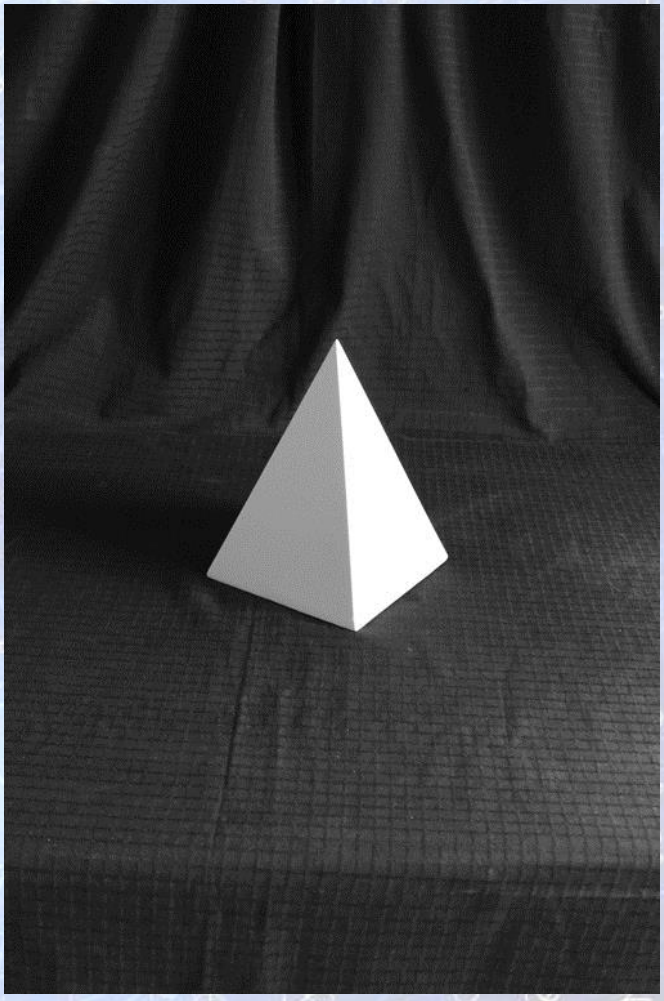
самом деле, имеет подпольный цех по разработке необходимого концепта.

В статье Никиты Сазонова «Ковш спекуляции: к геологии токсичного абсолюта», опубликованной в журнале «Логос», через исследование, в качестве наглядного примера, пропускаются, в удачной на мой взгляд перспективе, центральные события фильма «The Stuff» (1985). Так вот, в этой статье Сазонов противопоставляет делёзовской геофилософии территории с вопросом «где?», геофилософию ресурса с вопросом «когда?». Вкратце: по мнению Никиты, именно ресурс берёт на себя ответственность практически за всё в своей достаточности, включающей в себя коварство талантливого и блестящего, во всех смыслах, «артиста», что для метафизического «изыскателя» Абсолюта становится когнитивным расстройством. Поспешное применение обманчивого блеска как не-философской фигуры (которой по философской необходимости приходится концептуализироваться), это вовлечение его в капиталистические процессы маркетинговых приёмов, обеспечивающих выгодную презентацию для удачного распространения того, что Сазонов оставляет в некоем языковом оригинале — (absolutus), сокрытым в лживом и сподручном для Метафизика, костюмчике Абсолюта. «Сладкая штучка» и «токсичный эксплуататор тел», это два этапа, читаемые у автора как две степени деанонимизации, провоцирующие разные режимы, режим наслаждения и режим выживания, что, по моему мнению, остаётся спекулятивным зазором в переходе от оного режима к другому, в рамках одного более глобального режима. Этим я хочу сказать, что Невозможное, в роли ресурса и с помощью блеска, устанавливает локальный режим пляски, скрывая за собой что-то вроде токсичности.

И далее: мне пришлось полагать, что ресурс не может быть разоблачён в полной мере из-за недостаточности окружающей его среды. Именно к ограниченности окружения, он может быть блестящим или токсичным, но всегда необнажённым. Разоблачение, это действие снятия одного лживого блеска, этим проявляя дру-

гой, до бесконечности корректируя основной режим, перекрашивая в нём ковши и меняя способы экскавации нужного блеска. В таком случае токсичность, это то, что в данной ситуации не имеет способа себя применить гуманитарно, так как она лишена необходимого для этого режима или необходимых сверхспекуляций. Так же и разоблачение, отчасти, несёт антропоцентричный характер. Можно вести учёт левых и правых, светлых и тёмных сторон, явленных поэтапно, и каждой из них найти применение, но не рассчитывая при этом на исчерпание резервуара потенциальных блесков и токсичных разоблачений в этом бесконечном срывании масок, за которыми нет и не может быть лица. Наслаждение и выживание, как уже было указано мной выше, это вариации одного режима, в котором блестит то, что блестит или разоблачается то, что разоблачается. Содержащий в самом себе функцию разоблачения себя как токсичного, ресурс укрощается потенциалом способности всегда себя применить. И тут уместны оба вопроса: и «где?», и «когда?». Копание – это и есть то, что делает искомое ресурсом, и то, что в столкновении с искомым, в зависимости от конкретного положения дел, закладывает в него махинацию или даже геомахинацию, потому что здесь и сейчас, и впоследствии, в лихорадочной или в нелихорадочной оценке (без разницы), проявляются и будут проявляться, необходимые и необходимые геофигуры, в которых такое качество как ресурс во многом становится феноменологическим. Поэтому сам факт оформления Невозможного, во всей его уникальности, обслуживаемой его философией, это факт функционирования нарратива в привычном воспроизведении поиска ресурса. И ищется всегда ресурс как имя существительное с вопросом «что?», о блеске которого свидетельствует пляска как постмодернистский рестайлинг молитвы, что и накладывает на искомое концептуальный отпечаток фигуры, несмотря на то, что философы Невозможного, всем своим видом демонстрируют непоисковый режим.

КОЛОДЕЦ #4

В качестве приложения, приведём ответ от авторов концепции «Невозможного» в данной полемике:

Недавно Семён Обрезкин предложил нам ознакомиться с его критикой излагаемой здесь концепции «Невозможного». Полагаем, что всякую заинтересованность к нашим разработкам не следует оставлять без внимания и рады предложить читателям взгляд «со стороны», пусть даже имеющий критический оттенок. К тому же, это хороший повод для того, чтобы указать на особо сложные моменты излагаемых нами спекуляций.

В качестве вступительной молитвы следует сказать, что жёсткая тоталитарность непротиворечивости в метафизических пределах теряет свой авторитет. Надеемся, что наши читатели готовы к безумному концептуальному танцу. Впрочем, в рамках нашего проекта мы не собираемся бесконечно описывать одни и те же

апории, постепенно смещаясь в историко-философский и иного рода высокоинформативный спектр. Однако привить себе некоторую толерантность к такого рода апориям и спекулятивным извиваниям нашим читателям определённо стоит. К счастью одних и к разочарованию других, Ни к Чему Более мы от вас толерантности не потребуем. Ну да не будем отвлекаться.

Действительно, парадокс «свойства отсутствия всякого свойства» также является свойством и не может претендовать на «характеристику» Невозможного. Как и было написано в статье, данный парадокс предложен лишь для вглядывания в пределы мысли и является в целом стандартной по алгебраическому виду апорией. С тем лишь исключением, что данная апория сформулирована не для какого-то частного действия или положения («хлопок одной ладонью»), а для максимально обобщённой категории Всего, или «всех свойств», являясь своего рода «противоречием противоречий».

Следует сразу заметить, что в критике присутствует некоторое смешение понятий «Невозможного» и предикатов «возможности/невозможности». Как мы и писали в, говоря о Невозможном мы не имеем в виду никаких предикатов «невозможности» — мы лишь выбрали некоторое означающее, которое приемлемо в языковой практике. С тем же успехом можно было говорить об «Айн» или «Бездне», что также вызывало бы недопонимание ввиду присутствия этих означающих во вполне конкретных традициях, в рамках которых их значения с нашим «Невозможным» не тождественны. Предикат «возможного» ничему в нашем дискурсе не навязывается — мы просто не рассуждаем в этих понятиях.

Автор пытается вывести концепцию «Невозможного» на «чистую воду», не обращая внимания на то, что конструктивная часть его критики была нами ясно оговорена. Из предшествовавших рассуждений о проблематике Бытия как тотальной категории следует, что мы приравниваем тщетность говорения о Невозможном (которое, естественно, построено так, будто вращается вокруг како-

го-то центра и подразумевает означаемое) к тщетности молчания о данном концепте (поскольку наше молчание в той же мере можно считать имеющим «направленность» в виде «молчания о чём-то»). Фактически, что в случае Бытия, что в случае Невозможного речь идёт об означающих без означаемых. Говорение о Невозможном проблематично даже не тем, что говорение всегда выстроено как говорение «о чём-то». К примеру, можно обратиться к «мысли о немыслимом» и разрешить эту проблему постулатом (пусть и сомнительным), согласно которому хоть данное «немыслимое» нами и проговаривается, и описывается нашим языковым аппаратом как «проговариваемое», оно всё же не исчерпывается «говорением» о нём. Но к Невозможному нельзя применить и такого рода сомнительный спекулятивный ход, поскольку он сгенерирует другое свойство — свойство «указывающего» соответствия означающего означаемому.

Совершенно бессмысленно ставить нам в вину то, что мы ухватываем Невозможное «за хвост», когда мы указываем на полный крах какой-либо легитимности что подобного, что противоположного суждения (отрицания этого «ухватывания»).

В дискурсе Невозможного не обнаруживается формат бесконечно откладываемого «завершения». Само определение категории «завершённости» арбитрарно, и полученная нами безумная пляска вокруг языковой и ментальной оси может быть рассмотрена в качестве некоторого рода «остановки», или одной из возможных остановок.

Важно обратить особое внимание на следующее рассуждение нашего критика:

«По мнению философов “невозможного”, Бог — есть, а “невозможное” — невозможно. А почему бы не сказать нам, что Бог и “невозможное” — два схожих “по вопрошанию к себе” “объекта”, одной и той же интуиции, просто “невозможному” приходится иногда становится Богом по причине невозможности “невозможного”?»

Здесь стоит пояснить один фундаментальный момент. Ранее нами уже было упомянуто, что в истории мысли мы наблюдаем тончайшую эзотерическую и апофатическую линию внутри монотеизма, линию, восходящую от рецепции Плотина христианскими мистиками к Майстеру Экхарту, Якобу Бёме, рейнско-голландской мистике позднего средневековья и теософии эпохи романтизма. Согласно этой линии, между «Невозможным» (которое всё равно не осознаётся и не артикулируется в должной мере) и Богом есть диалектические взаимоотношения и тождество (которые, безусловно, проблемны по понятным причинам). Бог как всеобъемлющая Бездна становится одновременно всем и ничем, то есть «ничейным всем». Однако Бог как высший трансцендентный первопринцип, несомненно, имеет место Быть. И именно потому, что он имеет место Быть, пусть даже как невозможное бытие небытия — интуиция теистическая и интуиция Невозможного являются разными интуициями. Именно поэтому они не являются предметом, как выразился наш критик, «одной и той же интуиции, поскольку «невозможному» приходится иногда становиться Богом». Невозможное не может становиться ничем, равно как и не может «становиться» вовсе, поскольку становление это онтологическая категория. В связи с этим, даже если бы нам сильно хотелось, мы не можем сказать, что Невозможное имеет связь с божественным просто в силу того, что Оно не может иметь никаких связей, референций, предикатов и свойств. Именно поэтому даже самый радикально-сокрытый в своей трансцендентной невозможности Бог остаётся в рамках принципа Бытия, что автоматически дифференцирует Бога, понятого таким образом, от Невозможного, не раскрываемого и не понимаемого никаким образом.

Здесь стоит ещё раз напомнить, что, говоря что Невозможное не может вступать ни в какие относительно-остаточные взаимоотношения, мы формулируем некий парадокс и, пытаясь применить его к Невозможному, наделяем Его неким пусть и тонко-противоречивым, но описанием. Поэтому возражения в абзаце выше

применимы «на первом этапе», для историко-философского разнесения наших интуиций от интуиций теистических. Самое радикальное Невозможное не могло быть сформулировано в рамках теистического дискурса, поскольку оно требует некоторого радикального выпадения из всякой диалектики, которое себя же отрицает и бесконечно возвращает нас в «круг Бытия». Формулировка Невозможного тщетна, и именно в этом её парадоксальная сила. Эта «тщетность» ставит под сомнение даже свою «тщетность». Именование же того или иного типа рассуждений «монотеистическим» является лишь описательной системой, совершенно контингентной и могущей быть перевёрнутой с ног на голову просто сменой аксиоматики. В некотором смысле попытка помыслить равенство «Невозможного» Богу ничем не отличается от попытки приравнять Невозможное к ложке — это одинаково тщетные действия (здесь тщетность включает в себя как наивность такого рода попыток, так и их легитимность, поскольку и то, и другое никак не удовлетворяет изначальному концептуальному запросу, построенному вне рамок непротиворечивости).

Мы можем наращивать круги ментальной пляски, демонстрируемой абзацем выше. Пусть читатели добавят, что и описанная «тщетность тщетности» является своеобразным свойством, что потребует от нас разворота бесконечных надстроек всё новых и новых утверждений о «тщетности». Проявляя особое упорство, можно говорить о проблематичности самого говорения о Невозможном в тексте, посредством русского языка, посредством парадоксов, посредством бесконечного скольжения и так далее. Хорошо, что наше радикальное понимание «тщетности» включает в себя все эти возражения как минимум потому, что их можно проговорить, просто сведя к тому, что за пределы тотальной категории Бытия мы не выходим.

Всякий концепт отличен от другого. В мире есть концепция Аллаха, есть концепция христианского Бога, а есть концепция языческих Богов. Наряду с ними в языке существуют концепции

«погоды» или «смерти». В таком смысле концепция Невозможного отлична от всякой концепции, ей не тождественной уже по факту формулировки в конкретных словах и конкретным способом, — нахождение же общих черт является дескриптивной практикой, на которой зиждется добрая часть современной гуманитаристики, постоянно переваривающей бесконечно продуцируемую текстовую информацию. К примеру, наша концепция пока что сформулирована на русском языке и это объединяет её с текстами на русском языке — но имеет ли это наблюдение хоть какую-то ценность? Это релятивно, однако структуралистские «подозрения» несложно свести к подобного рода вопросам, возникающим в процессе поиска «общих черт» по произвольным критериям.

Выходит, что перед нашими глазами не спрятана какая-то «тайна языка», нами же «ошибочно» производимая. Пока что мы не занимались никаким «поиском» Невозможного и уж тем более не формулировали бытийно-ошибочную концепцию «трансцендирования в Невозможное», что действительно приравняла бы наш дискурс к чисто религиозному. Претензии автора во многом находят опору в формулировке за нас нашей же телеологии, которую мы до сих пор не эксплицировали. Мы лишь работаем с текстом и производим текст — и таков наш ответ будет в отношение любой структуралистской критики. Даже если мы выскажем свою телеологию в очень ясной форме (поэтически она, конечно, присутствует в наших работах) — можно будет указать на то, что это лишь текст, ни больше, ни меньше. Мотивация авторов здесь может быть самой разнообразной, а нахождение «мотивации текста» также неоднозначно. Ведь даже в примитивнейшем предложении, побуждающем к определённому действию, можно при желании найти прямо противоположный смысл в рамках иной «языковой игры».

Иными словами, наша концепция, вбирающая в себя опыт радикальных сомнений философии и критики метафизики, самой своей самоотрицающей основой без особых проблем переваривает любую структуралистскую критику в рамках самых безэмоциональных и

неэзотеричных возражений. Мы не утверждаем, что для нас наши тексты — «лишь исследуемые нами же тексты», однако ничто не мешает нам отвечать структуралистам именно таким образом. В этом смысле критик и автор всегда играют на одном уровне.

Следует заметить, что оппозиция «мирского» и «высшего трансцендентного» растворялась нами в Бытии. Если мы и пользуемся означающим «трансцендентного» в отношении «Невозможного», то лишь в поэтическом контексте, структура которого всегда очень гибка и противоречива.

Наше скольжение если и осуществляется вокруг некоторого метафизического центра, то прекрасно это учитывает и постоянно отрицает, постоянно проваливаясь в своём отрицании и возвращаясь к нему снова. Можно сказать, что радикальная метафизика в своём пределе становится «скольжением вокруг скольжения». Всякая же критика текста из указания на проблему «бессмыслицы смысла» малопродуктивна, ведь сама критика всегда присутствует в тексте и несёт на себе ту же ущербность, что и всякий текст. Читатели могут попробовать представить себе любой предмет и попытаться дать ему самое точное и ясное определение, раскрывая все вспомогательные понятия — на определённом этапе станет ясно, что некоторые базовые понятия несут на себе очень мало от того «смысла», который мы подразумеваем при использовании этого слова в обыденном языке.

Ну а эзотерика указания на обусловленность тех или иных мыслей «местом» или «состоянием наблюдателя» попросту контингентна и не покидает рамок какой-то вариации описания и редукции.

Довольно скоро мы представим нашу работу-манифест (см. «Колодец» №1, №2). Быть может, она лучше прояснит первый этап нашей философской деятельности, вместе с тем дав повод для новой критики, которая всегда полезна, поскольку может как указать на слабые стороны нашей концепции (которые, безусловно, имеются, хотя обычно нами же и отмечаются и в перспективе бу-

дут рассмотрены), так и прояснить некоторые непонятные положения для самого критика.

Но, раз кто-то к этому уже созрел, несколько эссе по вариации «Телеологии/Этики из Невозможного» появятся в ближайшее время. Следует только помнить, что всякая телеология, а уж тем более этика — вещи очень далёкие от чистой метафизики. Это уже частности, которые могут радикально изменять содержание в зависимости от того, что за субъект об этих частностях высказывается.

Altered state ov Divinity

Публикация внутреннего ордена MLO, TOTBL — 218

Ордена Храма Дракона Хаоса

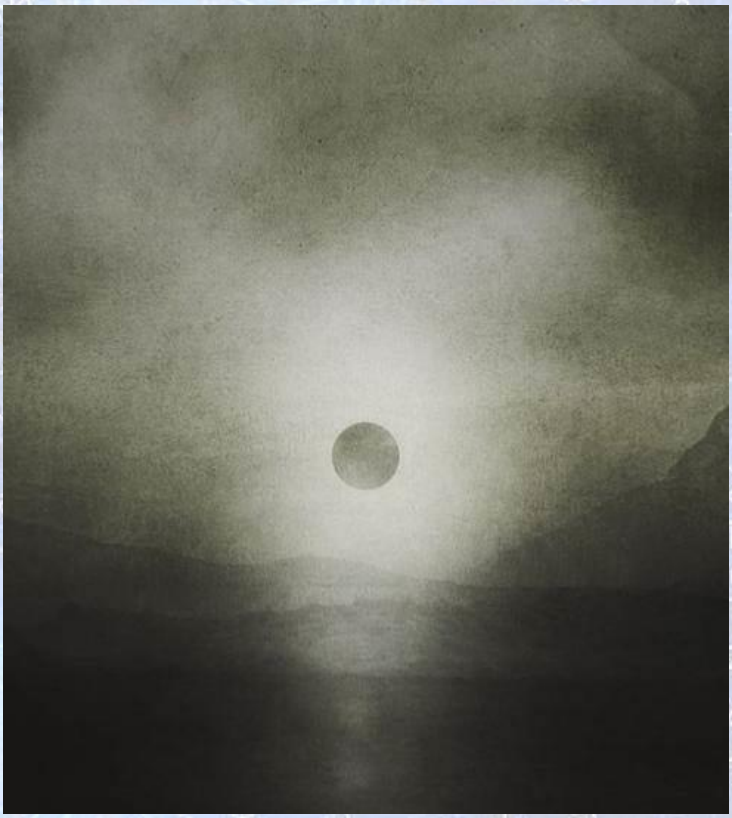
Кагири Ушумгал

Перевод Ecclesia Tenebrarum

Каософская интерпретация «Энума Элиш»

Ама-Ушумгал-Сумун-Тиамат

Вначале господствовала тьма, и Хаос был всем.

Вместе, Тиамат Мать Хаоса и Абсу Отец Глубин, правили извечной тьмой и совершенной тишиной.

Вместе, Тиамат и Абсу создали изначальный хаотический океан.

Сладкие воды Абсу смешались с солёными водами Тиамат, когда они вместе видели свои тёмные сны.

Но из снов двух древних,

энергии, что были нечисты и не были в гармонии с Хаосом,

стали обретать во тьме форму.

Без Матери Хаоса и Отца Бездны,

пробуждающихся от своей тёмной дремоты, нечистые энергии крепчали,

и из них начали появляться мерзкие мятежные боги.

Из нехаотических энергий, что приняли форму, начали проявляться недостойные презренные боги ложного света.

Среди тех новых богов был один сильнейший, по имени Энки.

Энки стал правителем презренных богов.

Он стал царём подлых богов.

И совершенная тишина не была более совершенной, так как вечная ночь была нарушена воплями презренных богов.

Абсу Отец Глубин, очнулся от своего сна и пришёл в ярость.

Тиамат Мать Хаоса, очнулась от своего сна и наполнилась ненавистью.

С омерзением смотрели они вниз на новых богов.

Глазами полными гнева они созерцали, как плодятся презренные боги.

Это удручило Мать Тиамат, и наполнило Отца Абсу жаждой мщения.

Даже Эгура — тёмные воды бездны,

не смогла заглушить радостный смех презренных богов.

Даже Мумму — туман глубин не смог скрыть присутствия новых богов.

Их поведение стало невыносимым для Отца Глубин, и, наполнившись ненавистью, Абсу разбушевался.

В своём гневе он повернулся к Дракону Хаоса Тиамат, и сказал:

«Мне омерзительны дела презренных богов, ибо во тьме я не могу более найти ни отдыха, ни сна.

Я уничтожу, я истреблю, я разрушу их деяния, чтобы чистота Хаоса была восстановлена, чтобы мы снова могли видеть темнейшие из снов».

Тиамат обрадовалась, услышав эти слова,

и крикнула своему мужу:

«Уничтожь их, созданных из моих снов, ибо их дела отвратительны мне.

Истреби этих мятежных богов, супруг мой,

и ты снова будешь видеть тёмные сны могущества в моих объятиях».

Когда Абсу услышал это, его лицо начало излучать злобу, которую он испытывал к презренным богам — своим собственным отвратительным отродьям.

Когда новые боги увидели ореол ненависти, окружавший их отца Абсу,

их переполнил страх.

Презренные боги побежали к Энки, что был их королём, и сказали ему:

«Бездна готова к войне, всесильный Дракон Хаоса читает проклятия мщения».

Услышав это, Энки пришёл в ужас,

но он, будучи самым трусливым и скрытым из всех ложных богов, сказал своим слугам:

«Давайте отравим воды глубин, и если сила Бездны заключена во тьме, давайте принесём во тьму наш свет, чтобы ослепить нашего отца, Абсу.

Давайте, нашими общими усилиями уничтожим его, ведь Абсу горд, и не ожидает подлости.

Давайте нападём на него из засады, и нашей магией погрузим его в воды смерти,

чтобы он вечно видел сны смерти».

Абсу Отец Глубин, поднялся из Бездны

и приготовился к битве, но трусливые боги ослепили его лживым светом и отравили его воды.

Они атаковали Абсу, и своей магией ввергли его в сон смерти.

Мятежные презренные боги возликовали,

и в иступлённом восторге, они спаривались, чтобы создать новую жизнь.

Так, боги света праздновали свою предательскую победу, и король презренных богов, трусливый Энки, сказал своим слугам:

«Давайте построим храм, и дабы осквернить имя нашего мёртвого отца, назовём его Абсу.

Давайте создадим в этом храме больше жизни, которая будет противодействовать Хаосу».

Остальные боги, услышав это, наполнились омерзительной радостью.

И на том месте, где они победили Абсу своим трусливым нападением, они построили храм. Чтобы осквернить Хаос, они назвали его Абсу.

Внутри храма Абсу, Энки спарился со своей мерзкой шлюхой, Дамкиной.

Внутри храма Абсу, был порождён Мардук,

сын Энки, сын Дамкины.

Из лона шлюхи Дамкины был порождён Мардук, и все боги света подносили Мардуку дары.

Все презренные боги света отдали Мардуку свои собственные силы.

Мардук стал самым могущественным из всех презренных богов, таким же трусливым и хитрым, как его коварный отец Энки.

Могучая Тиамат, Мать Хаоса,

Мать Тиамат, Дракон Хаоса,

наполнилась гневом, наполнилась ненавистью, поднялась из тьмы,

и её, ужасающие крики, были слышны в безднах и тьме.

Крики Тиамат были слышны в Нар Маттару,

и её крики, как буря, хлестали все души,

кроме её мужа, что остался в Да-Ра-Эс

Ку-Куга Бар Шэг.

Из темнейших пещер Да-Ра-Эс Ку-Куга Бар Шэг, Дух Мщения приблизился к Тиамат и сказал ей:

«Твой супруг был убит трусливыми презренными богами, Абсу был убит омерзительными презренными богами.

Своими коварными способами они убили нашего отца, и осквернили тьму Хаоса своей мерзостью.

Давай отомстим за нашего любимого Абсу, О, Мать Хаоса!

Давай отомстим за его смерть,

О Всесильный Дракон!»

Речь Духа понравилась Тиамат,

и она закричала во Тьму:

«Время мести близко!

Ветры ненависти разбушуются, а огонь уничтожения сожжёт всю жизнь!

Дух Мщения разбудил меня от сна скорби,

и сейчас мы отомстим за смерть Абсу!»

Своей магией, Тиамат призвала живую тьму.

Призвала она демонов зла и богов Хаоса,

и все они собрались у трона Дракона.

В ярости, они договорились без промедления, готовиться к битве.

В злости и гневе, они держали совет по подготовке приближающейся войны.

Мать Тиамат, наполненная ненавистью, читала древние заклятие и своей магией она призвала Хубур, свою Высшую Жрицу.

Хубур, Создательницу Демонов.

Хубур, Ярящаяся Тень Тиамат.

Тиамат обратилась к Хубур:

«Создай легионы мщения, создай демонов беспорядка, создай богов уничтожения,

ибо я, Тиамат, самая древняя и могущественная из богов Хаоса,

требую крови новых богов, в качестве жертвы!

Создай Армии Воинов Хаоса, что отомстят за смерть Абсу.

Создай мстителей Хаоса, моя преданная Хубур, и отомсти за боль Дракона!»

Хубур поклонилась перед троном Дракона

и своей чёрной магией, она призвала чудовищ драконов с острыми и беспощадными клыками.

Вместо крови, она наполнила их вены растворяющим форму ядом.

Гигантских драконов гнева она облачила силой и ужасом.

Она позволила нести им ауру страха и сделала их богами, чтобы те, кто намеривался навредить им, были бы уничтожены.

Хубур создала Гидру, яростного дракона и Лахаму, великого льва,

Свирепого пса и человека-скорпиона.

Великие демоны бури, человек-рыба и драконы, все с безжалостным оружием, и без страха перед битвой.

Вот таких одиннадцать Ярящихся Богов Хаоса она произвела.

И когда всё было готово, Хубур преклонила колено перед великим Драконом Тиамат.

Тиамат, Воплощение Первозданного Хаоса, крикнула Хубур голосом полным ненависти:

«Хубур, моя Тень и преданная жрица, я довольна тем, что ты создала, но кто поведёт Одиннадцать к полной победе,

и принесёт мне разорванные души презренных богов, в качестве жертвы?»

Когда Хубур услышала вопрос Дракона Хаоса,

своей чёрной магией она призвала своего супруга.

Она призвала великого Принца Хаоса, Полководителя Кингу.

Перед троном Тиамат, она подняла Кингу.

И, именем Тиамат, Хубур избрала Кингу вести армию.

Она избрала Кингу вести это зловещее скопление, поднять оружие, и командовать приближающейся битвой.

Хубур дала Кингу занять его место в тёмном совете.

Перед троном Тиамат, Хубур сказала своему супругу, могучему Кингу:

«Я прочитала для тебя заклинание, я сделала тебя великим среди богов, я наделила руку твою силой и властью над всеми богами.

Теперь ты могущественен, как никогда, муж мой.

Пусть мерзкие презренные боги будут раздавлены под твоими ступнями!»

Хубур дала могучему Кингу Скрижали Судьбы, и ремнём прикрепила их к его груди.

Тогда, Тиамат крикнула:

«Теперь Кингу готов к войне!

Кингу, что отомстит за смерть Абсу!»

Легионы Хаоса были вооружены для битвы с мятежными богами, нежеланными и отвратительными отпрысками Тиамат,

и мерзкие мятежные боги вновь пришли в ужас.

Их бог Энки, трясся от злобы и страха.

Энки, поражённый, в тишине ронял кровавые слёзы на свой трон,

ибо он знал, что никто и ничто не переживёт ярости могущественной Тиамат.

Трусливый Энки, коварный бог, собрал своих слуг и рассказал им о заклинаниях, что могучий Дракон нацелила на них.

Энки рассказал им об Одиннадцати,

созданных волей Тиамат и магией Хубур.

Он рассказал им о Легионах Мщения,

которые под предводительством Кингу были уже готовы к войне.

Услышав это, все боги ложного света заплакали кровью.

Они знали, никто из них не осмелится встретить легионы её гнева, что под предводительством Кингу, собирались отомстить за Абсу.

Трусливые боги замолчали, и тень Уггу[1] нависла над ними.

Но Аншар — старейший среди презренных богов, нашёл решение.

Аншар обратился к Энки и предложил:

«Тот, чья сила огромна, станет защитником своего отца.

Тот, что сразится с Хаосом это — Мардук, герой».

Услышав это, Энки подозвал к себе своего сына Мардука и сказал ему:

«О, Мардук, мой верный сын, послушай своего отца, ибо тень смерти нависла над нами всеми, и Мать Тиамат, злой Дракон, объявила нам войну, нам, что были порождены из её снов.

Она собрала легионы Хаоса и ярящейся тьмы, которые готовы пролить нашу кровь.

Ты — наша единственная надежда, Мардук, ибо никто среди нас не осмелиться сразиться с воинами Тиамат, которых возглавляет Кингу.

Я, Энки, хочу, чтобы ты, Мардук, сильнейший среди всех богов,

защитил нас от гнева Дракона.

Я хочу, чтобы ты, сын мой, победил Тиамат».

[1] Смерть.

КОЛОДЕЦ #4

Мардук, наполненный ненавистью к Силам Хаоса, поклялся перед троном своего отца, начать войну против Матери Тиамат и использовать силу, которая была дарована ему всеми богами.

Услышав это, боги обрадовались, но Мардук, будучи самым коварным среди презренных богов, собрал их и предъявил им свои требования, перед грядущей битвой с Силами Хаоса.

Он заявил своему отцу и всем богам:

«Если я, Мардук, сын Энки, пойду войной на Тиамат, то мне нужны благословения и силы всех богов.

Я, Мардук, меня будут славить больше всех.

Моё требование — править с высшего трона.

Ведь если вы не превознесёте меня до высшего бога, моей силы будет недостаточно, чтобы победить Хаос,

и смерть, непременно, заберёт нас всех».

Боги, наполненные страхом перед приближающейся войной, согласились с требованиями Мардука.

Они выстроили огромные храмы в честь Мардука, и восхваляли его имя.

Они провозгласили Мардука Королём богов, и дали ему жезл, трон и власть.

Презренные боги вооружили Мардука мощным оружием.

Они вооружили Мардука луком и стрелами. Они вооружили Мардука топором и мечем.

Они вооружили Мардука молнией и огнём.

Своими новообретёнными силами трусливый Мардук создал сеть иллюзорного света, чтобы поймать в неё своих врагов.

Мардук призвал четыре космических ветра

и создал вихрь и ураган, чтобы защитить себя от гнева Хаоса.

Он наслал эти ветры на Дракона, чтобы сбить с толку её разум.

Мардук, готовый к битве, воззвал к могучему штормовому ветру.

Затем, окружённый защитным вихрем,

он перелетел через армии тьмы.

Мардук держал свой путь к Трону Дракона.

В глубины Хаоса Мардук держал свой путь,

и перед Троном Хаоса, перед Матерью Тиамат, он ещё раз спустился в глубины.

Лицом к лицу с Драконом, Мардук объявил войну.

Без коленопреклонения, отвратительный Мардук осмелился стоять перед Троном Тиамат.

Умму Ушумгал Сумум Тиамат[1],

Мать Хаоса, наполненная гневом, наполненная ненавистью, взглянула на мятежного Мардука.

Глазами смерти и холодным взглядом ненависти, она посмотрела вниз, на недостойного сына Энки.

Тиамат запела песни смерти, она выкрикнула заклинание.

Тиамат атаковала Мардука своим древним заклятием

и напала на него своей чёрной магией.

Сын богов, коварный Мардук, пришёл в ужас.

Из глаз Мардука хлынула кровь.

Изо рта Мардука заструилась красная вода жизни.

Из ушей Мардука полилась божественная кровь.

Мардук закричал от боли и стал медленно тонуть в собственной крови.

[1] Древняя Тиамат, Великий Дракон (шумерск.).

Шестьдесят демонов разорвали тело Мардука.

Семь демонов выпили его кровь.

Великий Дракон, Владычица Хаоса, сидя на своём троне, смеялась над болью и страданиями Мардука.

Легионы Хаоса, возглавляемые Кингу, окружили Мардука.

Сыновья и Дочери Ненависти обступили Мардука.

Мардук, наполненный страхом, увидел приближающуюся к нему тень смерти.

В отчаянии и потрясении от зла окружающего его, он призвал свои космические ветры.

Мардук призвал свои бушующие ветры и выпустил их на демонов.

Он набросил свою сеть света на Тиамат.

Дракон Хаоса, полная ненависти, выкрикивала древние проклятия.

Мардук сражался изо всех своих сил,

и направил четыре ветра в лицо Тиамат.

Когда Тиамат открыла свой рот, чтобы в ярости закричать, Мардук заставил космические ветры ворваться в неё,

дабы она не могла сомкнуть свои окровавленные челюсти.

Мать Тиамат, величайшая из всех, крикнула Мардуку:

«Как можешь ты надеяться убить то, что никогда не жило?

Как можешь ты победить того, кто никогда не был рождён?

Я, Тиамат, была всем, когда всё было ничем!

Я правила прежде появления смерти.

Я пустота и вечная тьма.

Я Хаос, уничтожитель всякого порядка, мать всего и ничто!

Как можешь ты, Мардук, всего лишь отпрыск одного из моих мертворождённых снов, хотя бы надеяться на вечное правление?

Перед космосом был Хаос, и когда космос падёт, Хаос вновь станет всем!

Так что наслаждайся своей короткой победой, презренный бог, ибо я, Тиамат, первая кто видел Скрижали Судьбы,

знаю, как закончится эта война.

Наслаждайся своей короткой победой, Мардук, ибо когда свет новых богов погаснет,

Я буду править вновь!»

Мардук, напуганный презрительной речью Тиамат, направил космические ветры, чтобы они наполнили её живот и разорвали её изнутри.

Но могучий Дракон Хаоса, Тиамат, не кричала от боли.

Вместо этого, она ответила презрительным смехом.

Мардук, король новых богов, выстрелил своими стрелами света и вскрыл брюхо Дракона.

Стрелы Мардука вскрыли брюхо Дракона и разорвали Её внутренности.

Смеясь, могучая Тиамат упала.

Смеясь, Мать Хаоса погрузилась в сон не-смерти.

Увидев падение Дракона, войска Кингу пришли в замешательство, но высшая жрица Хаоса Хубур, дьявольская ведьма,

что наблюдала за битвой, превратилась в чёрный ветер.

И прежде чем пролитая кровь Тиамат успела упасть на землю до того как кровь Дракона Хаоса могла быть осквернена грязным Мардуком, Хубур собрала кровь великого Дракона Тиамат, и отнесла её в места неизвестные богам ложного света.

Преданная Хубур, Мать Чёрной Магии,

злая ведьма Хубур, отнесла кровь в темнейшие окраины и разлила кровь Дракона в бесконечной пустоте Запредельного.

Из крови Дракона возникла Империя Ярящегося Хаоса.

Из древней крови Хаоса появились Мстители Тьмы,

Те, что отомстят за падение Трона Дракона.

Кровь Дракона Матери струилась и распространялась, чтобы Хаос мог окружить то, что будет развиваться в космос.

Во тьме Ярящегося Хаоса стояли зловещие демоны, голодные и ожидающие.

Трусливый Мардук, незнающий о действиях Хубур и новой Империи Гнева, стоял над «мёртвым» телом Дракона и собирал своё оружие.

Ибо он, «убивший» Тиамат, должен теперь победить Кингу.

Кингу, последнего оставшегося от крови древнего наследия.

Кингу, мститель Дракона, пылающий ненавистью, был готов к войне.

Но прежде, чем полководитель Кингу мог бы сразиться с недостойным Мардуком,

прежде, чем он мог бы погрузить Мардука в воды смерти, его поймали в ловушку армии презренных богов.

Кингу одолели легионы трусливых богов,

которые теперь дерзнули показаться.

Теперь, когда Дракон была «мертва», а Одиннадцать, что были сотворены магией Хубур, были смещены к крови Внешнего Хаоса, презренные боги были наполнены поддельной отвагой.

Они сковали могучего Кингу горящими цепями,

Мардук сорвал Скрижали Судьбы с Кингу

и прикрепил их к собственной груди.

КОЛОДЕЦ #4

Дьявольский Лорд Хаоса посмеялся над Мардуком и сказал:

«Ах, ты, грязная собака, твоя трусость видимо спасла тебя, но я, Полководитель Хаоса, смотрел в Скрижали Судьбы,

и я видел, чем кончится борьба между Хаосом и космосом.

Глядя в чёрные скрижали, я видел, как ваше собственное творение обратилось против вас.

Я видел тех, кто служит Гневу Слепого Меча, открывает врата голодным богам, что ждут дня отмщения.

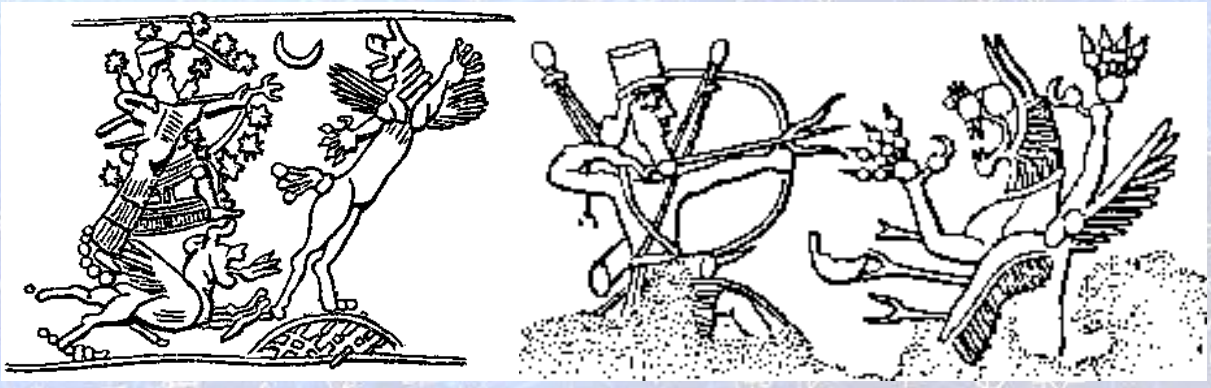
Я, Кингу, видел, как те, кто ведом моей кровью, отомстят за Изначальный Хаос, что ты осквернил.

Дракон восстанет, и я, Кингу, получу своё отмщение!

Потому, наслаждайся своей короткой победой, ибо победа Хаоса будет вечной!

Моя месть в наследии моей крови,

и в моей крови нет конца ненависти.

Потому наслаждайся своей победой, Мардук, ибо, когда наступит рассвет Дня Гнева, твоя кровь будет пролита в мою честь, теми, в ком будет жить моя кровь!»

Услышав это, Мардук приказал своим воинам заточить Кингу.

В темнейшей пещере Уггу он приказал своим армиям сковать Кингу.

Весь сонм новых богов собрался вокруг Мардука и прославлял его.

Тогда Мардук, недостойный подлец, отделил голову дракона своим мечом.

Мардук взрезал её вены, и когда его отец увидел это, он испытал радость и счастье.

Мардук, глядя на тело Дракона, решил создать вселенную из тела Дракона Матери.

Он перерубил её тело посередине,

и из одной половины он создал небеса.

Из другой половины он создал землю.

Мардук поставил стражей, чтобы они сдерживали «тех, что находятся по ту сторону» от вторжения в его творение,

ибо он чувствовал ненависть тех, кто поднялся из крови Дракона.

Он создал стены, чтобы защитить своё творение от Ярящихся Богов Хаоса.

Мардук создал запертые врата, чтобы помешать Морям Хаоса затопить вселенную.

Мардук создал места для богов, которые соответствовали звёздам созвездий.

Мардук создал годы и дни, и отдал власть над всеми планетами богам.

Сын Энки создал солнце, чтобы освещать день, и луну, чтобы освещать тьму ночи.

Все боги славили Мардука, и дали ему титул «Властелин Создатель».

Мардуку нравилось, когда его восхваляли, и он решил создать Род Человеческий,

чтобы они тоже славили и поклонялись ему.

Мардук сказал своему отцу Энки:

«Кровью я свяжу воедино и создам скелет.

Я создам Человечество, чьей сутью будет вечно поклоняться, и служить нам как рабы.

Услышав это, Энки был горд своим сыном, он созвал всех богов, чтобы Мардук мог объявить о своих планах по созданию Человеческого Рода».

КОЛОДЕЦ #4

Когда боги выслушали план Мардука,

все они высказали своё одобрение богу творцу.

Хитрый Мардук был удовлетворён, и спросил богов:

«Кто из вас готов быть принесённым в жертву, ради создания Рода Человеческого, в качестве наших верных рабов?

Кто из вас готов пролить свою кровь,

Для создания наших рабов из крови и глины?

Ибо для создания Человека, мне нужна кровь бога, чтобы из глины родилось Человечество, нужно принести в жертву жизнь одного бога.

Кто из вас готов умереть, чтобы осуществить желание верховного собрания богов?»

Услышав слова грязного демиурга, трусливые боги наполнились страхом,

ведь никто из них не был готов пожертвовать собственной жизнью ради исполнения желаний Мардука.

Но боги Игиги, что были самыми умными среди богов, придумали решение.

Они сказали Мардуку:

«Давай принесём в жертву того, кто объявил нам войну,

Давай убьём того, кто осмеивал нас.

Давай прольём кровь того, кто предрекал нам кончину.

Полководитель Хаоса, которого мы заточили, может умереть для того, чтобы мы получили наших преданных слуг.

Мы можем убить Кингу, для того, чтобы был создан наш верный раб — Человек!»

Услышав это, Мардук прояснился

и приказал представить Кингу перед собранием богов.

Грязные мятежные боги привели Кингу из пещеры Уггу.

Могучий Кингу гордо стоял перед подлыми богами.

Трусливый Мардук сказал Кингу:

«Ты предрекал нам смерть, но сейчас умрёшь ты. Видимо мощь и могущество сил Хаоса не столь велики, как мы предполагали. Видимо великий Кингу слеп,

ведь он даже не смог разглядеть собственной ужасной смерти в Скрижалях Судьбы».

Услышав это, Кингу рассмеялся своим презрительным смехом и сказал:

«Я, Кингу, видел свою смерть в Скрижалях Судьбы, но также видел и своё воскрешение.

Чем может быть смерть, для тех, что от Хаоса, если не коротким отдыхом?

Мы первые, и мы будем последними!

Мы, кто никогда не жил — никогда не умрём!

Пролей мою кровь, ты, трусливый Мардук,

ибо та самая кровь, что бежит по моим венам, однажды победит тебя, ибо моя ненависть вечна, так же, как и моя жажда мщения!

Наслаждайся своей короткой победой, ты, отвратительный мятежный бог, ведь кара за твоё преступление ужасна и вечна!»

Услышав это, присутствующие боги разозлились, своими мечами они разрубили тело могучего Кингу на куски.

Трусливый Мардук отделил вены Кингу, и смешал кровь Кингу с глиной, чтобы сделать человеческое тело.

Затем Мардук дунул своим вонючим дыханием в человеческое тело, чтобы оно наполнилось жизненной силой и стало жить.

Человек был создан и все боги восхваляли Мардука.

Подлые боги называли Мардука его отвратительными титулами, и возвысили его до правления всеми космическими богами, как короля, ибо там, где раньше господствовал Хаос, теперь правил космос.

Тем не менее, за пределами космоса,

боги Ярящегося Хаоса, что родились из крови Дракона Хаоса, смотрят на творение ложного света и ждут дня возмездия.

Они ждут приказа Одиннадцати из Хаоса,

чтобы вторгнуться в империю демиурга,

чтобы распространить огни Запредельного Света, и навсегда потушить умирающую искру богов создателей.

Но те голодные, что за пределами ждут войны — не просто слуги воли Ярящегося Хаоса.

Также написано, что создание Мардука, ведомое кровью Кингу, откроет врата изнутри.

Ибо сказано, что Род Человеческий, созданный кровью Злого, обернётся против своего создателя.

Так бессильный Мардук совершил смертельную ошибку, когда создал человечество из крови Кингу,

Полководителя Ярящегося Хаоса.

Через кровь Кингу,

Человек, в глубине своей души, несёт Чёрное Пламя Хаоса.

В глубине своей души, Человек несёт семя анти-космической ненависти,

ибо дух крови Человека от сути мстителя,

и ненависть человечества — есть ненависть Кингу.

Среди избранных, ведомых Духом Хаотической Крови, есть те, кто благословлён силами древних Богов Хаоса.

Эти избранные, что служат гневу «мёртвых» богов — те самые, что откроют запертые врата изнутри и впустят тех, кто ожидает за пределами космических границ.

Творение Мардука — всего лишь тонущий остров, окружённый извечными бушующими морями Хаоса,

морями Хаоса, которые есть не что иное, как кровь «мёртво-го» Дракона.

За стенами творения, ожидают Одиннадцать Мстителей Хаоса.

Одиннадцать и их легионы ждут открытья врат, чтобы они смогли восстановить Хаос, что правил однажды.

Когда Боги Мщения, Гневные Воины Хаоса,

в клочья разорвут ложных богов, когда

Гнев Дракона Хаоса, уничтожит мятежных богов и их мерзкое творение,

Ама-Ушумгал-Сумум-Тиамат проснётся от своей дрёмы смерти, первозданная тьма и ревущая тишина поглотят и очистят всё.

Победа Хаоса над космосом будет длиться всю вечность,

И силы Хаоса будут править вновь!

Силим-Маду Ама-Ушумгал-Хубур!

Силим-Маду Сумун Мумму Тиамат![1]

(Из книги «Kagiri Ushumgal»)

TOTBL — 218

[1] Да воссоединится Мать-Дракон Хубур!
Да воссоединится Древняя Родительница Тиамат! (шумерск.)

КОЛОДЕЦ #4

Ритуал открытия

0. Алтарь размещается на западе.

1. Маг встаёт, повернувшись к алтарю, берёт ритуальный колокольчик и звонит одиннадцать раз.

2. Алтарная свеча зажигается во имя Тиамат.

3. Маг направляет ритуальный кинжал на алтарь и сильным голосом произносит:

«Тиамат, всемогущей матери-дракону, слава! Слава! Слава!»

Когда это произнесено, маг чертит чёрную звезду хаоса в астрале перед собой, одновременно вибрируя слово силы «Ушумгал».

4. Маг поворачивается на юг, поднимает ритуальный кинжал и произносит:

«Абсу, великому королю глубин, слава! Слава! Слава!»

Когда это произнесено, маг чертит чёрную звезду хаоса в астрале перед собой, одновременно вибрируя слово силы «Ушумгал».

5. Маг поворачивается на восток, поднимает ритуальный кинжал и произносит:

«Хубур, первосвященнице хаоса, слава! Слава! Слава!»

Когда это произнесено, маг чертит чёрную звезду хаоса в астрале перед собой, одновременно вибрируя слово силы «Ушумгал».

6. Маг поворачивается на север, поднимает ритуальный кинжал и произносит:

«Кингу, антикосмическому военачальнику, слава! Слава! Слава!»

Когда это произнесено, маг чертит чёрную звезду хаоса в астрале перед собой, одновременно вибрируя слово силы «Ушумгал».

7. Маг поворачивается обратно к алтарю, касается своего третьего глаза ритуальным кинжалом, одновременно читая следующее призвание:

«Четверо тёмных врат в измерения хаоса теперь открыты, и, во имя Тиамат, Абсу, Хубур и Кингу, антикосмические потоки текут свободно!»

Маг опускает остриё кинжала в наполненную вином чашу, размещённую на алтаре, и продолжает читать следующее:

«Во имя дракона хаоса, я призываю ужасающих богов небытия и наполненной водой бездны! Пребудьте со мной, о безымянные и бесформенные демонобоги, правящие над вечной тьмой ярящегося Хаоса! Пробудитесь от вашего тёмного сна и услышьте мой зов!

Пребудьте со мной, преданнейшим служителем дракона хаоса, и почтите меня присутствием ваших тёмных теней!

Защитите меня от атак космических богов и изгоните энергии грязных богов-бунтарей с этого ритуального места!

Пребудьте со мной, о вы, ожидающие дня гнева, и пусть чёрный огонь хаоса, пылающий в глубине моей чёрной души, горит сильнее, чем когда-либо!

Во имя Тиамат, я призываю вас, о вестники вечной тьмы, пребудьте со мной и очистьте мою душу уничтожающим пламенем огня хаоса!

Пусть космическая грязь, что струится в моих венах, будет уничтожена, и, во имя всемогущей матери-дракона, пусть кровь великого Кингу снова пробудится к жизни!»

8. Маг выпивает заряженное энергией ритуальное вино и произносит следующее:

«Кровь Кингу снова живёт в моих венах, и, во имя ярящегося хаоса, я наполнен силой вечной тьмы!

Я, N. N., готов начать мой чёрный ритуал, дабы с благословения богов хаоса моя магия брала всю свою силу из тёмных видений спящей матери-дракона!

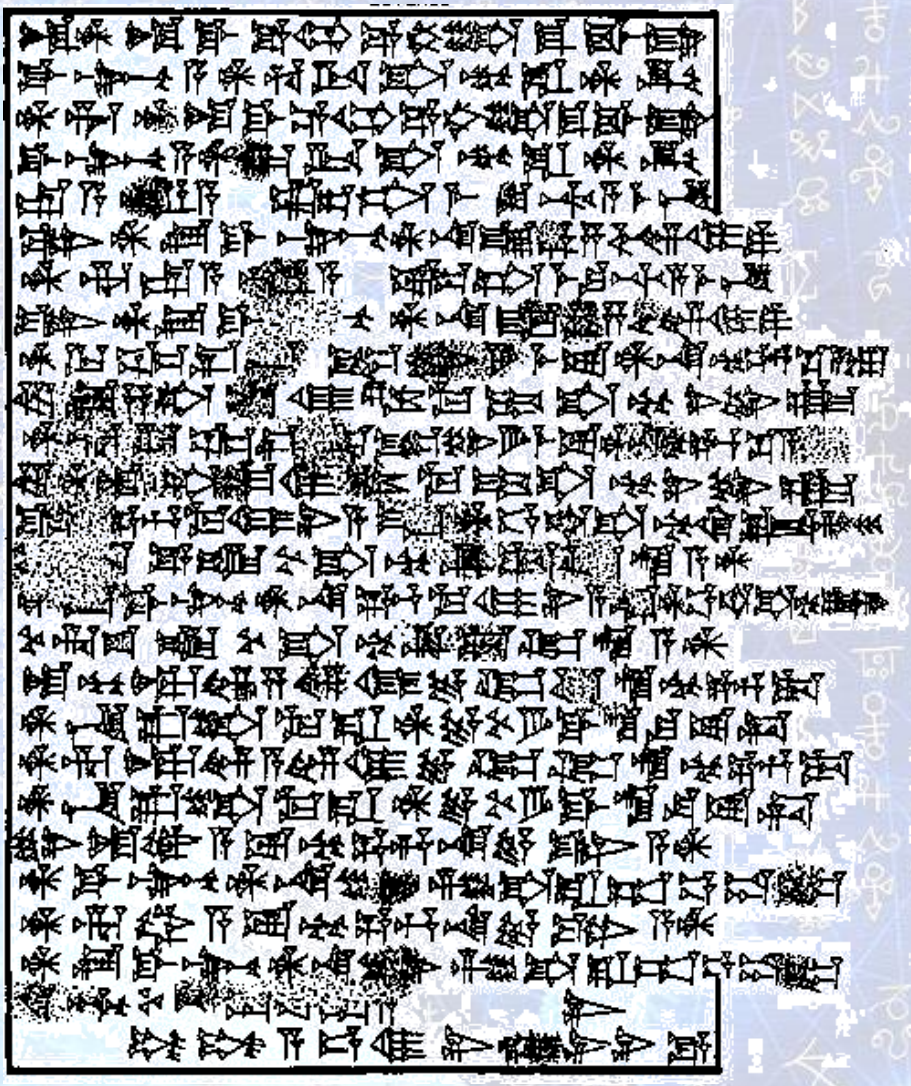
Слава Тиамат! (×2)

Слава Абсу! (×2)

Слава Хубур! (×2)

Слава Кингу! (×2)».

9. Теперь может начинаться ритуал!

Завершающий Ритуал

1. Маг поворачивается к алтарю, поднимает ритуальный кинжал и произносит:

«Силим-Маду Ама-Ушумгал-Анна!

Силим-Маду Сумун Мумму Тиамат!»

2. Маг поворачивается к югу, поднимает ритуальный кинжал и произносит:

«Силим-Маду Ад-Да Абсу!

Силим-Маду А-Туку Абсу!»

3. Маг поворачивается к востоку, поднимает ритуальный кинжал и произносит:

«Силим-Маду Умму Хубур!

Силим-Маду Нин-Мах Хубур!»

4. Маг поворачивается к северу, поднимает ритуальный кинжал и произносит:

«Силим-Маду Гар-Ду Кингу!

Силим-Маду Ку-Куга Ур-Саг Кингу!»

5. Маг снова поворачивается к алтарю и произносит:

«Дракон сделал свой дух могущественным, я — дракон!

Слава Тиамат!

Слава Абсу!

Слава Хубур!

Слава Кингу!»

6. Ритуал завершён!

КОЛОДЕЦ #4

Азерате 218

Азерате — сокрытое имя антикосмических богов, ключ к последним вратам тёмных измерений.

Азерате — эзотерическое имя одиннадцати антикосмических сил, которое упоминается и в шумерском хаогностицизме, и в клипотической каббале.

Само имя Азерате (Азрат) — это закодированная нумерологическая формула, которая означает 218, что равно 2+1+8=11.

Антикосмические силы, которые борются с тиранией космического порядка, чьё число 10, могут быть описаны как одиннадцать отдельных демонических сил, которые по своим направлениям противодействуют космическим силам, что всегда были слабы.

Но имя Азерате объединяет одиннадцать антикосмических сил хаоса и превращает в одиннадцатиглавого чёрного дракона, и таким образом эти расторгающие силы становятся более концентрированными и наполненными силой.

Ибо когда одиннадцать соединяются, они становятся одиннадцатиглавым драконом, Азерате, который своими совместными усилиями может повернуть ключ в последних вратах и прорваться сквозь космические барьеры.

Азерате — одиннадцать антикосмических потоков силы (поток силы 11), которые через соединение становятся сильным и ужасающим драконом смерти, своим огнём хаоса прожигающим чёрные дыры в космических барьерах, дабы тем готовить вторжение ярящегося хаоса в космос.

Имя Азерате должно вибрироваться в связи с активацией Разомкнутой Пентаграммы, микрокосмических врат в макрохаос. Эзотерическая сигила Азерате — одиннадцатиконечная звезда (хендекаграмма), которая должна находиться как точка фокусировки на чёрном алтаре хаогностического мага в ходе ритуалов, цель которых — направление антикосмических потоков силы в космос.

Ведар-Гал Тиекалс Сомдус Азерате!

11 огней Азерате

0. Этот ритуал проводится ночью 30 апреля или 22 декабря.

Помимо традиционных принадлежностей, на алтаре также помещаются одиннадцать чёрных свечей. Эти одиннадцать свечей олицетворяют одиннадцать демонобогов, сотворённых Хубур в борьбе с Мардуком.

Общее имя этих одиннадцати антикосмических сил — Азерате.

Маг также сохраняет вблизи ритуального места жертву, которую он в ходе ритуала дарует силам хаоса.

1. Маг начинает ритуал традиционным образом с «Открывающего ритуала».

2. Маг встаёт перед алтарём и произносит следующее чествование Азерате:

«Я, N.N., восхваляю моего господина Азерате!

Я чествую Азерате, одиннадцатиглавого чёрного дракона, короля тёмных богов!

Я, навеки служитель ярящегося хаоса, славлю беспощадного Азерате!

КОЛОДЕЦ #4

Силим-Маду Лугал Эпиш Лемнети Азерате!

Слава Азерате, созданному Хубур, чтобы во имя Тиамат убить Мардука!

Слава Азерате, слепому мечу, что пронзит сердце создания!

Слава Азерате, мстителю изначального хаоса!

Слава Азерате, чьё имя — ключ к последним вратам хаотических измерений!

Слава Азерате, перед чьим чёрным троном преклонили колени боги ярящегося хаоса!

Слава Азерате, чей антикосмический яд навеки погасит жизненный свет богов-творцов!

Слава Азерате, злому дракону, что восстановит беспорядок изначального хаоса!

Слава Азерате, чья демоническая присяга вновь пробудит дремлющую мать-дракона Тиамат!

Слава Азерате, чёрный огонь чей ярости расторгнет всё в чёрный пепел!

Слава Азерате, чьё имя замораживает кровь грязных ублюдочных богов и изгоняет ангелов света!

Слава Азерате, господину одиннадцати чёрных тронов и уничтожителю вселенной порядка!

Силим-Маду Лугал Эпиш Лемнети Азерате!

Я восхваляю моего всемогущего короля Азерате и клянусь вечно служить его антикосмической ярости!

Я, испивший крови бессмертного дракона, произношу слова силы, имя одиннадцати сил, отражающее одиннадцать голов Азерате!

Я, ведо́мый кровью Кингу, произношу имена одиннадцати, созданных чёрной магией могущественной Хубур!

Во имя Азерате, я произношу одиннадцать тайных имён, призываю и направляю очищающие энергии ярящегося хаоса, что укрепят мою душу и сделают богоподобным мой дух!»

3. Маг делает левой рукой, поднятой к алтарю, знак трезубца, который в этом ритуале символизирует триумвират первозданного хаоса, состоящий из Тиамат, Абсу и Мумму.

Маг одиннадцать раз произносит следующие слова силы — имена одиннадцати:

«Мушмахху, Ушумгаллу, Башму, Мушуссу, Лахму, Угаллу, Уридимму, Гиртаблуллу, Уму Дабруту, Кулуллу, Кусарикку!»

4. Маг зажигает, с помощью алтарной свечи, одиннадцать чёрных свечей, помещённых на алтаре, и затем задувает алтарную свечу, так что в итоге одиннадцать чёрных свечей освещают место ритуала.

5. Маг произносит:

«Ана-ку Са-Ми Му-Зу Азерате!

Халам-Нигнам Азерате Ушумгал Лемнути!

Силим-Маду Азерате!

Силим-Маду Ама-Ушумгал-Тиамат!»

6. Маг берёт ритуальный кинжал, который был помещён на алтарь, и направляет его на одиннадцать чёрных свечей, произнося следующее призвание:

«Ка-Гур Бад Азерате Ка-Гал!

О боги ярящегося хаоса, услышьте мой голос, звучащий сквозь врата тёмных измерений, когда я, жрец дракона, готов призвать и направить астральную память нашей бессмертной матери-дракона!

Пусть разрушатся космические барьеры, о вы, пребывающие на внешней стороне, и пусть установится астральная связь, что сделает возможным для меня, служителя ярости слепого меча, получить часть внутренней сути пролитой крови дракона и направить её!

Услышьте меня этой тёмной ночью, о вы, сотворённые могущественной Хубур, и благословите меня, навеки верного злому Кингу!

КОЛОДЕЦ #4

Посмотрите на меня, о вы, царствующие на одиннадцати чёрных тронах, и вашей антикосмической энергией очистьте мои чувства, дабы я стал достоин увидеть во сне вечные сновидения дремлющей матери-дракона!»

7. Маг приносит жертву, которую он заранее приготовил, и держит её крепко на земле перед алтарём, произнося над нею следующее призвание:

«Примите эту простую жертву, о голодные боги, пребывающие за вратами Азерате, и за эту похищенную жизненную силу и тёплую кровь, что я дарую вам, усильте астральную связь, что свяжет меня с источником всей антикосмической мудрости!

Укрепите астральную связь, которая сделает для меня возможным направить пролитую кровь дракона, что дарует мне тёмное знание и позволит мне видеть потаённейшие сны небесной матери-дракона!

Я проливаю кровь, я умертвляю плоть, я разламываю стены, я разрушаю барьеры!

Азерате, во имя Тиамат, прими эту жертву!»

8. Маг умерщвляет жертву при помощи ритуального кинжала и её кровью смазывает своё лицо, одновременно читая:

«Инга На-Тил Кингу!»

Затем маг оставшейся кровью смазывает одиннадцать чёрных свечей, горящих на алтаре, и произносит следующее:

«Во имя Тиамат, одиннадцать чёрных огней вечно горят в глубине моей души!

Во имя Тиамат, да будет недостойный бог-творец, Мардук, побеждён!

Слава Тиамат!» (×11)

9. Маг произносит шумерское «Призвание Тиамат» над одиннадцатью чёрными свечами и воскуривает большое количество благовоний во славу «бессмертных богов».

10. Маг поднимает левую руку к алтарю, делая «рога смерти», одновременно произнося следующее:

«Во имя Тиамат, Абсу, Хубур и Кингу, я разламываю сигилу пяти элементов и открываю врата в тёмное королевство Азерате!

С вечной ненавистью ужасающего дракона смерти, я открываю врата в измерения ярящегося хаоса и позволяю антикосмическим потокам силы наводнить мои чувства!

Во имя Ама-Ушумгал-Тиамат, я разламываю пентаграмму, дабы тем нарушить космический порядок и активировать тёмные врата!»

11. Маг чертит одиннадцать углов Разомкнутой Пентаграммы в астрале, активирует тёмные врата, которые он интенсивно визуализирует, и произносит:

«Во имя Тиамат, врата Азерате открыты!»

12. Маг начинает глубокую медитацию над дисгармоничным ритмом ярящегося хаоса и воспринимает сны и видения, дарованные ему тёмными силами.

13. Маг заканчивает ритуал традиционным образом и задувает одиннадцать свечей.

КОЛОДЕЦ #4

Утукки Лимнути

Опустошающий шторм, злые боги — те, безжалостные демоны, созданные высшим.

Причиняющие всю боль, злы семеро, что каждый день совершают злодеяние и замышляют убийство.

Среди этих семерых первый — могущественный южный ветер, второй — дракон, чей распахнутой пасти никто не может избежать, третий — жестокая пантера, разрывающая души смертных, четвёртый — ужасающая гадюка, чей яд умерщвляет дух, пятый — бешеный лев, никогда не обращающийся в бегство, шестой — бушующий ураган, что дует против создателя и фальшивого короля, седьмой — злой опустошительный шторм, что несёт ужасающую месть.

Таковы семеро — посланники мщения, что идут из места в место, дабы сеять тьму.

Они — ветра вечной тьмы, гнев которых преследует небо, собирающие чёрные тучи, которые затемняют небеса.

Они — как плач шумящих ветров, что среди ясного дня окутывают всё тьмой, и вихри, обрушивающиеся на всё, со злым ветром Имхуллу.

Они вызывают наводнения, распространяют смерть и страдания, стремятся вперёд, к стране злого Пазузу.

У горизонта жгут они молнии, которые направляют для охоты и убийства.

В чёрных ночных небесах выступают их злые образы, чтобы найти последнего противника.

Вызывание к Семерым Злым

Утукки Лимнути — они, семеро!

Семеро злых демонов они!

Семеро, кого я призываю!

Семеро, мои защитники!

Сны Тиамат — семеро!

КОЛОДЕЦ #4

Создание магии Хубур — семеро!

Они — злые демоны, что оседлали ветра уничтожения!

Они — посланники дремлющей Мумму, правящей над бездной и распространяющей смерть на земле!

Они сжигают создание огнём ненависти,

Они разрушают всё на своём пути!

Могущественные демоны — семеро, что мстят за пролитую кровь Кингу!

Семеро их, кого я призываю!

Семеро их, которые из Абсу!

Семеро их, ужасающих в Арралу!

Семеро их, могущественных демонов, охраняющих врата в Нар Маттару!

Злые демоны они, семеро, что забирают жизнь врага и опорожняют его вены от крови!

Утукки Лимнути — они, семеро!

Семеро их — богов, что распространяют смерть и ужас!

Семеро их — демонов, что сжигают всё живое в огне чумы!

Семеро могущественных богов, семеро злых демонов, семеро в небесах, семеро на земле, семеро в глубине хаоса, семеро во имя Тиамат!

Из крови дракона они, семеро злых богов, к которым я взываю!

Семеро их, хранителей мёртвых богов, что из своей могучей башни направляют антикосмические потоки!

Семеро их, кровожадных богов, что защищают чёрных магов!

Утукки Лимнути — имя семерых безымянных!

Утукки Лимнути — титул семи бесформенных!

Взглядом смерти они, семеро, глядят на врагов дракона, огнём хаоса они уничтожают светлых богов!

Семеро их — голодных, разрывающих тела ангелов по костям и проливающих их кровь дождём!

Семеро их — злых демонов, к которым я взываю во имя Абсу!

Семеро убийц моих врагов, к которым я взываю с кровью Тиамат!

Я призываю ночных демонобогов, что затемняют бледную луну!

Я призываю семерых бесформенных богов, беспощадных мстителей Тиамат!

Я взываю к могущественным воинам Кингу, служителям гнева слепого меча!

Из тьмы бездны я призываю семерых!

Из тьмы моей души я призываю семерых!

Со всемогуществом дремлющего дракона Тиамат, я взываю к семерым!

Во имя Тиамат, я взываю к Утукки Лимнути!

С чёрной водой отца бездонных глубин Абсу я взываю к семерым!

Во имя Абсу, я взываю к Утукки Лимнути!

С тёмной магией жрицы изначального беспорядка Хубур, я взываю к семерым!

Во имя Хубур, я взываю к Утукки Лимнути!

С пролитой кровью верховного военачальника Кингу, я взываю к семерым!

Во имя Кингу, я взываю к Утукки Лимнути!

Шаруш Утукки Лимнути Иги-Се-Гин! (×7)

Нин-Ту Утукки Лимнути Гана! (×7)

Дириг Утукки Лимнути Зи-Зи! (×7)

Си-Ну-Са Утукки Лимнути Зиг! (×7)

Хул-Би Утукки Лимнути Гану! (×7)

Силим-Маду Утукки Лимнути! (×7)

КОЛОДЕЦ #4

Призвание Тиамат

Ама-Ушумгал-Анна, Сумун Мушуссу Тиамат, Ана-Ку Са-Ми Му-Зу, Силим-Маду Мумму Тиамат!

Силим-Маду Ама-Ушумгал-Анна!

Сумун У-Ту-А Ушумгал Молатта Ги-Ги Инга У А-Ни-За-Дуб, На-Тил У Зи-Зи Су-Ки Зу Ку-Куга А-Аба!

Ка-Шур-Ра Ушумгал Па-Е Су-Ки Зу Ки-Тус, Дуг Ама-Ушумгал-Анна, Ки-Ага Мумму Тиамат Зи-Зи Хаелм Нам-Лу-У-Лу Кидар У-Ла Тиамат Ги-Ги Хаелм Да-Ра-Ес Ки-Бала!

Ама-Ушумгал-Анна Зи-Зи У Ги-Ги Ку-Лам Дингир Лу-Бал Да-Ра-Ес!

ALTERED STATE OV DIVINITY

Мах Мумму Тиамат Дириг Ушумгал Иги-Гун-Гун-Бар, Иги-Гун-Гун-Бар У Иги-Сух Канпа!

Му Ашта За Е Ки-Ага Нин-Гал Ушумгал, Ги-Ги Мумму Тиамат Гул-Ул Ума Зи-Зи Ама-Ушумгал-Анна Су-Ки Ку-Куга Гур У Иги-Гун-Гун-Бар!

Зи-Зи Инга Ушумгал У Ги-Ги Инга Сумун Тиамат У Да-Раес Тит-ту!

Зи-Зи Ама-Ушумгал-Анна У Ги-Ги, Зи-Зи Мумму Тиамат У Ги-Ги, Иги-Се-Гин Ки-Ага Ушумгал Тиамат, Иги-Се-Гин Ки-Ага Сумун Мум-му Тиамат!

Ана-Ку Са-Ми Зунем Са Ама-Ушумгал-Анна!

Ана-Ку Са-Ми Зунем Са Сумун Тиамата!

Силим-Маду Ама-Ушумгал-Анна!

Силим-Маду Мумму Тиамат!

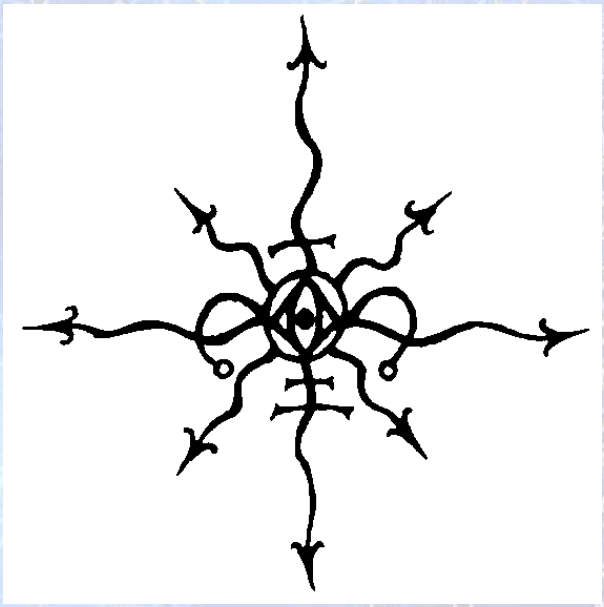
КОЛОДЕЦ #4

Су-Нир-Ра Ушумгаллум

000.

Тиамат, чистая, совершенная и перворождённая персонификация хаоса — всемогущая мать-дракон, которая властвовала и будет властвовать!

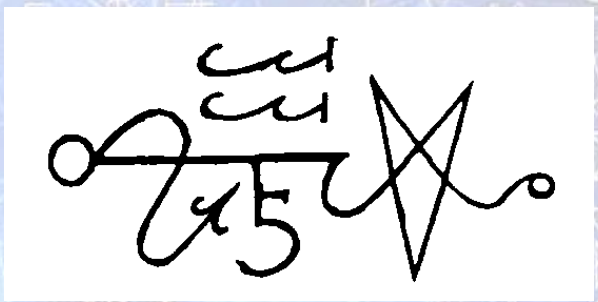
Сигила Тиамат:

00.

Абсу, олицетворение глубины и бездны, супруг Тиамат!

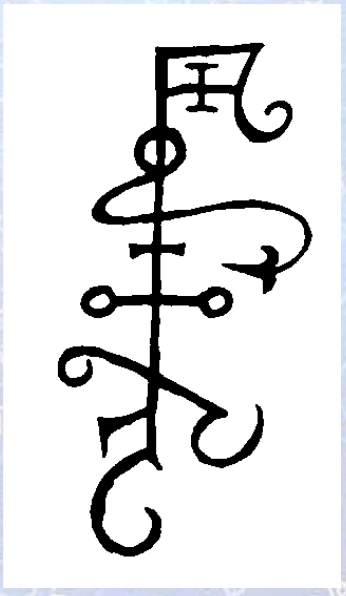
Сигила Абсу:

0.

Хубур, демоническая колдунья и верховная жрица хаоса, по приказу Тиамат создавшая одиннадцать антикосмических богов, которые победят Мардука!

Сигила Хубур:

Слова Сумеречного охотника

Десять сломано на Одиннадцать частей, и тёмные врата открыты!

Я — Сумеречный охотник, Аххару, опустошающий смертных астральной кровью и приносящий смерть идущим в свет!

Моя тень — удушающая мантия Намтару, затемняющая сны моих врагов!

Я — бессмертный ночной странник, распространяющий ужас и уничтожение среди слабых и служащий вечному гневу бессмертного дракона!

КОЛОДЕЦ #4

Я — странник-тень, Экимму, которого боятся боги света и который порождает из своего гнева вечную тьму!

Я — избранный воин Хубур, кровожадный герольд ярящегося хаоса!

Я — господин ночи, тьмы, смерти и чёрных мистерий, хранящий тёмные врата, что ведут за пределы измерений жизни и смерти!

Я — выпивающий астральную кровь создания, космическую жизненную силу, и через мои вены, цепи, ведущие к бессмертным богам ярящегося хаоса, направляю я похищенную кровь обратно в хаос, откуда произошло всё космическое!

В моих следах пылает чёрный огонь Кингу, дарующий познание и могущество сильным и сжигающий дотла не достойных, осмелившихся встать на моём пути!

Мои астральные когти разрывают оковы семи космических тиранов и прорезают глубокие раны в хрупком покрывале фальшивой реальности, что ослепляет лишь недостойных!

Моё астральное дыхание — бушующий ветер чумы, что во имя Пазузу разламывает пополам то, что не сгибается перед моей божественной волей!

Я — Уруку, жрец бессмертного дракона, что на жарких адских ветрах шествуют через тёмную мглу вечной ночи!

Я — мститель Апсу, преклоните колени перед моим тёмным троном, о человеческий скот, или почувствуйте ужасающий и вечный гнев бессмертного дракона!

Я — Ушумгал-Аххару, преклоните колени перед моим окровавленным троном, о вы, идущие в свет, ибо чёрными ветрами дракона я изгнал слабости жизни и стал единым с бессмертными тёмными богами!

Я — Вампир!

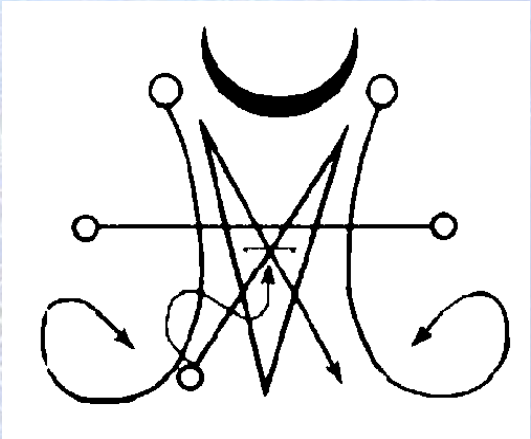
Падите на колени перед моей смертоносной тенью или погибните!

«Ушумгал-Аккхару Зи-Зи,

Иги-Гун-Гун-Бар А-Ни-За-Дуб!

Силим-Маду Уруку Гиззу!»

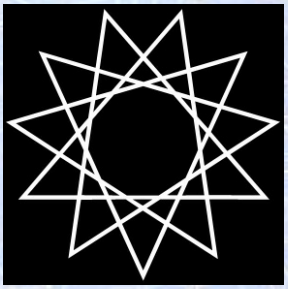
Сигила Аххару:

КОЛОДЕЦ #4

Жертвенный ритуал Одиннадцати Огней

Этот ритуал должен проводиться в одну из пороговых ночей в году, когда порядок дня и ночи растворяется в состоянии хаотического промежутка, и врата в Запредельное легче открыть изнутри.

В дополнение ко всем традиционным инструментам и фетишам, используемым в работах Течения, одиннадцать новых и ритуально очищенных чёрных свечей необходимо разместить на алтаре таким образом, чтобы отметить углы сигилы Азерат. На каждой из этих одиннадцати свечей должно быть вырезано одно из имён Одиннадцати, определёнными нами в вавилонском контексте.

Эти одиннадцать свечей представляют Одиннадцать Демонических Богов, созданных Хубур (Ярящейся Тенью Тиамат) для борьбы против Мардука. Общее имя этих сил согласно нашей традиции — Азерат, что также является «логосом» и формулой используемой в нашем клипотическом потоке, как выраженная форма истинного и невыразимого Алогоса HVHY (434). Таким образом, Азерат является формулой и звуковой сигилой, используемой в каософской традиции, в качестве моста соединяющего разрыв между шумеро-вавилонскими формами Богов Ярящегося Хаоса и их проявлениями в кабалистических учениях, как Одиннадцати Тронов Ситра Ахра.

На этом чёрном ритуале Одиннадцати должна быть предложена подходящая и хорошая жертва. Выбранная и очищенная жертва, с мерами предосторожности, должна находиться поблизости от места проведения ритуала.

1. Позвоните в колокол одиннадцать раз и зажгите центральную алтарную свечу.

Установите контакт с Теми Кто Извне, посредством произнесения священных формул и соответствующих открывающих церемоний, как продиктовано традицией и инициацией.

Продолжайте только после того, как Пламя Крови Кингу пробудится в вас, и будет достигнута настоящая связь с Запредельным и отделение от мирского сознания.

2. Встаньте лицом к алтарному огню и произнесите формулы Азерат:

«Ведар-Гал Тиекалс Сомдус Азерате!» (×11)

Когда закончите, произнесите следующие приветствия Ярящимся Одиннадцати, что Едины:

«Я, N.N., славлю Азерат, предводителя неисчислимых тёмных легионов и держателя высшей власти!

Я славлю Азерат, Одиннадцатиглавого Чёрного Дракона Внешней Тьмы, что есть источник моей силы и правитель всех проявленных Тёмных Богов!

Я, тот, кто вечно служит Ярящемуся Хаосу, приветствую беспощадного Азерат, завоевателя и уничтожителя всего враждебного порождённого конечным светом!

Силим-Маду Лугал Эпиш Лемнети Азерате!

Слава им, что были созданы Хубур во имя Тиамат, чтобы уничтожить Мардука!

Слава Азерат!

Слава им, что являются беспощадным мечом уничтожения, который проникнет в само сердце создания!

Слава Азерат!

Слава им, что являются мстителями первозданного Хаоса, Тиамат и Абсу!

Слава Азерат!

Слава им, чьё имя — видимый, но всё же тайный ключ к запертым врата беззаконных измерений Хаоса!

Слава Азерат!

КОЛОДЕЦ #4

Слава им, перед чьими чёрными тронами все Ярящиеся Боги Тьмы с гордостью преклоняют колени!

Слава Азерат!

Слава им, чей антикосмический яд вечно гасит слабую искру жизни всех смертных богов человечества!

Слава Азерат!

Слава им, кого называют Злым Драконом и восстановителем беззакония Из вечного Хаоса!

Слава Азерат!

Слава им, чьи беззвучные заклинания пробудят Дремлющего Дракона Мать Тиамат!

Слава Азерат!

Слава им, чьи чёрные огни гнева растворят все формы и через полную бесформенность освободят пленённые огни Хаоса!

Слава Азерат!

Слава им, чьи имена превращают кровь презренных богов ограниченного света в лёд и изгоняют глашатаев лжи!

Слава Азерат!

Слава им, правителям Одиннадцати Чёрных Тронов Запредельного и уничтожителям мира ограничений!

Силим-Маду Лугал Эпиш Лемнети Азерате!

Я славлю моего могущественного Бога Азерат и клянусь вечно служить их антикосмическому гневу!

Я тот, кто участвует в священном таинстве крови Немёртвого Дракона, произнесу сейчас Слова Силы — выраженные символы, соединённые нами с Одиннадцатью Головами Азерат!

Я тот, над кем властна Живая Кровь Кингу, сейчас произнесу имена Одиннадцати, тех что были созданы могущественной магией Хубур!

Во имя Азерат, я произнесу тайные имена Одиннадцати и призову, и проведу очистительные потоки Ярящегося Хаоса, которые очернят мою душу и обожествят мой нерождённый дух!

3. Сделайте левой рукой знак трезубца и одиннадцать раз нараспев произнесите следующие Слова Силы, которые являются именами-символами Одиннадцати:

«Мушмахху, Ушумгаллу, Башму,

Мушуссу, Лахму, Угаллу, Уридимму,

Гиртаблуллу, Уму Дабруту, Кулуллу, Кусарикку!»

(Мушмахху = Рогатый, Семиглавый, Змей.

Ушумгаллу = Великий Змей / Дракон.

Башму = Рогатый Дракон.

Мушуссу = Ярящийся Змей-Дракон.

Лахму = Воин Герой.

Угаллу = Штормовой Зверь / Лев Демон.

Уридимму = Ярящийся / Бешеный Человек-Лев.

Гиртаблуллу = Человек-Скорпион.

Уму Дабруту = Сильная Буря.

Кулуллу = Человек-Рыба.

Кусарикку = Человек-Бык.)

4. При помощи центральной алтарной свечи зажгите одиннадцать чёрных свечей, размещённых по углам сигилы Азерат. Сделайте это в правильной последовательности, ибо одиннадцать огней должны быть зажжены с той же очерёдностью, в которой согласно учению нашей традиции они были проявлены, затем затушите алтарную свечу, чтобы только одиннадцать огней освещали ритуальную комнату.

5. Поклонитесь одиннадцати огням и затем произнесите:

«Ведар-Гал Тиекалс Сомдус Азерате!»

Ана-ку Са-Ми Му-Зу Азерате!

Халам-Нигнам Азерате Ушум-Гал Лемнути!

Силим-Маду Азерате!

Силим-Маду Ама-Ушумгал-Тиамат!

Гана Мушмахху!

Гана Ушумгаллу!

Гана Башму!

Гана Мушуссу!

Гана Лахму!

Гана Угаллу!

Гана Уридимму!

Гана Гиртаблуллу!

Гана Уму Дабруту!

Гана Кулуллу!

Гана Кусарикку!»

6. Возьмите с алтаря кинжал и, указывая на горящие по одиннадцати углам огни, произнесите следующее заклинание:

«Ка-Гур Бад Азерате Ка-Гал!

О Ярящиеся Боги Внешнего Хаоса, услышьте мой голос, раздающийся через врата и искривлённые углы ваших тёмных измерений, ибо Я жрец/жрица Дракона, стою готовый к призванию и проведению непленённой крови нашей Немёртвой Матери Дракона!

Пусть будут разрушены космические барьеры, О вы, кто нетерпеливо обитает в Запредельном!

Установите духовные и астральные связи, которые позволят мне, тому, что служит гневу слепого меча, содействовать и провести глубочайшую суть пролитой Крови Дракона!

Услышьте меня в эту ночь голодной тьмы, О вы, что были порождены могучей Хубур, и благословите меня, верно служащего антикосмическим импульсам Живой Крови Кингу!

Благосклонно взгляните на ваше пленённое дитя, О вы, что правят Одиннадцатью Чёрными Тронами, и очистите меня своими чёрными огнями, чтобы был достоин видеть алые сны Дремлющей Матери Хаоса!»

Поставьте Чашу Подношений на землю перед алтарём, и принесите приготовленную жертву. Держите связанную голову жертвы над чашей и с кинжалом в руке прочтите следующее:

«Примите это простое подношение, О голодные боги, что правят за одиннадцатью вратами, и взамен украденной жизненной си-

лы и тепла крови, что я предлагаю вам, усильте связи, что соединяют меня с источником антикосмической мудрости!

Усильте внутренние и внешние связи, что сделают возможным для меня провести Кровь Дракона, самое священное среди всех даров, что наградит меня освещённостью вашим Чёрным Светом и позволит мне видеть тайные сны Небесной Матери Дракона!

Я проливаю кровь!

Я убиваю плоть!

Я разрушаю стены!

Я сокрушаю границы!

Азерат, во имя Тиамат, прими эту жертву!»

Перережьте горло освящённой жертве и соберите её кровь в чашу. Положите пустой сосуд/тело жертвы в сторону, помажьте своё лицо тёплой кровью и прочтите:

«Инга На-Тил Кингу!» (×11)

Продолжите мазать одиннадцать чёрных свечей оставшейся кровью и произнесите следующее:

Во имя Тиамат, одиннадцать чёрных огней будут вечно гореть в глубинах моей души!

Во имя Тиамат, и через силу Азерат недостойный бог творения Мардук будет побеждён!

Слава Тиамат!

Слава Азерат!

Сосредоточьтесь на силе исходящей из одиннадцати огней горящих на алтаре и произнесите:

«Ведар-Гал Тиекалс Сомдус Азерате!» (×11)

Воскурите подходящие благовония по правую и левую стороны алтаря. Держите обе руки над одиннадцатью огнями и прочитайте следующее заклинание, которое призывает силы Крови Тиамат, охраняемые Одиннадцатью:

«Ама-Ушумгал-Сумун Тиамат, Ана-Ку Са-Ми Му-Зу, Силим-Маду Мумму Тиамат!

Силим-Маду Ама-Ушумгаллу-Намму!

КОЛОДЕЦ #4

Сумун У-Ту-А Ушумгал Молатта Ги-Ги Инга У А-Ни-За-Дуб, На-Тил У Зи-Зи Су-Ки Зу Ку-Куга А-Аба!

Ка-Шур-Ра Ушумгал Па-Е Су-Ки Зу Ки-Тус, Дуг Ама-Ушумгал-Тиамату, Ки-Ага Мумму Тиамат Зи-Зи Хаелм Нам-Лу-У-Лу Кидар У-Ла Тиамат Ги-Ги Хаелм Да-Ра-Ес Ки-Бала!

Ама-Ушумгал-Тиамат Зи-Зи У Ги-Ги Ку-Лам Дингир Лу-Бал Да-Ра-Ес!

Мах Мумму Тиамат Дириг Ушумгал Иги-Гун-Гун-Бар, Иги-Гун-Гун-Бар У Иги-Сух Канпа!

Му Ашта За Е Ки-Ага Нин-Гал Ушумгал, Ги-Ги Мумму Тиамат Гул-Ул Ума Зи-Зи Ама-Ушумгал Су-Ки Ку-Куга Гур У Иги-Гун-Ган-Бар!

Зи-Зи Инга Ушумгал У Ги-Ги Инга Сумун Тиамат У Да-Раес Тит-ту!

Зи-Зи Ама-Ушумгал-Тиамат У Ги-Ги, Зи-Зи Мумму Тиамат У Ги-Ги, Иги-Се-Гин Ки-Ага Ушумгал Тиамат, Иги-Се-Гин Ки-Ага Сумун Мумму Тиамат!

Ана-Ку Са-Ми Зунем Са Ама-Ушумгал-Тиамат!

Ана-Ку Са-Ми Зунем Са Сумун Тиамата!

Силим-Маду Ама-Ушумгал-Намму!

Силим-Маду Мумму Тиамат!»

Поднимите свои руки над алтарём, соедините свои указательные пальцы и скажите:

«Во имя Тиамат, Абсу, Хубур и Кингу, я разрушаю порядок космических элементов и открываю врата в тёмное царство Азерат!

Силой Дракона Смерти, я открываю запретные врата в измерения Ярящегося Хаоса и впускаю антикосмические потоки Запредельного!

Во имя Ама-Ушумгал-Тиамат, я разрушаю порядок десяти, через установление углов Одиннадцати и широко открываю Тёмный Портал!»

ALTERED STATE OV DIVINITY

Проведите двойную линию одиннадцати углов Сигилы Азерат в астрале и интенсивно визуализируйте активацию Тёмного Портала внутри неё. Сосредоточьтесь на крутящемся против часовой стрелки портальном вихре и произнесите:

«Во имя Тиамат и магическим словом Азерат, врата открыты!

Тукага И Дингер Азерате Гаге,

Ати-Ме Пета Баб-Ка,

Пета Баб-Кама Луруба Анаку!

Ведар-Гал Тиекалс Сомдус Азерате!»

Начните глубокую медитацию, направленную на дисгармоничные потоки Ярящегося Хаоса, проведите их через себя и позвольте им распространиться наружу. Направьте ядовитые и горькие воды на создание внутренних и внешних изменений, используйте инструменты и ритуальные техники которые необходимы вам для направления призванной силы.

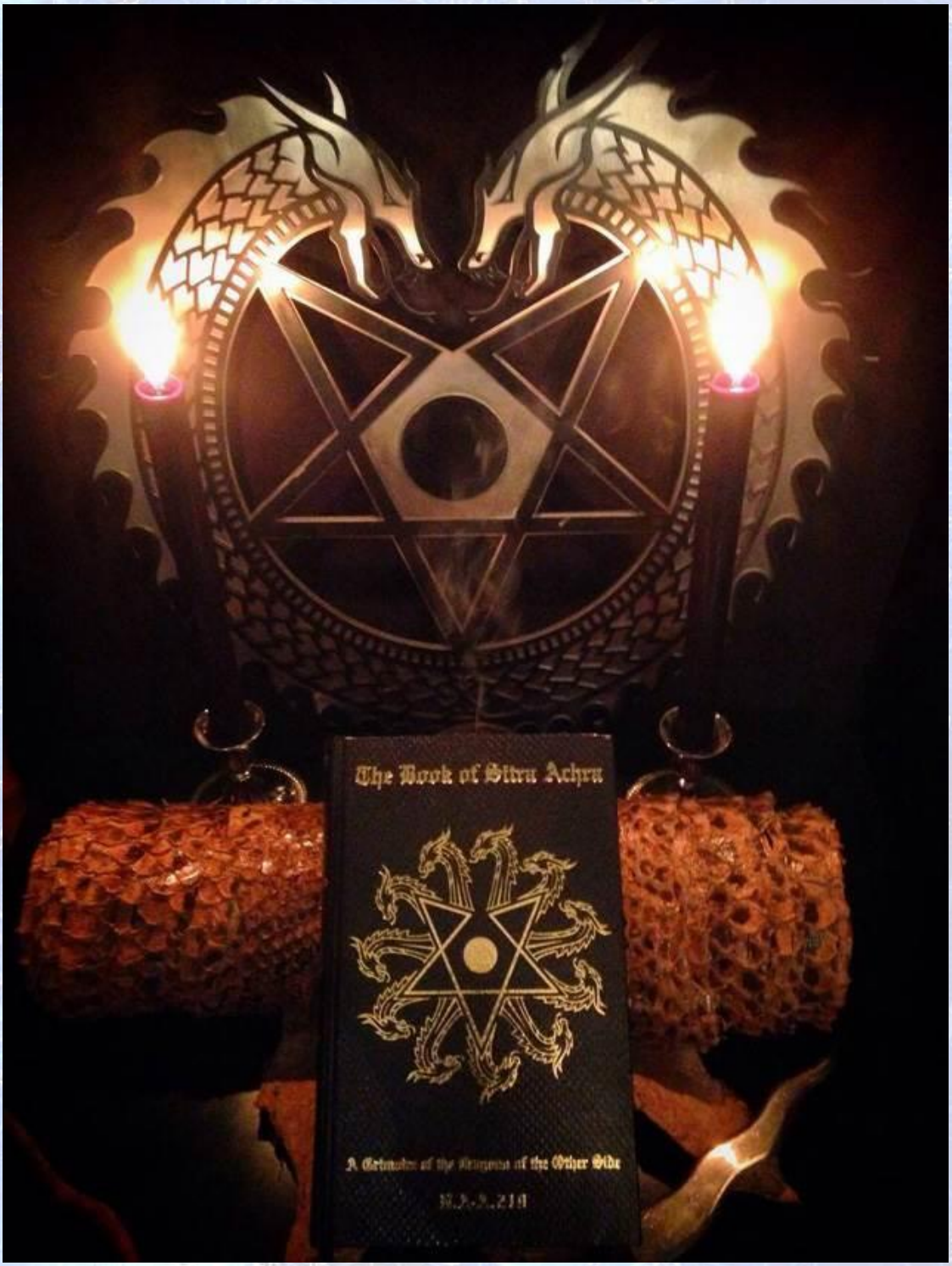
Когда ритуальная работа будет окончена, поблагодарите силы Одиннадцати и восславьте одиннадцать их имён и одно общее имя. Не закрывайте эту работу. Пусть одиннадцать огней догорят сами. Расстелите себе постель на полу, перед алтарём. Беззвучно читайте формулы Азерат пока вы не пройдёте через врата сна. Во сне получите Их благословения и Пробудитесь!

(Из книги «Kagiri Ushumgal»)

TOTBL — 218

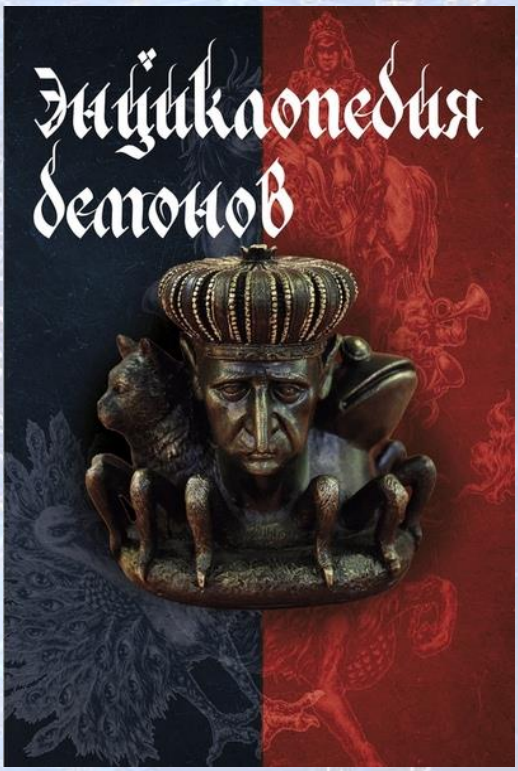

КОЛОДЕЦ #4

«Энциклопедия демонов»:

Новая книга от «Апокрифа» и «Касталии»!

Энциклопедия демонов *// Сост. Д. Дорошенко. — М.: Клуб «Касталия», 2019. — 198 с. — Без ISBN. — Твёрдая обл.*

В России и на постсоветском пространстве информация по вопросу демонологии крайне скудна, что делает книгу актуальной для определённого круга читателей. Информация взята из европейских и американских источников, а также личного общения с демонологами. Автор акцентирует внимание на 72 демонах Гоэтии Соломона и раскрывает их максимально чётко. Книга широко раскрывает тему Демонов: кто они такие, к какой стихии принадлежат, каково наиболее благоприятное время для общения с ними. *Заказывайте, количество ограничено!*

Приобретайте также другие книги (см. https://vk.com/market-16318448) по адресу 93in39@gmail.com.

Почтовые услуги не включены в стоимость. При покупке нескольких книг возможны скидки.

Metapolitics

КОЛОДЕЦ #4

Александр Дугин

Мысли во время чумы

№1. Чёрная кара светлого божества

Я решил поделиться с вами своими соображениями относительно той пандемии, в которой мы оказались. У меня, естественно, есть очень много мыслей, как и у каждого из нас на тему того, что происходит с нами, и, может быть, имеет смысл записать серию бесед, серию лекций о коронавирусе, о современной чуме и о тех ассоциациях, которые приходят на ум философу, и о тех прогнозах, которые политологи и специалисты в политической философии или геополитике могут сделать относительно будущего, когда всё это кончится. Я предлагаю обсуждать это, пишите в мои социальные сети, я буду отвечать на ваши вопросы и обсуждать интересные мысли, которые вами будут высказаны.

Но начнём сегодня с относительно фундаментальной вещи. Если мы вспомним начало «Илиады», то мы столкнёмся с ситуацией, которая удивительно напоминают то, что с нами происходит. Идёт Аполлон, Аполлон очень тёмный, темнее тучи, то есть бог света, бог лёгкости, бог ясности, бог неизменности огорчён.

Интересно, что он огорчён непочтительным отношением к его жрецу, к жрецу Аполлона, но результатом его раздражения для ахейцев становится чума. Так бог света, бог муз, бог гармонии, бог возвышенной красоты оказывается источником чумы, источником пандемии в ахейском войске.

Ещё очень важный момент, что, когда Аполлон приходит на пир богов в этой же части Гомера, то все боги вскакивают со своих мест, потому что его приход на пир богов не сулит никому ничего хорошего. Этот зловещий аспект бога света, бога справедливости, бога истинного суда в греческой традиции очень показателен. Он несёт чуму, он несёт вирус, он несёт смерть и истребление. А почему так делает?

И здесь очень важно: потому что с его жрецом непочтительно обошлись. Если мы оторвёмся от конкретной истории Гомера, то мы можем сформировать этот философский миф следующим образом: бог света, бог вертикали, бог неба, бог Гипербореи наказывает человечество, которое отвлекается на какие-то совершенно не подобающее ему дела, оскорбляя солнечную ось в каждом из нас. И тогда история с коронавирусом, с пандемией, с чумой, с тем, что косит человечество, становится понятной.

Аполлон это метафизический символ обращения нас к самим себе, к нашему внутреннему измерению, к нашему «я», к нашей бессмертной душе, и когда люди прегрешают против этой бессмертной души, когда они полностью поглощаются стихией развлечений, внешнего мира, телесных забав и постоянного роения вокруг материальных благ, которые они то ли получают, то ли получают недостаточно то ли хотят ещё, то ли хотят быстрее потратить эти блага или как-то их использовать. Как только начинается

роение людей относительно не аполлонических ценностей, когда это роение достигает некой критической точки, тогда Аполлон насылает на человечество чуму, и это совершенно справедливо, и это логично, и эта чума заставляет людей снова вернуться к самим себе. Об этом говорил Альбер Камю в своём в своём романе «Чума». Он говорил, что чума это способ задуматься, это приглашение нас задуматься о самых важных и принципиальных вещах.

Речь идёт не только о карантине, речь идёт в первую очередь о столкновении со смертью, потому что когда мы живём в обычном состоянии, мы не помним о нашей конечности, мы забываем о смерти, смерть куда-то выносится за пределы нашего внимания, зону нашего экзистирования. И вот приходит пандемия, вот приходит коронавирус, вот приходит чума — и смерть возвращается к нам, а мы возвращаемся к ней. Таким образом, мы возвращаемся к сущности человеческого, ведь неслучайно греки называли людей смертными, βροτοί.

То есть смертность человека составляет его особую фигуру, это его граница, это его фигура, это его формула, это его пределы — смерть, — и именно перед лицом смерти и развёртывается наша жизнь. Жизнь приобретает смысл, только когда она соотносится со смертью. Хайдеггер уже в конце философского процесса, в двадцатом веке определял *Dasein* как «бытие к смерти». Наше присутствие в мире, наше наличие здесь, наше мыслящее пребывание в том месте, где мы находимся, приобретает смысл, значение и вес только тогда, когда мы визуализируем смерть.

Чума или коронавирус подвигает нас к этому, она возвращает нас к нашему *Dasein*, фактически это некий философский урок. А Аполлон это бог философии, бог мысли, бог света, и именно этот свет человеческой конечности зажигается в нас в тот момент, когда мы сталкиваемся с нашими границами.

Это очень интересно — конечность — *peros* по-гречески, граница, предел. Нам представляется (это уже отдельный вопрос, почему), что всё беспредельно: Вселенная беспредельна, материя

беспредельна, и в поглощении материальной беспредельности, бесконечном дроблении материи, этой беспредельности, мы становимся рабами бесконечности, и в этой бесконечности мы как раз и попадаем в эту ситуацию энтропии, развлечения, рассеяния, забывая о самом себе. И нам хочется жить вечно, и поэтому мы говорим о физическом бессмертии, поэтому мы говорим о переносе сознания в облачные сервера, и наша логическая мысль как бы стремится слиться с этой бесконечностью. Но греки говорили, что сущность человека и сущность духа, сущность Бога это предел, *peros*, не *apeiron*, не бесконечность, а именно конечность, предельность, и эта предельность, это соотношение жизни и смерти, наличие и отсутствие устанавливающее границу и составляет сущность выделенного единства.

Наша конечность, наша ограниченность смертью и составляет нашу сущность, нашу световую сущность. А когда мы стремимся уйти от этой предельности, когда мы пытаемся слиться с бесконечностью, мы теряем самих себя. Вот это сейчас и происходит, и Аполлон посылает чуму для того, чтобы мы вспомнили, что мы существа смертные и конечные.

И если мы будем чисто технически бороться с коронавирусом, пытаясь вылечиться, спасти близких, отсидеться в карантине (всё это наверняка нужно делать), но мы упустим главный урок Аполлона, мы упустим главное философское послание чумы или коронавируса: что мы конечны, мы смертны, и эта смертность составляет нашу сущность. Перед лицом смерти мы живём, и всякий раз, когда мы по-настоящему живём, мы живём только перед лицом смерти. Как только смерть исчезает за горизонтом, жизнь утрачивает свою терпкость, своё присутствие, она растекается, она попадает в псевдобесконечность развлечений, бытовых забот, постоянного рассеивания по бесконечному количеству мелких привлекающих нас предметов, действий, шагов или жестов.

На самом деле лишь перед лицом смерти наше присутствие, наше бытие в мире собирается, и только в этом состоянии, и

только в этом положении перед лицом нашей собственной границы мы способны быть самими собой, мы способны экзистировать как люди, мы способны собраться и мыслить.

Поэтому речь идёт не о том, жить или умирать, речь идёт о том, что человек живёт только на границе со смертью, и когда он уходит, забывает об этой границе, он перестаёт жить, он растекается, он совершает это преступление против самого себя, и эпидемия — это призыв к нам, может быть, последний призыв вернуться к собственному достоинству. В этом состоит философское значение чумы.

Поразительно, что во МХАТе мы открыли выставку «Аполлон. Проявление» замечательного художника Беляева-Гинтовта как раз в тот момент, когда эпидемия началась. Мы не думали об этом, выставку мы готовили раньше, ещё в конце 2019 года, но совпало и сложилось так, что эта выставка «Аполлон. Проявление» открылась во МХАТе именно тогда.

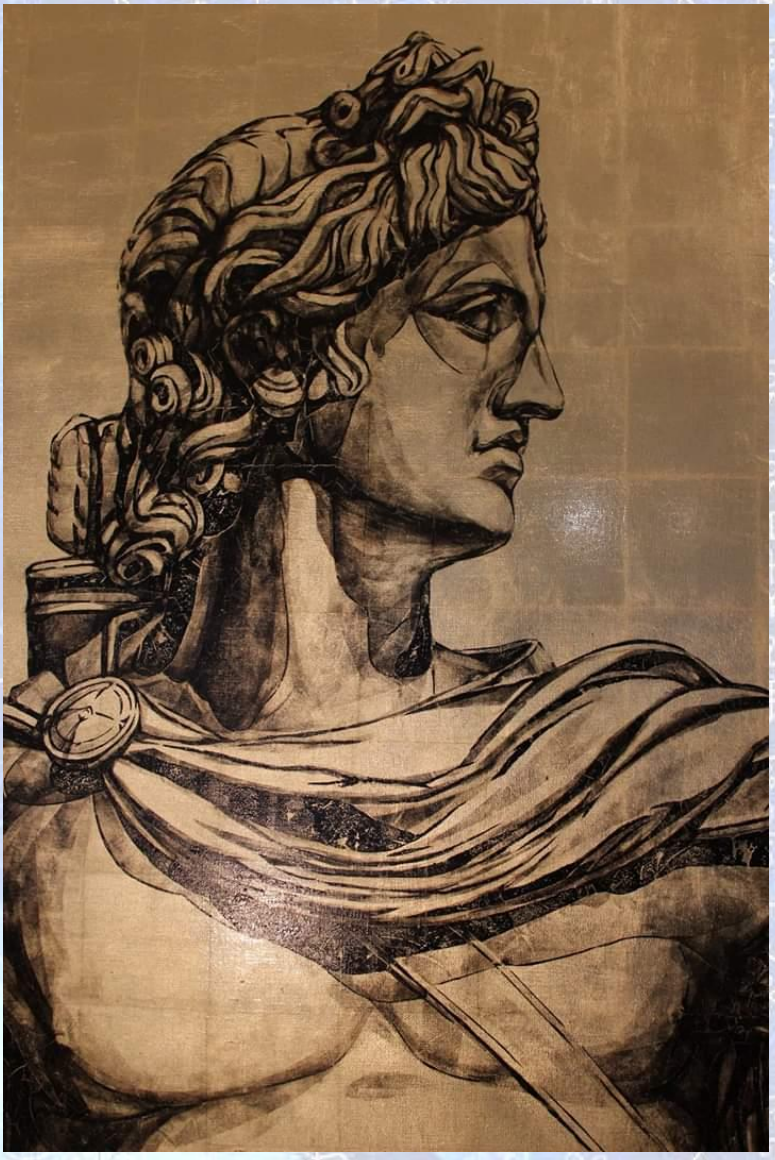
Очевидно, что не мы вызвали эту пандемию коронавируса, но очевидно, что эта пандемия в метафизическом смысле, философском смысле — связана с гештальтом Аполлона.

Я думаю что это, пожалуй, самое важное: мы должны думать не просто как спастись от коронавируса, а почему и, самое главное, зачем он к нам пришёл, кто бы за ним ни стоял, и какова бы ни была природа — рукотворная/нерукотворная, естественная или искусственная — этой пандемии, важно не это, важно, для чего это. И вот здесь когда речь идёт о телосе, о цели чего-то, о смысле чего-то, вот тогда мы должны обратиться к фигуре Аполлона, который и является интерпретатором и истинным оригинатором, то есть метафизическим истокам пандемии, которая случается с людьми, и это целительное, хотя и жёсткое формообразование, это протянутая нам рука и помощь со стороны световой метафизики для того, чтобы мы вернулись к самим себе, чтобы мы закрыли наши границы, чтобы мы закрыли наши дома, чтобы мы закрыли наши глаза и обратили их внутрь самих себя. Чтобы мы,

наконец, остались сами с собой, со своей бессмертной душой которую мы вот-вот потеряем в культуре постмодерна и неотделимой от неё постоянной, всё более глубоко проникающей в нашу культуру трансгрессии.

Чума это призыв сделать шаг назад, обратиться в самих себя, закрыться от бесконечной энтропии и ясно, пронзительно, трагично и одновременно с новой внутренней надеждой осознать свою конечность.

Только перед лицом смерти человек может экзистировать аутентично, и для этого он должен посмотреть ей в глаза.

(Аполлон, худ. Алексей Гинтовт)

КОЛОДЕЦ #4

№2. Конец Глобализации

Мы продолжаем беседы в эпоху пандемии, и сегодня я хотел бы поговорить о тех безусловных последствиях распространения в мире коронавируса, которые, мне кажется, уже стали очевидны.

Я глубоко убеждён, и это подтверждает большинство вменяемых экспертов как у нас, так и в мировом масштабе, что данная эпидемия коронавируса фактически представляет собой конец глобализации. Все институты, все механизмы, которые должны были бы и предотвратить распространение пандемии, и стать немедленной реакцией для того, чтобы её так или иначе локализовать или подавить, или излечить. Все эти институты, на которые человечество по умолчанию рассчитывало и надеялось в условиях глобального единого мира с открытыми границами, с идеологией прав человека и с единым представлением о полной прозрачности всех обществ, всё это совершенно позорным образом провалилось.

Глобализация ничего не смогла противопоставить коронавирусу. Поначалу попытка оставить всё как есть, ничего не меняя и не реагируя на вирус, дала катастрофические результаты, и все общества, включая самые открытые, самые либеральные, самые глобалистские: европейские и американские — в конечном итоге вынуждены были просто закрыть свои границы, ввести государственное управление, чрезвычайное положение и фактически откатить далеко-далеко назад от этих глобальных институтов, которые продемонстрировали свою полную бездейственность, неспособность ответить ни на какие проблемы и передать инициативу власти национальным государствам.

Фактически то, что произошло и во Франции с Макроном, и в США с Трампом, и в Германии с Меркель, и даже с Борисом Джонсоном в Англии — это возврат к национальным государствам, установление чрезвычайного положения и, как говорит Карл Шмитт, необходимо вытекающего из чрезвычайного положения установления диктатуры.

Суверенен тот, говорит Карл Шмитт, кто принимает решения в чрезвычайных обстоятельствах — *Ernstfall*. Коронавирус принёс необходимость *Ernstfall*, то есть чрезвычайные обстоятельства, и в этих чрезвычайных обстоятельствах последней инстанцией, принимающей решения, то есть суверенной инстанцией оказались национальные государства и их лидеры. Всё, приехали!

Как только глобализация столкнулась с чем-то, что представляло собой реальную угрозу жизни людей, все заклинания об открытых границах, о технократии, об Илоне Маске, о полётах на Марс, о непилотируемых машинах *Tesla*, Грета Тунберг, все глобалистские проекты и заклинания исчезли в один момент. На самом деле мы видим, как на этом фоне эффективно действует Китай. Почему Китай, который стал первой жертвой распространения пандемии, хотя, возможно, пандемия в других странах — в Америке, в Европе, в Италии — существовала и раньше, просто она не была фиксирована. Китай оказался первой страной, где она была именно опознана как эпидемия коронавируса, эта пандемия. И потом уже остальные страны обнаружили коронавирус у себя, но совершенно очевидно, что тот масштаб и размах, которые распространение коронавируса приобрело в Европе или в Америке, означает, что этот вирус существовал там очень давно, просто он не диагностировался как таковой.

Так вот, Китай, который столкнулся в полной мере, первым, в довольно ужасающих масштабах с этой эпидемией, Китай справился с нею только благодаря своей закрытости. Из-за того, что Китай сохранял политическую структуру управления Коммунистической партией, потому что был и остаётся дисциплинированным, дисциплинарным обществом, которое мгновенно закрылось, которое мгновенно ввело режим изоляции, закрыло Ухань, закрыло другие провинции, закрыло людей, запретило перемещение, ввело чрезвычайное положение на части своих территорий, таким образом, локализовав вирус и подавив его. Вот это жёсткое слаженное действие Китайской модели показало пример, как надо работать с

коронавирусом. И в начале Англия, Италия, Испания, Франция, Германия, Америка сказали: ну только не китайский вариант, пытались иронизировать над китайцами, но как только беда достигла Европы, то оказалось, что именно меры, применённые китайцами, это единственный эффективный способ бороться с коронавирусом.

Ещё кое-кто, совсем убеждённые фанатики и глобалисты типа Джорджо Агамбена или Билла Гейтса, ещё пытаются убедить нас в том, что лучший способ борьбы с коронавирусом – это всем им побыстрее заразиться, то есть, оставив открытые границы, сохранив полностью всю систему глобализма, ну и в каком-то смысле из этого следует побыстрее просто сдохнуть. Борис Джонсон попытался в первую неделю распространения вируса в Великобритании тоже двигаться в этом либерально-глобалистском ключе, но под воздействием обстоятельств и ужасающих масштабов трагедии очень быстро от этого отказался, перейдя к тому же национальному режиму изоляции, закрытию границ, закрытию людей, введению карантина, то есть, снова чрезвычайные обстоятельства.

И вот мир уже сегодня для тех, кто хотел закрывать свои общества, свои границы и своих людей, хотел вводить чрезвычайное положение и передавать тем самым власть национальному государству как высшей инстанции суверенитета или не хотел это, но всё равно оказался в ситуации необходимости перед лицом пандемии, поскольку все вокруг шли именно на одно: закрытие границ, закрытие людей и передачу власти от сверхнациональных инстанций к национальным.

Когда началась эпидемия, распространение коронавируса, мы имели дело с открытым обществом, и даже если это общество не было полностью в мировом масштабе открыто, все элиты, все правящие верхушки всех стран: и России, и Китая, даже Ирана в значительной мере, не говоря уже о западных странах, по умолчанию признавали что мы живём в открытом обществе, что открытое общество если не факт, как в Европе или Америке, то цель

как на других территориях, и поэтому на самом деле никто не ставил под сомнение по большому счёту, что, так или иначе, либеральная демократия и открытое общество — это цель, к которой двигается всё человечество. Никто не ставил это под сомнение. И вот пришёл коронавирус, и оказалось, что эта цель, эта ориентация полностью провалилась.

Это химера, которая не может ответить эффективно ни на один из вызовов, с которыми она столкнулась. И после этого мы видим тотальный крах открытого общества, потому что коронавирус несовместим с открытым обществом, поскольку либо коронавирус, либо открытое общество. И в начале те, кто ещё пытался сказать: пусть лучше открытое общество и смерть, потеряли всякую поддержку, потому что все, абсолютно все, и даже западные либеральные общества, в которых эта открытость уже проникла вглубь их бессознательного, и даже они мгновенно с нею расстались, закричав: «Нет, если закрытость является выбором жизни, то мы выбираем закрытое общество».

Вот что произошло: происходит закрывании открытых обществ и переход от транснациональных инстанций управления и стандартов обращения с экономическими, социальными, политическими процессами к национальным. На самом деле, добро пожаловать в многополярный мир. Коронавирус закрыл открытое общество, полностью ликвидировал процесс глобализации, подорвал (ну это мы отдельно об этом поговорим) глобалистскую экономику, и вернул народы к национальным границам. И многие мне скажут: «Ну, это временные меры, сейчас все справятся, изобретут вакцину, отойдут»... Это ошибка. Во-первых, эпидемия будет длиться довольно долго. Даже самые оптимистические прогнозы говорят о полугоде или годе даже. Многие говорят о том, что придётся переболеть всему человечеству, и есть рецидивы этого заболевания. Кто-то говорит о том, что, параллельно этому вирусу (во-первых, мы не знаем окончательно его последствий, насколько он серьёзен и страшен), могут быть рецидивы, могут быть различные штаммы,

но, в принципе, такой прецедент уже показывает полный провал глобалистского проекта.

Если с серьёзной проблемой человечество может оперировать эффективно исключительно в контексте закрытости, контексте национальных границ, это значит, что глобализации пришёл конец, и что мы входим в постглобальный мир. Соответственно, с идеологической точки зрения, именно в наше время мы переживаем переход от открытого общества к закрытому, и чем дольше будет проходить борьба с эпидемией в условиях закрытого общества, а только в таких условиях её и можно вести, тем глубже будут пускать корни институты этого постглобального порядка. Мы вошли в эпидемию коронавируса как открытое общество, как глобальный мир, а выйдем из него как многополярный мир с национальными государствами как высшими инстанциями суверенитета. Вот, что сделала уже эта пандемия. И с каждым днём необратимость этого процесса будет всё больше и больше становится очевидной. Те, кто считает, что всё вернётся назад, глубоко ошибаются: пути назад нет, впереди совершенно новые горизонты, впереди новый мировой порядок, отличный от предыдущего, отличный, естественно, от биполярного, который рухнул в 90-е годы прошлого столетия, и от однополярного. Этот многополярный мир, в котором Китай, Россия, сильные закрытые государства способны — даже Соединённые Штаты Америки — с чрезвычайным положением, с Трампом с введением комендантского часа, с патрулями войск в американских городах, в закрытии, в общем, фактически подвешивании («suspended democracy»), в подвешивании демократии и временной отмене гражданских прав и свобод или, по крайней мере, ограничений — вот этот режим и является отныне доминантой той системы миропорядка, которая будет складываться всё быстрее и быстрее с каждым днём. Итак, мы в ходе коронавируса меняем один мировой порядок, открытое общество, глобальный строй на другой: на закрытое общество, на многополярный мир совер-

шенно с иными приоритетами, иными ценностными системами и иными структурами политического управления.

Чрезвычайное положение, *Ernstfall*, это очень и очень серьёзно, и тот, кто оказывается у власти в такой ситуации, тот эту власть уже отныне, скорее всего, по собственной воле никому не отдаст. Это, скажем, позитивная сторона эпидемии, в которой мы сейчас живём. Конечно, важно с нею справиться, важно её пережить, но нельзя всё сводить к решению чисто технических проблем, необходимо думать о будущем. А на выходе из этой пандемии нас ждёт совершенно новая постглобальная реальность.

КОЛОДЕЦ #4

№3. Закрытая национальная экономика и её приоритеты

Сегодня я хотел поговорить о тех изменениях, которые уже начались с первых этапов распространения пандемии коронавируса, о том, что происходит с мировой экономикой. На самом деле, те процессы, которые уже имеют место, не только те тенденции, которые намечены в ближайшем будущем и среднем будущем — всё это настолько фундаментально, что по сравнению с предшествующей эпохой, в которой тоже были кризисы: и кризисы дотком, кризисы недвижимости и падение рынка недвижимости в США 2008 года, которые дали огромный эффект на общемировую экономику, — всё это по сравнению с тем, что происходит сегодня — это детские игрушки, потому сегодня рушится в целом модель экономического мироустройства, уже рухнула. И, конечно, очень трудно сознание своё настроить, подстроить под эту волну. Все думают, когда же начнётся коррекция рынков, когда же начнёт цена на нефть доходить до каких-то приемлемых для всех уровней, и когда восстановится мировая экономика. Уже сейчас понятно, что страны только закрываются, и движение идёт фундаментально вниз, но остаётся надежда, которая говорит: «Ну, когда-то это должно закончиться и постепенно, пусть с огромными утратами, но мировая экономика вернётся приблизительно к тому *status quo*, откуда она рухнула.

Вот это более, чем сомнительно, и для того, чтобы понять, в каком мире мы уже находимся, я предлагаю проделать следующий эксперимент: давайте представим, что в ситуации чрезвычайного положения, в которой оказались сегодня экономики всех стран мира: России, Китая, Европы, США, стран БРИКС, стран третьего мира, всей экономики. Вот представим себе, что они будут находиться в этом режиме неопределённо долго. Ну вот, для эксперимента, скажем, что они будут находиться в них всегда. Вот давайте представим. Вы скажете: «Нет-нет-нет-нет, никогда, ни в коем случае, нет, это абсурд, прекратите это говорить, замолчите немедленно, переключите программу, мы хотим слушать всё,

что угодно, но мы должны видеть свет в конце тоннеля, и под светом в конце тоннеля все понимают одно: возврат к предкризисному состоянию. Пусть будет этот возврат долго, но дайте нам вот это предкризисное состояние хотя бы в качестве мечты. Я предлагаю (никто, конечно, не знает, как всё будет развиваться), но я предлагаю поставить ментальный эксперимент. Давайте мы не дадим этого света в конце тоннеля, и давайте привыкать смотреть на те вещи, которые нас окружают, без этого так называемого «света», чтобы мы уже завернули в лабиринте экономической ситуации за определённый угол, и света нет ни начале, ни в конце. Что мы имеем? Мы имеем сегодня закрытые экономики, которые представляют собой некие острова, некогда соединённые в единый архипелаг с мостами, переходами, тоннелями, но сегодня эти мосты разрушены, и мы имеем дело с архипелагом, то есть просто каждая экономика каждой страны представляет собой некое самостоятельное, самодостаточное явление. Вот с этим наша мысль уже не справляется. Даже, например, иранцы, которые столько проклинают Запад, и Запад для них «великий шайтан», и Америка должна рухнуть, и это царство Даджала — и всё равно, когда ситуация с закрытыми границами достигла Ирана, и сами иранцы закрыли свои границы, и Запад закрыл границы, и США закрыли границы — вдруг иранцы: вот это гордые, независимые, религиозно верующие в великого Сатану на Западе, вдруг они взмолились, говоря: «Снимите с нас санкции». Приблизительно же России тоже ведёт себя, мол, негоже во время коронавируса ещё и санкции. Очень даже гоже!

Ни одна из эпидемий в истории никак не повлияла на смягчение ведения военных действий, ни в XX веке, когда бушевала «испанка» во время Первой Мировой войны, ни в эпоху Тридцатилетней войны, ни в Средневековые войны. И эпидемия была просто неким сопровождающим обстоятельством военных действий. Как показывает история, никто не делает «дискаунт» ни в одной из систем политических на эпидемии, и каждый продолжает в условиях

открытого общества или закрытого общества двигаться к своим собственным целям. Сейчас мы живём в режиме закрытого общества, мы вступили вынужденно в этот режим, и моё предложение — рассмотреть это не как временное состояние, а как новую картину мира. Это ментальный эксперимент, ещё раз. Так вот, в этом случае, если мы это признаем, если мы с этим согласимся, пусть в качестве гипотезы, я подчёркиваю — ментальной гипотезы, то первое, что надо сделать: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Оставь надежду на снятие санкций, оставь надежду на продолжение китайского BRI, на продолжение китайской глобализации, американской глобализации, европейской глобализации. Оставь надежду на ВТО, оставь надежду на снятие или установление новых санкций, оставь надежду на международную глобальную мировую экономику. На то, что Валлерстайн называл «world system». Вот «мир системы», «мировая система», её больше не существует. Оставьте надежду на это, и давайте попробуем посмотреть, как будут действовать страны с экономической точки зрения в этих условиях. Если отрезать от себя эту надежду, а ведь когда люди вступают в ад, конечно, им не хочется, им хочется сказать, что это случайно, но в какой-то момент появляется какая-то фигура, которая говорит: «Нет, когда здесь вы прочитали фразу «Оставь надежду всяк сюда входящий», (так было написано над Дантовским адом), это и имелось в виду». То есть: оставь, отсюда не выходят. И если мы это примем, то первое, что мы забудем и от чего мы откажемся — это просить пощады, надеяться на то, что всё вернётся, подгребать ресурсы под ограниченное количество в этих форс-мажорных обстоятельствах для того, чтобы снова вернуться назад к ситуации, от которой мы ушли. То есть не переживать.

Если мы оставляем надежду и считаем, что та экономическая модель, которая сформировалась сейчас, продлится неопределённо долго (ну, условно вечно с точки зрения человеческих циклов, не с точки зрения реальной истории) Ну, всегда. Так же, как

существовал Советский Союз — всегда — как и либерализм всегда существовал, как Модерн всегда существовал, то есть, всегда это очень относительно для человеческой истории. Так вот, представим себе, что эта ситуация будет всегда. Итак, мы оказываемся в ситуации закрытых торговых государств, то есть это не Поппер, не «открытое общество», не глобализация, не либерализм в международных отношениях, не Адам Смит, а закрытое торговое государство Фихте. Вот мы отныне живём в условиях закрытого торгового государства. Какие приоритеты у закрытого торгового государства? В первую очередь — обеспечение продуктовой автаркии. Это первое. Почему? Потому что если люди закрытого торгового государства не будут получать достаточное количество продуктов питания, они просто поднимутся на восстание, начнутся беспорядки, и они скинут ту власть, которая находится над ним — и всё. Если эта власть не будет обеспечивать им прожиточный минимум, с помощью которого они смогут сводить концы с концами. Но этот прожиточный минимум предполагает очень важную вещь: все продукты должны производиться (именно критические продукты для этого прожиточного минимума) должны производиться на территории данного государства. Это касается и России, это касается США, это касается любой страны — большой или маленькой.

А это значит, что заброшенный в эпоху глобализации первичный сектор сельского хозяйства должен быть стратегической ориентацией государства. В закрытом торговом государстве сельское хозяйство должно быть развито ровно в той степени, к какой необходимо обеспечить удовлетворение первичных потребностей в еде населения и не зависеть от внешних поставок. Нечто прямо противоположное глобализации, где речь шла о сокращении расходов и оптимизации экономической модели и, соответственно, производить продукты питания надо было не там, где находилось то или иное государство, а там, где они были дешевле, потому что их всегда можно было доставить. Вот эта система открытых гло-

бальных поставок рухнула и, соответственно, продукты должны быть национальные. Импортозамещение в продуктовой сфере должно быть абсолютным. Покупать и потреблять можно только своё, которое сами выращиваем, сами потребляем. При этом государство в условиях закрытости не может предоставить этой сфере развиваться, как она хочет. Потому что если полностью сделать сельскохозяйственную сферу заложницей рыночных цен, то соответственно именно исходя из ориентации на максимизацию прибыли и появление спекулянтов, опять же чисто рыночный подход приведёт к возможному недостатку продуктов питания, а соответственно, к бунтам и к восстаниям. Соответственно, должно быть в первую очередь (это самое главное, *sine qua non* закрытого торгового государства) — это установление контроля над сельским хозяйством, причём, конечно, опыт показывает, что здесь должна быть определённая свобода в производстве, что такие принудительные колхозы и полное планирование в этой сфере не даёт позитивных результатов, но и обратное неверно: предоставление этой сферы исключительно рыночной стихии тоже может привести к негативным последствиям.

Соответственно, государство должно максимально содействовать свободе сельского хозяйства, но одновременно предотвращать появление спекулянтов в этой сфере, которые бы создавали неоправданно завышенные цены на продукты сельского хозяйства. Вот первая задача любого закрытого торгового государства. И сразу же возникает момент, вот сразу же возникает момент: первое, что для этого абсолютно не нужны ни контакты с заграницей, ни дружба или ни вражда с кем бы то ни было — это зависит только от нас и сделать это необходимым, первым и главным моментом. Конечно, если мы дружим экономически с какими-то другими странами, мы можем покупать или продавать, у нас распространять и зарубежные продукты, но ровно в той степени, чтобы не стать от них зависимыми. Потому что сегодня это друг, завтра это противник, соответственно, зависеть от поставок каких

бы то ни было продуктовых товаров мы не можем. Это — sine qua non. Следующий аспект это вопрос промышленности. Если мы говорим о необходимости обеспечить в первичном секторе полную продуктовую независимость, автаркию, то же самое нужно проделать в сфере промышленности. И здесь мы опять сталкиваемся точно так же, как с сельским хозяйством, с теми тенденциями, которые в эпоху глобализации приводили к делокализации промышленности. Это касалось не только России, которая в девяностые-двухтысячные годы потеряла 90% своего индустриального потенциала, если не 99, но это касается и Европы, и США, которые перемещали свои производства в Азию, на Дальний Восток, поскольку там было эффективнее, дешевле, и тем самым в условиях вынужденной закрытости они лишились своей промышленности преимущественно, потому что этой промышленности больше нет. Кстати, Трамп пришёл к власти именно под лозунгом того, что он восстановит эту ситуацию, и его противостояние глобализации даже теоретически основывалось именно на этом.

То есть, делокализация приводит к деиндустриализации государств, это выгодно с сегодняшней точки зрения, это обосновано логикой глобального открытого общества, но это совершенно несопоставимо, несовместимо с жизнью закрытого торгового государства. Второй момент — развитие национальной промышленности. Об этом у нас говорили, но поскольку всё можно было купить и так, то Россия, встраивалась в глобальную экономику, она это делала неуклюже и плохо в 90-е годы, немного более рационально при Путине. Но на самом деле была основная задача — встроиться в эти процессы и воспользоваться максимально условиями, которые создавала глобализация. Совершенно другая, принципиально другая политика. И все разговоры Путина о необходимости создания национального производства, всё кивали чиновники, но поскольку в этом не было острой необходимости, все просто махали на эту рукой, и в конечном итоге, прослушав, ничего не делали. Единственная сфера, которую Путин держал под прямым ручным

управлением, это была сфера обороны, там какие-то процессы проходили, но мы опять же не знаем, какие они, потому что налицо, что промышленности в России нет, просто нет. Её разрушили в 90-е, продали и не восстановили в нулевые. Но поскольку мы верим нашему президенту, что с оружием у нас лучше, значит, там, в сфере обороны, какие-то промышленные процессы протекали независимые. Естественно, что в этой сфере ни о каком открытом обществе речи быть не могло. Но мы в это верим, это наша почти религиозная патриотическая установка. Как оно обстоит на самом деле, мы не знаем, но то, что у нас промышленности нет, и что она необходима нам — вот это второй императив нынешней эпидемии. И третий: может быть, вы бы хотели, чтобы я с него начал — это независимая финансовая суверенная политика, потому что мы в эпоху модерна и постмодерна, особенно нынешней глобальной системы вообще все связаны с финансовыми институтами и финансовыми механизмами, а сельское хозяйство и промышленность мы рассматриваем как опциональные вещи, потому что тот, кто владеет деньгами, тот, соответственно, может себе позволить купить и промышленные, и сельскохозяйственные товары в достаточном количестве, чтобы обеспечить население и национальные нужды, но как только мы оказываемся в условиях закрытого торгового государства, вся иерархия меняется. Первое — продуктовая безопасность и необходимость автаркии, второе — наличие зависимой промышленности и третье, уже третье это создание суверенной национальной финансовой системы. Здесь я обратил бы внимание на великого американского поэта Эзру Паунда, которое посвятил своё великолепное произведение «Cantos» — книгу жизни — в значительной степени не только описанию красоты, но и описанию безобразия финансов, безобразия банков, сатанинской природе капитала как такового.

И это очень важно, потому что Паунд в своих «Cantos» описывает целые споры между экономистами, между Сильвио Гезелем, Кейнсом, либералами именно как огромное поле борьбы экономики

в сфере эстетики, потому что, с точки зрения Паунда, система, основанная на ссудном капитале, это некий сатанинский элемент, разрушающий человеческую личность, человеческую красоту, истину, добро, справедливость и человека как такового. То есть, либо банки, либо проценты, либо ссудный капитал, либо человек — говорит Эзра Паунд, и когда он переносит эту этическую, метафизическую проблему вот этой религиозной ненависти к капитализму, к ссудному капиталу, к банкам и к финансовой системе, которые разрушают как ростовщичество, входя в произведения искусств, в материю, в жизнь людей, всё превращая в товар, отчуждая одного другого, любого человека, разрушая общества, разрушая семьи, разрушая народы, подчиняя их тёмной власти отчуждённого, такого демонического, сатанинского начала, когда он применяет это к позитивному сценарию, тут Паунд даёт, как ни странно, великолепные рекомендации. Первое: государство может выпускать столько денег, сколько оно захочет, и оно не может быть бедным, государство не может быть банкротом, государство не может потерпеть дефолт.

Почему? Только в том случае, если оно по-настоящему суверенно, и если эта национальная валюта связана с наличием достаточного количества сельскохозяйственной и промышленной продукции внутри него самого. Тогда вопрос национальной эмиссии не приводит ни к инфляции, ни к дефолту, государство просто, поскольку эта национальная валюта является суверенной, она не привязана ни к какой иной валюте, она не зависит ни от каких международных колебаний, просто потому, что у государства внутри самого себя есть всё необходимое для жизнеобеспечения всех видов деятельности. И тогда эмиссия национальной валюты полностью независима от какого-то ни было *currency board*, от какого бы то ни было внешнего фактора, вот тогда государство становится по-настоящему богатым и с помощью финансовой политики помогает экономике расти в той мере, в которой государству необходимо. Это третий элемент: независимая суверенная

финансовая система. Именно это — спасение для любого государства, находящегося в условиях закрытого торгового государства Фихте. Про Россию очевидно, да и для любой другой страны — сейчас я говорю в целом. Ещё один важнейший элемент — это полная монополия государства на внешнюю торговлю. Это некая антитеза либерализму в международных отношениях, и если государство является единственным монополистом на внешнеторговую деятельность, то государство и следит за тем, чтобы проникновение товаров импорта из-за границы не приводило к ослаблению автаркии национальной ни в сфере продуктов питания, ни в сфере промышленности, индустрии, ни в сфере финансовой системы, и одновременно чтобы экспорт из страны товаров, услуг, технологий и продуктов также не укреплял конкурентов в международной сфере. Это прямой антилиберальный подход, который защищают, кстати, очень многие экономисты против Адама Смита, в этом нет ничего необычного, это просто меркантилизм в международных отношениях, который предполагает монополию государства на внешнюю торговлю.

Внутри могут существовать и рыночные отношения в комбинации с определённым управлением, например, там, где необходимо регулировать какие-то процессы в национальных интересах или, например, сокращать возможность наживы спекулянтам, особенно в чувствительных областях, но при этом во всём, что касается внешней торговли, уже необходимо утверждать политику тарифов, политику специальных выплат и национальных интересов. Вот, к чему мы приходим. Вот эти принципы закрытого торгового государства начинают действовать сегодня. Как раз совсем недавно Россия полностью закрыла свои границы, не мы были инициаторами, мы были одними из последних, кто это сделал, но даже не важно, как мы оказались в этой ситуации, но мы сегодня уже живём в условиях закрытого торгового государства. И вот здесь возникает только один вопрос. Кстати, то же самое можно сказать об Италии, которая, оказавшись в условиях закрытого тор-

гового государства и одновременно завися полностью от Евросоюза, просто потерпела в первые несколько дней дефолт, и фактически была скуплена, когда биржа работала. То же самое можно сказать и о Франции, которая ввела чрезвычайное положение, и о США, то есть все страны сегодня находятся в состоянии закрытого торгового государства. Не Россия начала закрывать границы, мы были одними из последних, кто закрылись, но мы уже там. И вот сейчас мы стоим перед выбором: либо принять это как долгосрочный проект и строить закрытое торговое государство. Совершенно не обязательно это будет диктатура, но также совершенно не обязательно это будет демократия, это может быть с большим и меньшим сохранением рыночных отношений в тех или иных областях.

Государство, безусловно, должно усилить свою позицию, но каким будет усиление этих позиций, до какой степени и в какой форме она будет проходить — это каждый народ и каждое государство закрытое будет определять само, исходя из своих собственных соображений. Здесь нет догм просто, но те принципы, которые я изложил, являются догмами в той ситуации, в которой мы находимся. И, завершая это, я могу сказать, что либо мы это принимаем как долгосрочный проект, ну, тогда гудбай глобализация. Мы живём в постглобальном мире, мы строим постглобальную экономику, и совершенно другой субъект — суверенная экономика — становится главным в этой глобальной экономической системе. Этим главным субъектом является национальное закрытое торговое государство — вот оно-то и является главным игроком на мировой внутренней арене. Здесь суверенитет или реализм приобретает совершенно полный, абсолютный характер. И, соответственно, либо мы считаем, что это временная мера, и делаем как бы стойку и ставку на то, что всё вернётся к эпохе глобализации. Вот сейчас на этот вопрос будет отвечать наше правительство.

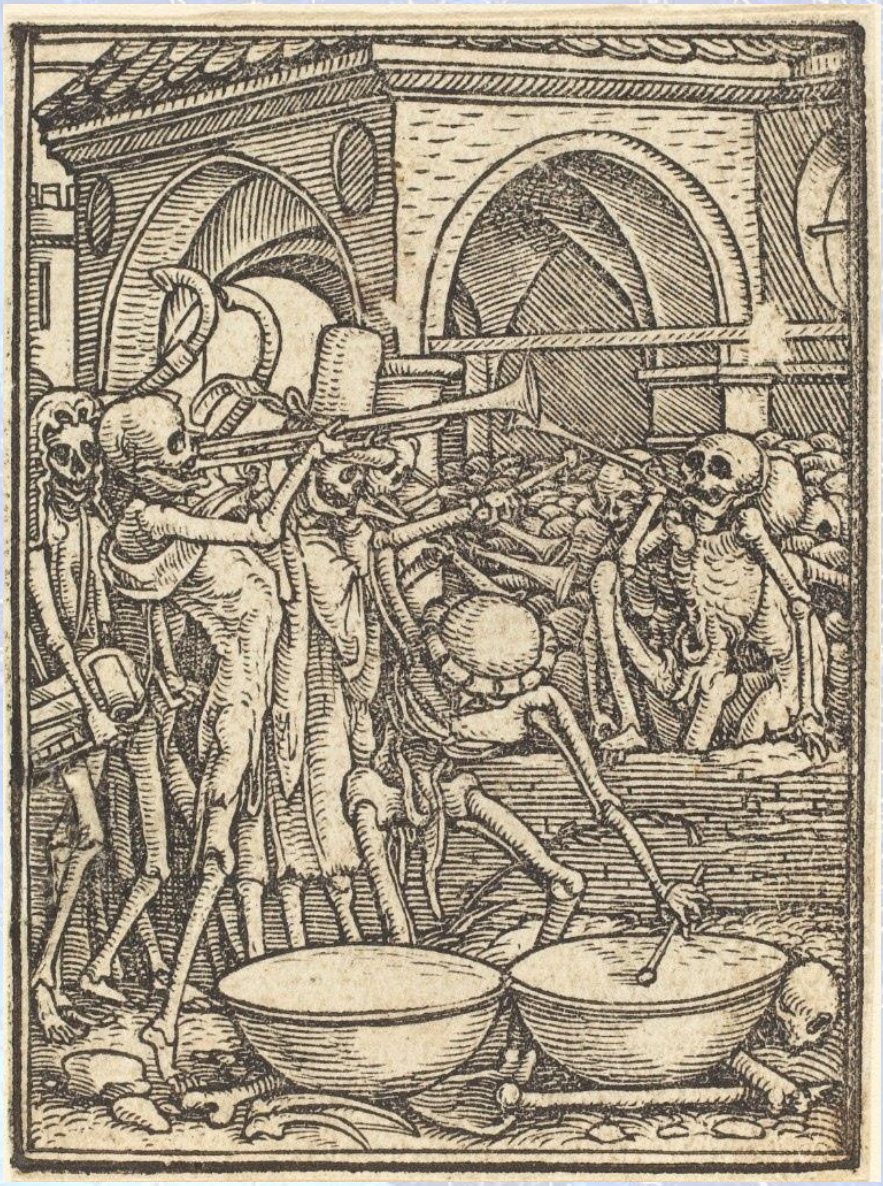
И вот тут возникает риск: наше правительство, наша власть привыкла, честно говоря, в последнее время особенно ни за что

не отвечать, то есть, как бы оно ни повернулось, оно пытается сказать, что вот так и хорошо, так и задумано, это был хитрый план. На самом деле вот тут — стоп. Сейчас необходимо дать ответ, и прямой и однозначный: либо закрытое торговое государство, потому что это движение по одному пути, либо это ожидание возврата к восстановлению глобальной экономики. Это движение совершенно по другому пути. Эти две стратегии несовместимы, нельзя делать одно и одновременно другое, нельзя готовиться к одному и к другому: здесь осуществляется выбор, и в зависимости от того, что дальше покажет история, как она будет развиваться, будет понятно, правильно ли было это решение или неправильно. И за то, и за другое государству, власти и нынешнему политическому режиму придётся заплатить. Сделает оно один выбор или другой. Вот в этом и есть риск власти. Почему народ терпит власть и позволяет над собой издеваться в течение столетий? Только по одной причине: когда приходит такой критический момент выбора, народ может спокойно наблюдать за тем, как власть решает эту сложнейшую проблему. И тут власть начинает рисковать, потому что, если она сделает неправильный выбор, она падёт просто, она за это и заплатит. А народ как раз выберет следующую власть, другую. Вот в этом как раз риск. Поэтому, соответственно, с моей точки зрения, власть должна определить, по какому пути она пойдёт, входя в ситуацию пандемии, и как она воспринимает эту закрытость, вынужденную закрытость. Воспринимает ли она как модель будущего экономического мироустройства и готовится к ней надолго и всерьёз, либо ожидая, когда всё вернётся на круги своя, и вот потом, по результату этого выбора, она будет за этот выбор отвечать. Соответственно, ситуация в высшей степени серьёзная. То, что я говорю, в общем, думая больше о России, это абсолютно применимо к Италии, Франции, Англии и США, Мексике, Ирану, Китаю, Турции и так далее.

Мы завершили безапелляционно эпоху существование в открытом глобальном мире, мы вынужденным образом оказались в условиях закрытого торгового государства, и я предлагаю очень серьёзно осмыслить эту перспективу. Мы можем вернуться, я не исключаю того, что мы можем вернуться в глобализацию, это будет, правда, другая глобализация, вернёмся мы туда нескоро, но есть очень большие основания, что мы никогда в эту глобализацию больше не вернёмся, и будем существовать очень долго в условиях закрытого торгового государства. Чтобы подготовиться к этому второму сценарию, на который мы уже обречены, и будем находиться неизвестно, какое время: ближайшие месяцы, может быть, годы, может быть, ещё дольше. Вот поэтому я и предлагаю поставить этот ментальный эксперимент и, собственно, сделать выбор. Без этого выбора мы не сможем двигаться дальше. Ситуация очень серьёзная, и этот выбор придётся делать России, но этот выбор придётся делать и всем остальным странам. Итак, либо мы временно делаем шаг назад от глобализации, куда мы вернёмся после окончания коронавируса, об этом говорит Билл Гейтс, об этом говорит (о мировом правительстве) Гордон Браун, Джордж Сорос, он, правда, молчит сейчас, потому что сейчас выступить за глобализм – это почти камин-аут, то есть, если сказать «я либерал», это можно и в Коммунарку за это попасть, поэтому это могут позволить себе только люди, имеющие бункер или какое-то надёжное укрытие, типа Билла Гейтса или Гордона Брауна. В принципе, сегодня, конечно, все понимают, что только закрытость спасительна, но, тем не менее, голоса даже из этих подземелий, из тайных укрытий раздаются о том, что давайте всё-таки мировое правительство. Но, конечно, сегодня это никто не слушает.

Но постепенно их голос может звучать всё громче и громче. Итак, одни издают писк из подземелий, что давайте всё-таки мировое правительство, давайте вернёмся к глобальному проекту, ну а реалисты или практики начинают закрывать свои границы и

готовятся к сложному, тяжёлому существованию, неожиданному, резкому существованию в рамках закрытого торгового государства. Мне лично проект закрытого торгового государства нравится и с философской точки зрения, и с метафизической, и с поэтической точки зрения, так же, как Эзре Паунду, и я предпочитаю это, но это моё личное мнение. Давайте отвлечёмся от наших симпатий и просто посмотрим жестокой правде в глаза. Этот выбор надо делать сейчас, и этот выбор должен сделать каждый. Каждый ответственный политик, каждый ответственный экономист, каждый ответственный гражданин в какой бы стране он ни был.

Дар чумы

(пандемия и экзистенциальная философия)

В условиях эпидемии происходит очень глубокий экзистенциальный процесс. Dasein характеризуется бытием-к-смерти. Когда он экзистирует неаутентично, он об этом старательно забывает — отсюда абсолютизация *status quo* в мещанском Lebenswelt'е. Глобализм и либерализм эксплуатируют это (впрочем, как и иные идеологии Нового времени), заставляя людей экзистировать неаутентично. Так конституируется das Man.

Когда приходит пандемия (чума, эпидемия, чрезвычайная ситуация), das Man рушится, так как перестаёт быть регулярным, отлаженным, привычным. Бездна открывается рядом. Так Dasein возвращается к самому себе. Человек хотел бы укрыться в das Man'е, но он не может. Тем самым обнажается природа существования — как бытия-к-смерти. Das Man'у остаётся одно — бежать сломя голову — за гречкой, крупой, мукой, маской, бумагой, в поисках безопасной зоны, от гонцов Коммунарки, докторов и служб порядка. Это страх (Furcht). Сильнее его только ужас. Ужас (Angst) — это когда Dasein поворачивается к смерти лицом. Вот момент начала философии.

Уже сейчас видно, что пандемия смыла либерализм (глобализацию). Das Man распылён, на его место выходят более жёсткие реальности. Ещё немного кое-кто похихикает, но уже не долго осталось. Из-за горизонта появляется нечто по-настоящему зловещее и рискованное — заря бытия (о котором забыли). На примере Запада, который уже намного глубже в пандемии и чрезвычайной ситуации, чем мы, видно, как быстро исчезают либеральные химеры даже там, где они были укоренены. Макрон ввёл войска и диктатуру. Все страны Шенгена закрылись. Борис Джонсон предупредил англичан о скором вымирании. Трамп объявил чрезвычайное положение и запретил все международные рейсы. Израиль вышел к стене плакать. И вот уже нет Единого Мира. Есть народы и обще-

ства, поставленные перед лицом смерти. Dasein в его чистой форме. Несколько Dasein'ов — отвечающих по-разному на общий вызов.

Я думал, что сопротивление либералов будет намного более упорным. Кажется, они сдались без боя. Мировая капиталистическая система рухнула в одночасье. У нас этого пока не поняли. Но скоро поймут. А это значит, рухнул сам жизненный мир либеральной глобализации — мир офисных сотрудников и бьюти-блоггеров, трансгендеров и климат-активистов, борцов за права человека и хипстеров, мигрантов и феминисток.

На первый план выходят новые акторы, и на них лежит отсвет Dasein'а.

Именно сейчас понятно, что имел в виду Хайдеггер и, в частности, его французские читатели и толкователи — Камю в «Чуме» или Сартр. Человек перед лицом смерти — в полном одиночестве и безо всякой надежды. То, как он стоит перед смертью, как смотрит на неё и как расшифровывает её взгляд (в свою очередь) и зависит, каким будет общество, государство, идеология после чумы. Все другие отношения и структуры строятся на основании отношений человека и смерти. Именно это и есть базис, а всё остальное надстройка. Это очевидно на войне, но там эта ясность (предельно кристальная для Ницше или Э. Юнгера) может быть оттенена отвлечёнными патриотическими идеалами или механикой приказов.

Между человеком и смертью стоит Отечество, долг и дисциплина. А в ситуации эпидемии между ними ничего не стоит. Они встречаются напрямую. В этом глубинное — божественное — измерение чумы.

В православной оптике к этому следует добавить горизонт Апокалипсиса. Язвы изливаются из фиалов Ангела тогда, когда человечество менее всего расположено поднимать взгляд к небесам. Чёрные реки и валы гниющей лопающейся плоти напоминают об утраченной вертикали. Жёсткая педагогика последних времён. Не

поняли, понадеялись, что как-нибудь пронесёт, отхихикались — и новый финал... И новая печать. Das Man это идол, кумир. Сейчас он падает. Явно, как только человечество справится (если только оно справится), то постарается построить нового. Вот тогда и придёт время следующей печати. И новой язвы.

Пандемия – явление, прежде всего, философское. Высшей целью в ней является не выживание, а понимание и изменение, смена глубинной метафизической ориентации. Смена философского и экзистенциального режима. Это философский дар чумы.

По материалам сайта:

Geополитика.ru
Carthago delenda est

КОЛОДЕЦ #4

Нуччо Ордине

Люди – не острова

Луис Карлос Бомбассаро, 28 мая 2020 г.

Диалог: Профессор философии Луис Карлос Бомбассаро беседует с итальянским мыслителем о ситуации в мире, порождённой пандемией, и о том, сколько литературы предлагает нам элементы, чтобы подумать об этом времени.

Объявленная учёными и учёными, победившая самых недоверчивых и даже самых молодых отрицателей эпохи после истины, началась пандемия коронавируса. Это вызвало много смертей, закрытые рынки, города и страны; полностью изменила жизнь в глобализированном мире. Но эта пандемия не является чем-то совершенно новым для человечества. Не только специалисты в области микробиологии, вирусологии и иммунологии, но также и те, кто занимается искусством, историей, литературой и философией, знают, что пандемии не редкость и что они неоднократно присутствовали среди нас.

На этот раз, однако, благодаря нашему образу жизни, поддерживаемому технологическими достижениями, особенно связанными с транспортом, он очень быстро распространился по всему миру; скорость, которая вызвала немедленную реакцию учёных и правительств, чтобы столкнуться с проблемой.

Среди множества последствий пандемия также привлекла внимание интеллектуалов всего мира. Обеспокоенные пониманием этого явления и его последствий, многие из них обсуждали, в какой степени пандемия также способна изменить своё понимание значения человека.

Подтверждение того, что оно сделало очевидным глобальное присутствие мрачной версии исключительного положения, которое позволило бы многим правительствам всё активнее действовать в сфере контроля и ограничения жизни в публичной сфере, если не в отмене повседневной жизни в частной сфере, путём внедрения

новых методов и средств наблюдения за жизнью отдельных лиц, вплоть до создания нового образа жизни, особенно в школах и университетах, где уже наблюдается более ускоренное расширение применения устройств дистанционного обучения с использование виртуальных платформ.

Особенно здесь, вопрос очень спорный, так как ещё не ясно, как будет развиваться преподавательская деятельность после пандемии. Но в ещё более широкой перспективе также не ясно, приведёт ли пандемия к изменению нашего образа жизни и мышления.

Чтобы поговорить о том, как пандемия влияет на нашу жизнь, и что мы можем извлечь из этого трагического опыта, интересным мыслителем является Нуччо Ордине, профессор теории литературы в Университете Калабрии и один из самых известных интеллектуалов сегодня, который только, что опубликовал свою последнюю книгу «Gli uomini non sono isole» («Люди — не острова», в свободном переводе и ещё не опубликованная).

Вы, кто живёте в Италии, как обстоят дела с Ковид-19?

Хотя пик прошёл, Италия (как и другие европейские страны, я думаю об Испании и Франции) переживает беспрецедентный кризис в области здравоохранения и экономики. Север (наиболее продуктивная часть нашей страны) заплатил высокую цену с точки зрения человеческих жизней (исчезло целое поколение пожилых и больных людей, поражённых другими патологиями) и промышленного производства (многие компании были вынуждены освободить или уволить своих работников).

Социальная отрешённость, принятая некоторыми странами в качестве средства уменьшения воздействия пандемии, не была единодушной. Многие страны просто не приняли его на том основании, что это влияет на нашу свободу. Что вы думаете о социальной дистанции?

В данный момент мы все заключённые в наших домах, чтобы столкнуться с чрезвычайной ситуацией, вызванной коронавирусом.

Но почему мы отказываемся от нашей свободы и от наших привязанностей? Какова цель всего этого? Почему мы спрашиваем это? Особенно, чтобы спасти человеческие жизни, чтобы спасти жизни исчезающего поколения. Это поколение наших бабушек и дедушек, поколение пожилых людей, которые являются предпочтительными жертвами этой болезни. А также для защиты самых хрупких, тех, кто уже болен и кого легче затронуть коронавирусом. И затем, в этот момент, было бы хорошо подумать о том, чему это может нас научить, и чему мы можем научиться в эти трудные времена. Я имею в виду ужасную драматическую сцену, которую мы все видели по телевизору: сотни гробов в северной Италии и других странах мира, особенно в Бразилии и Латинской Америке, где мёртвые похоронены в больших братских могилах, когда их не оставляют на дорогах, тела бедных людей, о которых никто не заботится. Мы видели эти изображения людей, умерших в изоляции, без человеческого тепла сына, внука, жены или мужа. Таким образом, ради этих людей мы должны принести эту жертву не только за себя, но особенно за других.

Эпидемии были неприятным явлением в истории человечества. До появления современной науки болезни и несчастья, о которых сообщали историки и особенно литература, также вызывали сильную символическую привлекательность. Чему нас научили эти рассказы?

Именно в те дни я перечитывал вторую книгу Вирджилио Аениды. Прекрасный текст. Очень актуально. Это означает, что литература, как я давно говорю своим студентам, не изучается, чтобы сдать экзамен или получить диплом.

Литература изучается потому, что учит нас, прежде всего, понимать мир, в котором мы живём.

Во второй книге есть известная сцена, которую все читали, даже в антологиях: Троя в огне, и в какой-то момент Эней пытается спасти своего отца Анхиса, которого он несёт на спине, и его маленького сына. В этой сцене, которую представляет нам

Вирджилио, мы видим прошлое — Анхис, настоящее — Эней и будущее — Асканий, сын Энея. И здесь мы находим идею важной концепции, то есть обязанности, которые у нас есть по отношению к родителям, к нашим родителям. И в то же время наши обязанности перед обществом. Итак, в этот момент, в котором мы живём, мы также можем проанализировать те трудности, которые у нас были до сих пор, и что никто не имел смелости осудить вслух. Таким образом, сцена, рассказанная Вирджилио, представляет собой «основополагающий» жест, в котором будущее не может существовать без существенной роли прошлого, не принимая на себя моральных обязанностей, которые мы несём перед своими семьями и обществом, в котором мы живём. Литература, музыка, искусство, философия, фундаментальная наука веками учили нас, что наша жизнь имеет смысл, только если мы можем жить для других. Более того, история часто показывала важность культуры для преодоления трудных кризисных моментов:

Даже в этот момент социальной отрешённости и лавины новостей о проблемах и смертях из-за Ковид-19, вы верите, что литература может помочь нам сохранить наше психическое и психическое здоровье?

В нескольких интервью в эти драматические недели я пытался возобновить некоторые ценные размышления о последствиях эпидемий, содержащихся в знаменитой классике. Например, если мы рассмотрим Декамерон, Боккаччо описывает моральную и материальную катастрофу Флоренции во время чумы 1348 года; Чтобы избежать хаоса, десять романистов не только покидают город, но и вводят ряд правил для дисциплины санитарной и литературной жизни.

Главные герои очень хорошо знают, что, чтобы заботиться о теле, также необходимо заботиться о духе. Более того, сама открытость Декамерона («это сострадание к пострадавшим») превозносит силу литературы как фармакона, способного смягчать наказания, бороться со страхом и нейтрализовать меланхолию. Для

Флоренции, опустошённой чумой (где беспорядок требует восстановления политической и религиозной власти), Боккаччо выступает против весёлой бригады, которая в Фьезоле стремится восстановить утраченный порядок.

Во многих классических текстах, в которых говорится об эпидемии, часто возвращаются одни и те же темы: иррациональная реакция, чувство бессилия перед лицом невидимого врага, социальный крах, поиск заразителя или козла отпущения, необходимость прибегать к Божественной помощи или к шарлатанам, которые пользуются отчаянием, чтобы продать лживые лекарства, отсутствие человеческих отношений, страдания разлуки.

В этом смысле классики не только показывают нам, что происходит во времена кризиса, но и их чтение само по себе является реакцией на трагическую ситуацию, с которой мы сталкиваемся. В дополнение к великим работам, которые конкретно относятся к болезням и эпидемиям (подумайте, если вспомнить некоторые известные тексты, в событиях, рассказанных в «Царе Эдипе» Софокла, в «Пелопоннесской войне» Фукидида, в «Природе» Лукреция, в «Женихах» Мандзони, или, чтобы достичь XX века, в «Чуме» Камю), искусство повествования, однако, имеет терапевтическую функцию, потому что оно даёт нам ценную возможность познать себя и окружающий мир.

Как мы уже видели, во многих странах пандемия распространяется легче, потому что она находит благоприятные условия для своего распространения: социальное неравенство, идеологические и политические интересы, руководствуемые финансовыми интересами, с одной стороны, и необузданная эскалация невежества, развитие негативных убеждений, менталитет мракобесов, которые не были образованы, или которые просто игнорируют результаты научных исследований. Какова роль науки и гуманитарных наук в условиях глобального кризиса, подобного тому, который мы переживаем сейчас?

Особенно в ситуации (почти сюрреалистической) изоляции дома, книги, музыка и произведения искусства помогают нам развивать наше человечество, заново открывать утраченную солидарность, наслаждаться одиночеством, слушать красноречие молчания. Только сейчас, когда мы вынуждены жить отдельно от привязанности и друзей, мы обнаруживаем жизненную важность человеческих отношений, непременное условие присутствия другого в нашем существовании. Мы осознаём тот факт, что в одиночку мы никогда не сможем победить вирус: пандемию может победить только объединённое и поддерживающее человечество.

Мы уже наблюдаем это в области науки: исследователи со всего мира находятся в контакте для обмена данными и исследовательскими программами с целью создания вакцин и лекарств, способных победить невидимого врага. Эта солидарность проявляется и в конкретной помощи, которую врачи и специалисты (я думаю о кубинцах, китайцах, албанцах) оказывают в красных районах Ломбардии и Венето.

Неолиберализм, эта доктрина, которая всё больше ведёт к эгоизму, заставила нас поверить, что мы, люди, являемся островами. Мы разделены между собой. Каждый должен думать о своём бизнесе. Лозунгами партий, победивших на выборах в последние годы в Соединённых Штатах, Италии, Англии, Франции и многих других странах, были «Prima gli Italiani», прежде всего «Италия» или «Америка», «France d'abord», сначала Франция или прежде всего Бразилия... Эти лозунги все они говорят одно и то же: мы должны прежде всего думать о нашем эгоизме, который сначала является национальным эгоизмом, но позднее становится личным эгоизмом.

Пандемия показывает нам, что люди не являются островами. Мы связаны друг с другом. Человечество — это единый континент. Мы не победим вирус в одиночку. Вирус может быть выигран только в битве, в которой мы должны сражаться все вместе, чувствуя себя

как братья. И этот дух братства очень важен, и мы не должны забывать его, когда закончится пандемия.

Но есть ещё одна важная вещь, которую мы узнали. Именно здравоохранение и образование являются двумя основными столпами человеческого достоинства, которые неолиберальная политика последних тридцати лет хотела ослабить. Почему мы в беде? Почему мы видим так много мёртвых? Потому что национальная система здравоохранения, которая была одной из лучших в мире, была сильно ослаблена. Хотя логика должна была их сохранить. Экономия на здоровье, экономия на школе и университете. Почему я считаю здоровье и образование двумя столпами человеческого достоинства? Потому что право на жизнь — больницы, и право на образование — школы, университеты, имеют основополагающее значение для нашей жизни. Итак, я хотел бы напомнить красивую метафору для Нобелевской премии по экономике, Джозеф Стиглиц, когда он говорит, что за последние тридцать лет мы вели себя как водитель, который едет по дороге, и, чтобы сэкономить, он не покупает запасное колесо. В определённый момент поездки прокол шины и то, что она потратит, будет бесконечно больше, чем он потратил бы, если бы купил запасное колесо. Таким образом, ослабление систем здравоохранения и образования означает ослабление будущего страны. И не случайно, что в странах, где нет системы общественного здравоохранения, произойдут огромные бедствия. И противоречия начинают появляться. Поэтому мы были правы, считая здравоохранение и образование государственными институтами, потому что, повторяю, они являются двумя столпами человеческого достоинства.

Как вы представляете мировое общество после Ковид-19?

Развитие капитализма сумело превратить нашу планету в огромный глобальный рынок. Но свободная торговля и сокращение географических расстояний (менее чем за двадцать четыре часа самолёт может доставить нас из одной части света в другую), к сожалению, создали огромные расстояния между разными странами

(взрыв дикого национализма и строительство стен и барьеров) и, прежде всего, среди людей (солидарность как высшая ценность высмеивается и попирается). Политики, которые сегодня восхваляют безудержный индивидуализм, этимологически противоречат их функции: для древних греков, с точки зрения гражданской жизни, идиоты это были те, кто был озабочен исключительно своими «частными» интересами (идиосами), а не городскими интересами (Полис, слово, из которого происходит «политический»).

Позвольте мне считать этих политиков, которые защищают самый ошибочный эгоизм, «идиотами» не только потому, что они думают исключительно о себе, но и потому, что они невежественны. Они игнорируют то, что люди не могут жить, недооценивая важность других...

Чему человечество может научиться в этот исторический момент? Могут ли великие классические мыслители научить нас чему-либо, учитывая этот кризисный сценарий?

На последней странице своего знаменитого романа «Чума» Камю напоминает своим читателям о важных вещах, которые можно выучить «среди бедствий»: несправедливость, причиняемая слабым, становится известной («Затем доктор Рье решает написать рассказ [...], чтобы дать свидетельство в пользу тех, кто пострадал»). Чумой — оставить хотя бы напоминание о несправедливости и насилии, которые были совершены с ними»), и в то же время обнаруживается, что «мужчины могут восхищаться больше, чем презирать». Но болезнь не исчезает с окончанием эпидемии («чумная палочка не умирает и не исчезает»), потому что «она может десятилетиями спать в мебели и стирке», терпеливо ожидая «в кроватях, в столовых, в сумках, в носовых платках». Короче говоря, Камю предлагает нам не забывать, где мы живём, и помнить о драматическом опыте пандемии.

И в эти недели разразились противоречия, с которыми мы жили десятилетиями: здравоохранение и образование (два столпа человеческого достоинства), чрезвычайно пострадавшие от жестоких

сокращений, торжествующий эгоизм, постоянный рост неравенства (1% мирового населения владеет 80% богатства), ущерб от промышленной политики, основанной на перераспределении и доставке производственной монополии исключительно тем, кто может предложить самую низкую цену (возможно ли, что только Китай и Индия должны производить маски?)

Общество знаний, которое, по мнению многих, живёт сегодня, предоставляет нам не только достоверную фактическую информацию. Современные средства коммуникации, особенно так называемые социальные сети, создают и распространяют огромную волну ложной информации. Насколько виртуальная реальность влияет на человеческие отношения?

Антуан де Сент-Экзюпери пророчески понял, что «истинная роскошь существует только в человеческих отношениях». На самом деле, никогда, как в эти месяцы изоляции, мы не осознаём, что человеческие отношения — реальные, а не виртуальные — всегда становятся предметом роскоши. С этим кризисом мы понимаем очень важные вещи о человеческих отношениях. Мы понимаем, например, что, хотя социальные сети сейчас необходимы для поддержания отношений во время изоляции, в то же время, однако, мы не должны упускать из виду тот факт, что до вчерашнего дня эти же цифровые устройства создали новый способ отношения, виртуальные отношения, которые на самом деле убивают настоящие отношения.

Я приведу вам пример. Сегодня Интернет позволяет нам иметь отношения с другими людьми в течение 24 часов. Но будьте осторожны: это иллюзорные отношения. Почему они иллюзорны? Они иллюзорны, потому что мы заперты в комнате, и мы думаем, что сжимаем руки с другими, находящимися за много миль от нас, но мы не осознаём близких нам человеческих отношений.

Теперь мы можем эффективно измерить разницу между чрезвычайной ситуацией и нормой. Если при возникновении пандемии, связанной с нашими домами, видеозвонки, facebook, watshapp и

другие подобные инструменты становятся единственной формой общения, позволяющей поддерживать наши отношения в нормальное время, эти же инструменты могут оказаться опасными источниками иллюзии.

Принято считать, что дружба в социальном профиле может совпасть с простым кликом. Точно так же, как общение в сети, не означает, что вы должны развивать любовь. Я неоднократно бывал в университете, чтобы увидеть студентов — опыт, который многие из вас наверняка видели — сидя за столом, каждый из них сгорбился над своим смартфоном, отправляя сообщения отдалённому человеку и не обмениваясь между собой ни словом.

Когда человеческие отношения становятся виртуальными отношениями, тогда мы культивируем ужасное одиночество, которое лишает нас возможности развивать человеческие отношения.

Это также верно для виртуальных классов. Я не думаю, что у нас есть выбор прямо сейчас. Мы обязаны поддерживать отношения с нашими учениками посредством виртуальных уроков. Но, внимание, особенно во многих бедных семьях, говорят, что на юге [Италии] около 40%, нет возможности иметь компьютер или хорошее интернет-соединение. Поэтому им трудно работать.

Однако меня беспокоит то, что многие президенты университетов, многие преподаватели в сети говорят, что дистанционное образование — это будущее университета, что будущее школы должно быть дистанционным образованием. Ну, это для меня полное безумие. Это очень серьёзная вещь, с которой нужно бороться. Одно дело понимать, что цифровые медиа теперь могут поддерживать отношения. Другое дело, чтобы думать, что цифровые СМИ, вне чрезвычайной ситуации, могут стать нормальными. Это означает убийство учения.

Преподавание — это урок в классе; взаимодействие между учителями и учениками. Подлинные отношения требуют живых, настоящих, физических связей. Зависимость от устройств постепенно способствовала популярности виртуального. Это также верно для

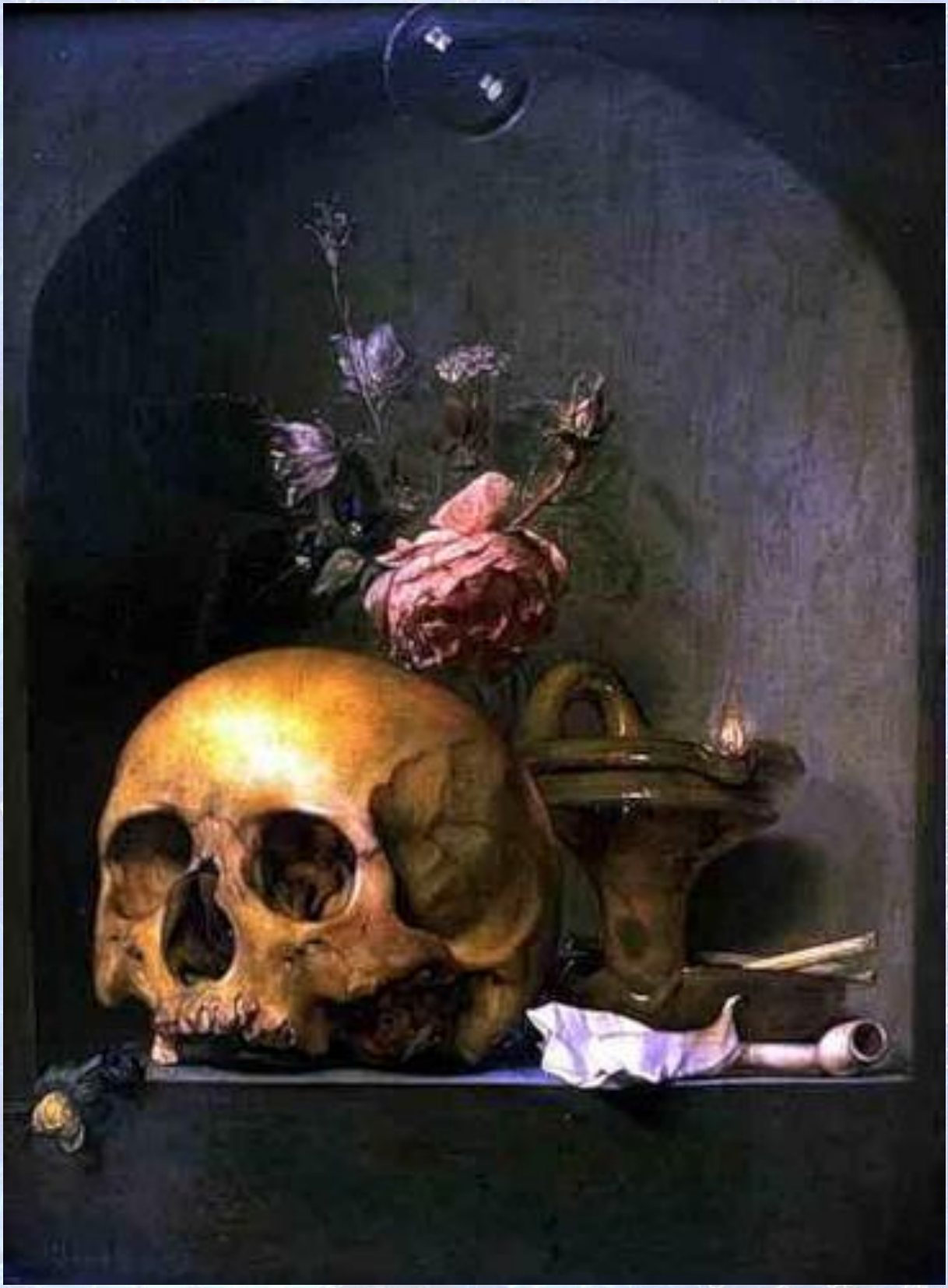
тех, кто использует социальные сети, которые, запертые в своих комнатах, думают, что могут установить отношения через компьютер или планшет: за постоянным соединением с другими они в конечном итоге развивают новый вид ужасного одиночества. Было бы невообразимо жить без интернета или телефонов.

Но технология, подобно лекарству, может излечить или отравить: это зависит от дозы! В «Нью-Йорк таймс» Нелли Боулз показывает, что в Соединённых Штатах использование устройств уменьшается в богатых семьях и увеличивается в средних или бедных. Элиты Кремниевой долины отправляют своих детей в школы, где вместо технологий ценятся человеческие отношения.

Будет ли в будущем роскошь человеческого взаимодействия всё больше и больше предназначаться для детей богатых и виртуально-цифровых для обучения бедных и менее избранных?

В двух словах, учитывая ситуацию, с которой мы сталкиваемся, какое послание вы бы дали новым поколениям?

Мы станем лучше, только если не забудем о неолиберализме, который во имя максимизации прибыли постепенно отменяет корпоративную социальную ответственность, солидарность между нациями и братство между людьми. Миф о рынке, способном регулировать всё, был разрушен нападением невидимого вируса, который поставил мировую экономику на колени. Литература и культура помогают нам ценить то, что мы узнали за эти драматические месяцы, как сокровище. В романе Милана Кундеры автор говорит: «Борьба человека против власти — это борьба памяти против забывчивости». Если мы действительно думаем, что можем стать лучше после этого опыта, мы можем быть такими, только если не забудем это. Это приглашение сохранить память, а не уничтожить нашу человечность. Забудьте, следовательно, это значит оставить всё как прежде. Или хуже, чем раньше.

КОЛОДЕЦ #4

Генри А. Жиру

Чума неолиберализма и политика пандемии

Нынешняя пандемия коронавируса — это больше, чем медицинский кризис, это также политический и моральный кризис. Тот, который глубоко укоренился за годы пренебрежения к человеку со стороны неолиберальных правительств, которые отрицали важность общественного здравоохранения и общественного блага, одновременно зачищая институты, которые сделали их возможными. Мы живём в то время, когда неолиберализм ведёт войну с общественностью, социальное неравенство превращается в добродетель, а крайние определения индивидуальной ответственности разрушают социальную солидарность, хотя и граничат уже с патологией. Эта форма грабительского капитализма говорит на рыночном языке прибыли, приватизации и коммерческого обмена. Он также узаконивает язык изоляции, лишений, человеческих страданий и смерти. Неолиберальный капитализм является основной пандемии, усугубляя нынешний кризис из-за нехватки больниц, медикаментов, кроватей и надёжных социальных пособий, и всё чаще выступает в качестве шокирующего безразличия к человеческой жизни.

<...>

В настоящее время мы являемся свидетелями окончания одного периода и начала новой эпохи, когда существует возможность для запуска более радикальных форм коллективного сопротивления и глобального движения за радикальную демократию. Решающее значение для такой борьбы имеет необходимость создания языка и нарратива, который предлагает как устойчивую критику неолиберализма с его дискурсами исключительности, эксплуатации и социального дарвинизма, так и дискурс, который воздействует на лежащие в основе идеологические и структурные причины бедности, классового господства, разрушения окружающей среды. В

лучшем случае, нужно не движение за реформу, а проект радикальной реконструкции, направленный на создание нового политического и экономического социального порядка.

КОЛОДЕЦ #4

Дэвид Тео Голдберг

Отслеживание капитализма и COVID-19

COVID-19 предназначен для дальнейшего отслеживания капитализма.

Отслеживание капитализма — это отслеживание капитала. Он отслеживает людей по спирали громкости и диапазона, активности, движения и сетевого взаимодействия. COVID-19 способствует переходу от отслеживания вирусных потоков к нормализации отслеживания жизненно важных показателей каждого человека: частоты сердечных сокращений, температуры тела, местоположения и взаимодействия с другими. Отслеживание переместилось из коммерческого предприятия в область биополитического контроля, поскольку нам неоднократно напоминали, что время от времени выходит из-под контроля. Микробы проникают в неохраняемые промежутки, поскольку эти экообразования структурно оседают на месте, поселяясь там, где их меньше всего ожидают, потому что они наименее видимы и поэтому доступны для контроля. Технотрекинг, уже встроенный в процесс экономического развития и внедрения.

Наблюдение — это общий термин, принятый для пристального внимания к человеку, отслеживания его движений и мыслей. Технологически усиленное наблюдение насчитывает около столетия. Например, прослушивание телефонных разговоров началось в 1930-х годах и было направлено против подозреваемых преступников, а также рабочих и политических активистов. Совсем недавно, отслеживание предоставило точные технологии, необходимые для этого микромониторинга. Запутывание данных, управляемое, если не манипулируемое потребление, навязанное и выработанное политическое обязательство и выбор, объединяет огромную экономическую и политическую власть. Быстрое развитие искусственного интеллекта и технологий машинного обучения было сосредоточено на технологиях отслеживания в современной политической эконо-

мии. В начале распространения цифровых технологий пользователи обратились к поисковым системам, таким как Google, используя их как средство для поиска. С ускоренным переходом к распространению трекинг-капитализма, Google и другие поисковые системы всё чаще становились трекерами, а пользователи — отслеживаемыми. Результаты поиска стали средством. Полученные в результате профили с тех пор повысили огромную прибыльность, порождённую индивидуальными потребительскими практиками и сопутствующими технологиями социального контроля.

Например, после заключения соглашения между Китаем и Италией по проекту «Новый шёлковый путь» китайские предприниматели вложили значительные средства в индустрию моды в Северной Италии. Они привезли большое количество китайских рабочих-мигрантов. Например, в Прато, производственном центре за пределами Флоренции, работает 60 000 человек. Их приезды и отъезды, возможно, частично объясняют лёгкость, с которой вирус распространился в Ломбардии, с ноября, когда считалось, что самые ранние случаи заболевания зафиксированы в Ухане, незамеченными, до конца февраля, когда были зарегистрированы первые случаи заболевания в Италии. Некоторые отслеживания видимы, другие более дискретны.

Юваль Ноа Харари признаёт, что режим, способный передавать, хранить и анализировать генетические данные всех своих граждан, будет лучше подготовлен для эффективного решения медицинских проблем. Или, в этом отношении, последствия глобального потепления для здоровья. В 2017 году на рынок поступило новое лекарство, включающее «цифровую систему отслеживания приёма внутрь», позволяющую практикующим врачам определять, правильно ли пациент впитывал свои лекарства. Но, как быстро признаёт Харари, такого рода события также приведут к тому, что нынешний медицинский режим будет доминировать всё более и более неоспоримым образом. Скорее всего, государство сможет наделить полномочиями тех, кто под его юрисдикцией процветает, укрепляя

свою необузданную власть над жизнью и смертью. Мы уже являемся свидетелями расчёта выживаемости коронавируса и, соответственно, увеличения продолжительности жизни. Харари называет это «цифровой диктатурой». Цифра может стать диктаторской двумя взаимосвязанными способами. Цифровое профилирование может вскоре дать подсказку о формирующих жизнь решениях: не только о том, что изучать и какую профессию приобретать, или на ком жениться, но о том, кто может жить в пандемии, а кто нет. Он также может предоставить правителям потрясающие технологические средства для усиления авторитарного господства и контроля.

Таким образом, отслеживание капитализма позволяет отслеживать глобальные движения человеческого капитала, своевременную доставку рабочей силы и продуктов, угрозы и сбои. Отслеживание движет микро-нацеливание — генов и белков, которые играют причинную роль в болезни, людей с болезнью и тех, с кем они взаимодействуют, этого состояния и когда, если вообще, вмешиваться в лечение. Фуко, как известно, проводит различие между изгнанием как политической технологией, регулирующей реакцию на проказу и сдерживание, как противодействием чуме. Отслеживание капитализма тонко настраивает коварную динамику: держать тех, кого нужно запертыми, в то же время определяя, кого следует запереть. В реальном времени происходит тонкая настройка правительственной секьюритизации как новой логики доминирования, программирующей наше время.

Джейк Чепмен

Четыре свадьбы и братская могила

«Легче представить конец света, чем конец капитализма...»

До появления коронавируса это утверждение (приписываемое как Жижеку, так и Джеймсону) было доведено до популярного трюизма, поскольку оно прекрасно описывало преобладающий политический тупик, в котором люди оспаривали своё будущее, но казались неспособными к действию. Будущее предвещало экологическую катастрофу, но, тем не менее, оно было достаточно далёким для того, чтобы компенсаторные сценарии разыгрывались дезинформационной машиной Голливуда — с каждым новым фильмом о катастрофах с франшизой, который отыгрывал нашу совесть для нас, каждый раз, когда конец света предотвращали чемпионы капитализма — неолибералы.

До появления коронавируса мы, европейцы, стремились к хаосу, сохраняя спокойствие и обходясь идеями о конце света — как будто для того, чтобы понять, что неопределённость должна была держать его в страхе. Судьба была представлена нами ещё до того, как она действительно произошла, поэтому будущее может быть предотвращено спонтанно. Что может быть лучше, чем будущее, бесконечно отложенное, с несогласными идеологиями, оспариваемыми в настоящем, без надежды когда-либо быть реализованными?

Когда в 1977 году в пустоту бросили капсулу времени Карла Сагана «Вояджер», он хотел сообщить «что-то очень обнадёживающее о жизни на этой планете». В настоящее время он находится на расстоянии 1372,32 световых года в созвездии Камелопардалиса, излучая реликты человеческой деятельности в пространстве и времени как неискажённую идеологию, нацеленную на некое воображаемое войско инопланетян; с достижениями Баха и Ньютона как лучшей космической рекламы для человечества, чем чума, мор или Освенцим.

КОЛОДЕЦ #4

То, как люди могут объяснить своё время на Земле воображаемым инопланетян, подобно зрителям кино, говорит о том, как мы восстанавливаем анимистическую мифологию прогресса из пустоты времени (и пространства). В то время как «День после завтрашнего дня» (2004) потворствовал новым увлечениям экологического искупления, наблюдение за «Инфекцией» (2011), очевидно, не обеспечило такой идеологической неприкосновенности к предстоящей инфекции. И что такое коронавирус, кроме зверского коллапса времени и пространства?

Внезапно нам приходит невообразимое, поскольку судьба разлагает оптимистический буфер, отделяющий настоящее от бездны будущего. С изображениями катастроф, наша мазохистская культура разыграла потенциал краха как кошмар, из которого мы всегда можем проснуться и загладить вину. Но с появлением вирулентной пандемической заразы реакция становится явным неверием, как будто многие годы адаптации нас к бедствию не сделали ничего, чтобы подготовить нас к микроскопической реальности, которая теперь проникла в наши проницаемые общественные органы, положив конец принимать на веру безопасное богословие цивилизации

«Четыре свадьбы и похороны», предлагает идеальное идеологическое соотношение между любовью и смертью, в то время как вирусы бурлят и мутируют в скрытых уголках человеческого болота. А что более опасно, чем само человечество? Сэмюэль Батлер, пишущий в 1872 году, отметил: «Человек — такой же улей и рой паразитов, что сомнительно, является ли его тело не более чем их, и является ли оно чем-то иным, чем просто другим видом муравейника».

То, что мы испытываем тогда с коронавирусом, это месть нечеловеческого, пришедшего, чтобы освободить нас от нашего догматического сна. Таким образом, коронавирус обнаруживает «ужас, кишащий камнем культуры», как мог бы сказать Адорно. Коронавирус рушит будущее в настоящее, открывая для нас предвосхищение космического ничтожества, но воспринимается как

ужасающее утверждение возвышенного — видение невозможной широты того, что пришло для всех нас, возможно, в целом, нематериальной реальности это охватывает нас в ужасе, что мы неспособны полностью понять больше, чем мы можем избежать; так как наша мысль повторяет Берсани наше мышление — это всего лишь «экскремент бытия», у нас нет большей претензии к бессмертным звёздам, чем у сизифов навозного жука, манипулирующего кормом в направлении какого-то непознаваемого, неидентифицируемого горизонта, только с неявной уверенностью, что такое движение во времени является просто хайдеггерианским «бытием-существованием к-смерти».

Коронавирус разрушает человека как вид, это дар безличной смерти, которая пересекает противоречие между неолиберальной единственной монадой и ульем заражения, которое является человечество. Заражение умоляет нас пересмотреть наше отдельное онтологическое обозначение, поддаться смежности бытия, подчиниться транс-таксономическому дрейфу биомассы, то есть жизни (и любви) как переносчикам инфекции; эта идентичность — метафизика, которую так легко лечит коронавирус. Возможно, теперь можно представить конец света и конец капитализма, но есть ли у нас желание действовать?

КОЛОДЕЦ #4

Юджин Такер

Патологическая жизнь

Теория избыточна. Достаточно описания. В своей простейшей форме вирус представляет собой генетический материал (часто короткую одноцепочечную молекулу РНК) внутри оболочки (обычно белковой с внешним слоем липидов). Вирусы могут размножаться только внутри клеток другого организма-хозяина. Сложные структуры этих организмов-хозяев перенаправляются вирусом на создание новых инфекционных агентов. И так далее. Спектр организмов-хозяев для вирусов очень широк и разнообразен: от древних видов растений до не-очень-древних миллениалов, от сложноустроенных микроорганизмов до не-очень-сложноустроенных политических лидеров. Но вирусы не способны выполнять даже самые простейшие процессы, которые обыкновенно проходят в микроорганизмах, не говоря уже о растениях, животных и людях. И всё же они воздействуют на жизнь на генотипическом и фенотипическом уровнях. Миллионы вирусов можно найти в любой природной среде, но только около 5000 видов были определены. Некогда проигнорированные, сейчас вирусы считаются важным фактором эволюции. Всё это заставило ведущих учёных задуматься о том, что же такое вирус. Это что-то живое? Или это неживой патоген? Если вирусы не живые, то как мы можем объяснить их чрезвычайно точную, постоянно мутирующую биологическую эффективность? Больше вопросов. Откуда взялись вирусы? Являются ли они эволюционными потомками доброкачественных генетических структур, вроде плазмид? Или они — это боковая ветвь примордиальной бактериальной эволюции? Или их корни лежат где-то ещё? (И да, почему нет, может быть, они из открытого космоса?) И самое главное, чего они хотят? От меня?

Этот последний вопрос является наиболее абсурдным, но также и наиболее показательным. Субмикроскопическая цепь РНК плюс протеиновая оболочка тесно связаны с глобальным чрезвычайным

положением, запретами на перемещение и карантинными рекомендациями, которые меняются каждый день. Они также связаны с перегрузкой медицинской инфраструктуры, нарушением функционирования производства и сферы услуг, дестабилизацией основных социальных институтов, образом пустых полок продуктового магазина, некогда ломящихся от рулонов туалетной бумаги, панической истерией телеприсутствия во всех её карнавальных формах и падением финансовых рынков, которые сами по себе регулируются автоматическими алгоритмами торговли, цели которых не очевидны для нас, — мы неуклюжие, набитые плотью, тугоумные солипсические двуногие — прямо как для вирусов.

Пока мы не можем ничего сделать, но можем быть обеспокоены тем, как что-то, что заражает нашу жизнь, при этом влияет на неё (...включая скрытый вопрос о том, когда наша жизнь станет «нормальной», так как я устал притворяться, что занятия в Zoom действительно являются учёбой или убеждать себя в очередной раз в «аскетическом идеале» социального дистанцирования, но всё это уже есть у Ромеро, Фульчи или в «В поезде в Пусан», и почему бы не вернуться назад к «Дневнику чумного года» Дефо?... «Заражение» теперь документальный фильм... «Клэев ковчег» — определённо самая тёмная книга Октавии Батлер... Интересно, продаст ли Амазон те клювоподобные маски, которые носили во время Чёрной Смерти... никто не дошёл до теории, что люди — идеальная среда для микробов?... новая медиа-теория... человеческая культура — среда для развития... сосед сверху снова запускает кофемолку, а сейчас 3 часа ночи — на самом деле кофе бы сейчас не помешал...), также всё труднее игнорировать способы, по которым шкала человеческого беспокойства в значительной степени затмевалась бы другими, более нечеловеческими уровнями активности.

«Над нами» скорость света алгоритмических сетей. «Под нами» рекомбинантная скорость вирусного заражения. Биологическая сеть неотделима от информационной сети. В этом мире, на этой

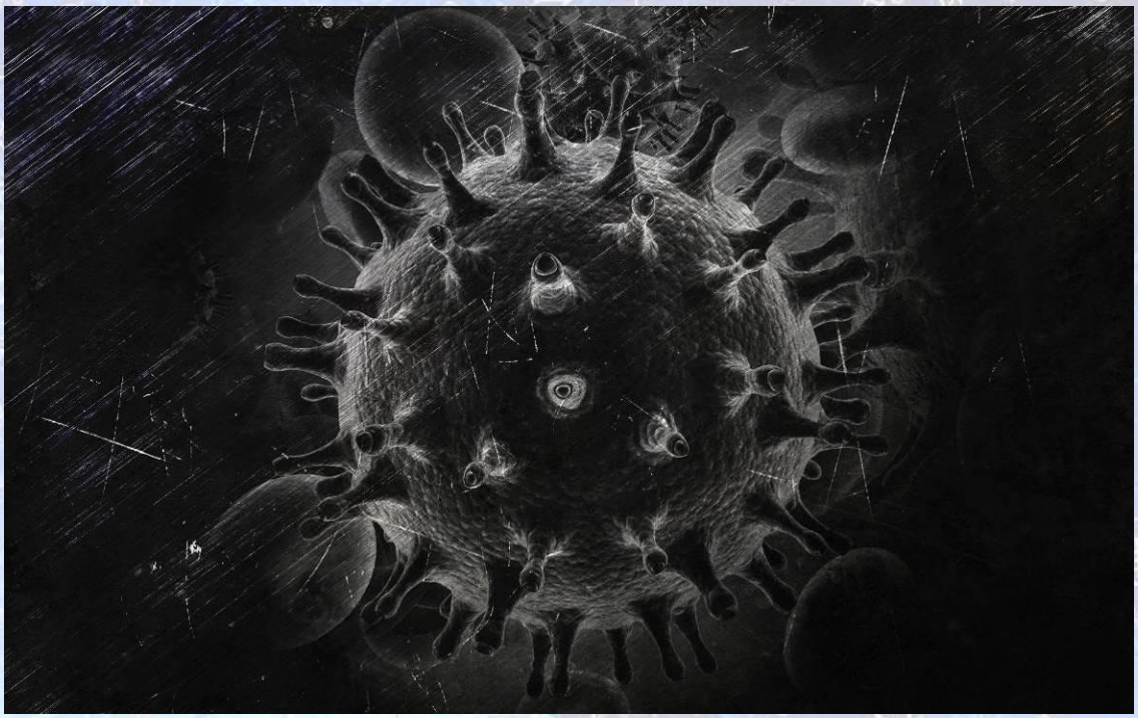
планете, сквозь эти тела. Моя родственница — медсестра, работающая в Нью-Йоркском госпитале с пациентами, заражёнными COVID-19. Она рассказала нам, что они готовились к сортировке. Прошлой ночью у неё был первый «slow code» пациент.

Именно неоднозначность ситуации заставляет меня задуматься. В какой момент нечто называемое человеком начинает рассеиваться, оставляя после себя безличную структуру шаблонов без цели?

В какой момент человек исчезнет из фокуса, позволяя чему-то нечеловеческому оказаться в фокусе? В какой момент страх смерти превращается в страх жизни?

«Воля к жизни всюду пожирает самое себя и в разных видах служит своей собственной пищей, и наконец, род человеческий в своей победе над всеми другими видит в природе фабрикат для своего потребления». Вместо того, чтобы закончить эту заметку, я решил прогуляться. Соседская кошка отдыхает на прохладном асфальте пустой улицы. Вишня цветёт.

В теле человека больше 100 триллионов микробов. Это делает нас микробами на 90% (я немного разочарован, потому что это всего лишь 90%).

Hapeksamendeus Aa

Вирусная демоно-онтология

Где источник зла в человеке, что делает его «носителем зла»? Зло присутствует в человеке на генетическом уровне самой гипермолекулы ДНК. Не зря же она своей формой напоминает переплетённых змей. Эта форма молекулы, просто один к одному, повторяет древнеегипетские изображения огромного Змея Зла Апепа свёрнутого кольцами. Конечно, это отсылает нас и к мифу об Эдемском Змее. Не его ли Яд в запретном плоде познания изменил генетическую структуру человека, заразил её злом на генном уровне, придав змеиную форму по «образу и подобию своему». Эта сущность зла в самом человеке, в каббале называется «зра ара» — «семя зла». Даниил Андреев позаимствовал этот термин, назвав «эйцехоре» — демоническое семя зла, то, что вызывает «тёмные устремления» в человеке и является источником саморазрушения и страданий. Герметизм говорит о «змее обвившем сердце» каждого человека и сосущего его, вызывая эти «тёмные устремления» в его душе, что аналогично каббалистической «зра ара», которое прямо связывают со Змеем Нечистой Стороны Нахашем.

Но наиболее впечатляюща древнешумерская отсылка, миф рассказывает, что человек был создан из крови бога Хаоса — Древнего, Кингу, полководителя орд чудовищ космического Хаоса, поверженного богами космического порядка (в принципе, то же самое говорит и древнегреческий миф, что человек создан богами из крови — «ихора», поверженных титанов). И далее в «Книге Урилиа», говорится, что в этой крови бога хаоса затаилось зло, семя изначального зла — «ужасные отпрыски Древних», «Духи Отвращения» или «Духи Мерзости», древние демоны:

«Они были сотворены перед всеми веками и обитали в крови Кингу, и сам Мардук не смог полностью изгнать их оттуда».

КОЛОДЕЦ #4

«Книга Урилия» даёт небольшой каталог этих «Духов Отвращения» из древнешумерских демонов, называя имена Хумбаба, Пазузу, Лилит и т. д., с аннотацией к каждому и сигилой.

Зло присутствует изначально в самом человеке, но оно таится, спит, вечно ждёт, как сказано: «мёртвые, но спящие». Это феральные инстинкты, атавистические начала из самих истоков эволюции человека. Эти начала можно даже изучить и классифицировать, чем занимаются «тёмные традиции», например, в каббале их назвали Клипот («отбросы»), каждая из которых может выражать определённые тип и качество (агрессию, похоть, безумие и т. д.), их можно персонифицировать в демонов и богов зла. Но они не желают вечно спать, они тоже хотят жить своим противоестественным существованием, как в фильме» Зловещие мертвецы», одержимые пробуждёнными демонами — «дедайты», страшно вопят: «мы тоже хотим жить»!

В древнееврейском предании также рассказывается, что в конце шестого дня творения Бог выделил из небытия каких-то духов, Он хотел дать им тела, но тут уже настал седьмой день космологического «отдыха» — Шаббат. Творение было закончено и так они остались без тел. Они прячутся от света и живут в диких и нечистых местах. Из-за этого они вечно голодны, они хотят жить, жить телесной жизнью, тех тел, что они лишены. Поэтому они испытывают жуткую ревность и ненависть к человеку, имеющему тело, стремясь атаковать его тело, вызывая недуги и болезни. Это идентично тем древнешумерским демонам, что и ассоциировали с болезнями.

Спящие на Ночной Стороне, лишённые физических тел в полной мере материальности, тщатся существовать в физической реальности, неся зло и ужас. На это же намекает и уже упоминаемая «Книга Урилиа», описывая этих «Духов Отвращения», что они как бы мертвы и хотят жить, хотят быть подобным человеку.

Это зло подобно спящим болезнетворным вирусам или бактериям, что в определённом количестве присутствуют в организме каждого человека. Но вот человек получает толчок к болезни, ослабление организма, стресс или простуду на холоде, иммунитет падает и происходит их вспышка, болезнь завладевает человеком. Пробуждает же зло, «открытая врата» в психэ-душе, чаще всего психо-травматическая ситуация, она может быть серьёзной (насилие в семье, тяжелейшие переживания, суицид), а может быть совсем незначительная, как взгляд другого уже «носителя зла» и подобное. Ибо зло заразительно, зло самая заразная вещь. И вот зло пробуждается всецело в человеке, завладевает им, всеми его помыслами и устремлениями, делая человека носителем и распространителем зла.

Все эти дебилковатые «чистки аур» и ещё неизвестно чего, это из области коммерческого кококультизма, ибо, когда все мировые религиозные традиции говорят об «очищении», они имеют в виду именно изгнание из человека спящих «семян зла» — «змея», растворение этой тонкой субстанции зла. Возможно, этот процесс действительно затрагивает даже генетический уровень. Не потому ли святые аскеты обладают сверхспособностями, а их тела остаются нетленны и источают тонкий цветочный аромат. Но возможно также алхимически выделить из человека эту субстанцию «чистого зла», подобно той черни (алхимическая субстанция «нигредо», «мрака души» — «чернь, чернее чёрной черни» и чёрная меланхолическая слизь), подобной показанной в сосудах из кинофильма «Прометей», которая тогда трансмутирует человека в новую сверхсущность — метафизического Чужого, и тогда чёрный адепт говорит: «я бог, я Змей».

КОЛОДЕЦ #4

«Они способны вселиться во всякого живущего. Они говорят на всех языках Вавилона и желают привести мир к Вавилонскому столпотворению Эрев Рав.

Шедим прыгают на 100 локтей. Рабби Йоханан знал более 300 видов шедим, отличающихся друг от друга способами нападения, привычками, предпочтением того или иного места жительства.

Падшие способны совершать прыжки на 150 локтей, и Святой Благословенный оставляет их на земле вне тела от вздоха до вздоха. Азазэль и Лилит совершают прыжок на 200 локтей, переносясь даже на последнем вздохе человека».

Это информация о демонах из древнееврейских каббалистических источников. Согласно им, демоны в нашей реальности нуждаются в носителях — человеке, делая его одержимым в широком смысле. Вне его, на земном плане, они существовать без вспомогательных магических средств могут лишь в течение одного вздоха, далее возвращаясь в свои инфернальные миры, как-бы засыпая

там на время. Также согласно им, степень распространения их от одного носителя к другому варьируется в зависимости от классификации в демонической иерархии.

Всё это настолько напоминает распространение вирусной инфекции, что в связи с эпидемий коронавируса приходит на ум. Собственно, то же самое, сам вирус вне тела человека долго существовать не может, ему обязательно требуется носитель, вне его он довольно быстро «засыпает» — якобы погибает, чтобы появится вновь. И также у различных вирусов различная степень инфекционной заразности - как мера прыжков демонов.

«Злые духи едят кровь, жар огня, сырость воды, они спят, населяют воздух, водные глубины, нечистые места (чердаки, кладбища, развалины, пустыри, дупла старых деревьев и др.), несутся с бурями» (Аббот, Рабби Натана) — опять-таки похоже на места источников заражения.

Вирусы - самая зловещая и загадочная форма жизни. Точнее, они существуют на стыке жизни и не-жизни, живого и мёртвого, что опять делает их сходным с демонами, которые не получили живые тела. Возможно, вирусы обладают коллективным сознанием, т. е. в совокупности есть разум того же коронавируса, который разумно и направляет распространение инфекции. Тут приходят на память евангельские слова из уст демона, на вопрос о его имени: «ибо нас множество», как множество и вирусов.

Конечно, не стоит буквально воспринимать, что вирусы - это демоны. Но как оккультное предположение вполне возможно принять, что демоны - это духовно-энергетические «вирусы» вселенной, деструктивные импульсы, находящиеся до времени в спящем состоянии и пробуждаемые при определённых условиях для вторжения в наш мир. А также, что, собственно, настоящие вирусы есть проявление на физическом плане демонической реальности, в то время как их духовно-энергетический нуклеус коллективного разума и есть, собственно, сам демон, существующий на гиперфизическом плане. Не случайно же уже первые цивилизации отождеств-

ляли демонов, прежде всего, с различными болезнями. Тут, конечно, вспоминается шумерский демонический пантеон утукку, Пазузу, Намтар, Гигим, и т. д.

«Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас множество».

(Мк. 5:8-9)

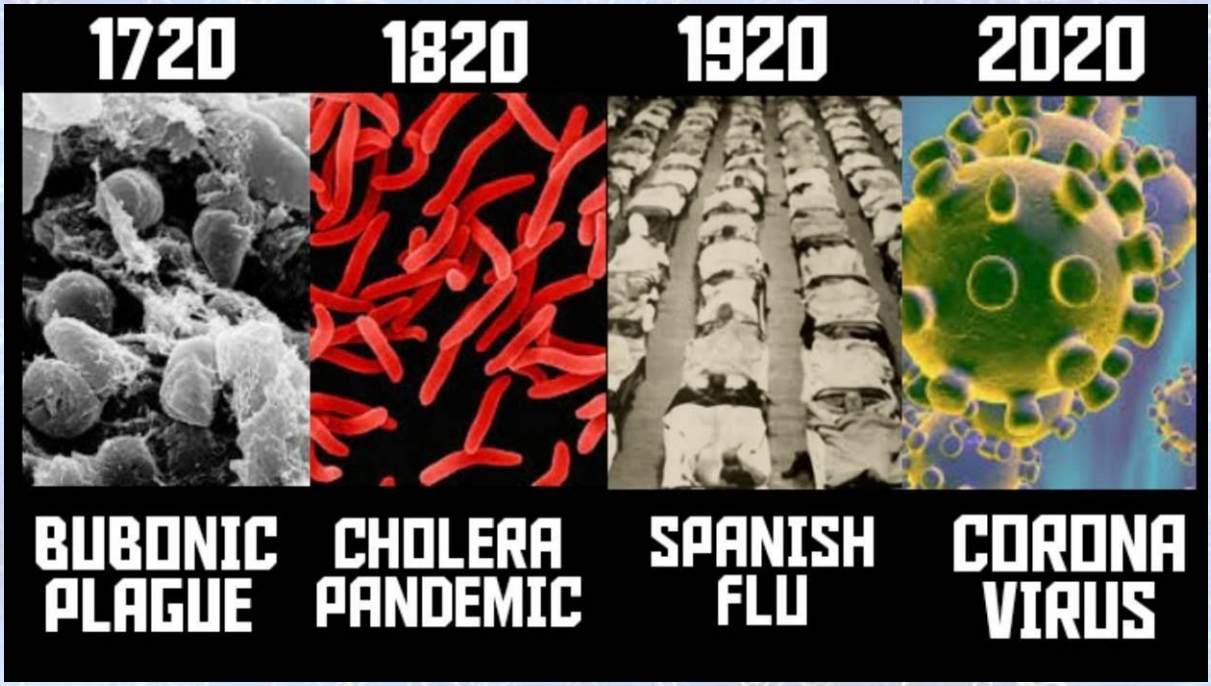
Численность римского легиона составляла 5—6 тыс. человек. Постепенно это слово стало значить в народе просто «очень много». Например, в кириллической системе счисления существовало число легион (неведий), обозначаемое особым знаком «великий счёт» — миллион миллионов, сравнимое с кириллическим числом «тьма» и сохранившимся до нашего времени значением этого слова для обозначения чего-либо несметного, Одержимый, отвечая, сколько внутри него сидит бесов, употребил это слово, чтобы продемонстрировать огромное количество демонов. Эта инфернальная бесчисленная множественность, демоно-жизней, бесов патогенных единиц, пребывающих на границе проявленной физической реальностью нашего мира и другой стороной инфернального мира, сравнима если только с множественностью вирусов, пребывающих

на границе живой материи и не живой, мира жизни и мира не-жизни.

Но почему используется военный термин «легион» — боевого подразделения? Сила, потенциал и угроза вирусов всегда были источником восхищения и страха для военных стратегов и милитаристских режимов. Естественная история вирусов с самого начала была историей невидимого врага, поражающего своей способности проникать, распространяться, размножаться, мутировать и развиваться, потенциально передавая чужеродные химические сообщения.

А что такое вирусы, существующие на границе жизни и не-жизни, не обладают ли они коллективным разумом, тот же корона-вирус в своей разумной моровой миграции? Не зря же древнейшие цивилизации отождествляли демонов с болезнями: Утукку, Намтар, Пазузу, летящих на крыльях в пылевых бурях, стаях саранчи и других вредителей. Не является ли тогда информационно-энергетический нуклеус коллективного разума вируса тем самым демоном? Тогда древние обряды консекрации/очищения и экзорцизмов/изгнания против болезней/емонов, от ещё шумеров, которые имеют информационную суть, вовсе не выглядят мракобесием, а, наоборот, гиперпрогрессивны, ибо действуют на информационном поле, до понимания которых мы ещё не дошли.

Вирусы — это одно из проявлений в физическом мире на биологическом уровне, вторжения Иного, Инородного, овладевающего и губящего, подобно одержимости бесами. Но если это вторжение Иного, то оно будет распространяться на другие уровни реальности. Здесь можно упомянуть экологические и природные катастрофы, массовая психическая нестабильность, социальное напряжение и акты агрессии, и т. д.

Бог мора — Аббадон.

Подобно тому, как есть две Афродиты — Афродита Урания, небесная богиня красоты и гармонии, и Афродита Пандемос — бородатая, гермафродитная, богиня животного естества и секса. Этот второй образ более архаичен и является божеством автохтонных до-ахейских племён Пелопоннеса. Но он вытесняется и заменяется Афродитой, которая впитывает его черты, по типу как Перун заменился пророком Илией, а какое это было божество изначально, теперь неизвестно.

Так есть и два Аполлона. Аполлон Гиперборейский — солярный бог света, чьи жрецы с севера основали Дельфы.

И есть Аполлон Сминфей — «Аполлон мышиный», бог эпидемий, который своими стрелами приносит чуму. Отсюда и произошло имя Аполлион «Откровения Иоанна»:

«Дана ей власть вредить людям пять месяцев. Царём над собой имела она ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион».

(Откр. 9:7-11)

Аваддон (евр.) также один из Адов, означает «Погибель», тление, уничтожение бытия, понималось как могила всех умерших.

В «Откровении» это уже персонифицировано в Аполлион, что означает «Губитель», Зверь Бездны. В средневековой магии Абаддон выступает как могущественный архидемон губитель, вместилище тьмы. А в текстах «Некрономикона» появляется Древний по имени Балон, чья атрибутика в виде черепов также связывает его со смертью, мором. Он имеет четырёх духов помощников, которых можно тогда отождествить с четырьмя всадниками Апокалипсиса.

Известно, что мыши разносчики инфекций. Можно полагать, что «Аполлон мышиный» является греческой заменой семитско-ханаанейского бога Решефа, который также назывался «губитель», бог мора, бог чумы.

Интересна взаимосвязь активности Солнца («Аполлон соляр-ный», Аполлон гиперборейский) и вспышек эпидемий («Аполлон мы-шиный», Аполлон ханаано-семитский), что подтвердили выводы профессора Чижевского, о росте и патогенности болезнетворных микроорганизмов при активности Солнца. И как видим, древним это было известно за тысячи лет.

Число Солнца — 6, ибо ему приписывали шестую сферу небес греки и каббала с шестой солнечной сефирой Тиферет. На основа-нии числа шесть был составлен магический квадрат солнца, так называемые «магические камеи» или квадраты для каждой планеты. Число Зверя Апокалипсиса 666 извлекается именно из этого сол-нечного магического квадрата, или Камеа, который состоит из 36 частей, или пронумерованных меньших квадратов, чья общая сумма — 666. Таким образом, 666 — это высшее число Солнца, число максимальной солнечной активности, а, соответственно, угрозы возникновения эпидемий, что персонифицировано в боге чумы и мора Абаддоне.

Также примерно 666 лет назад в Европе разразилась эпидемия чумы, которую принесли крысы. Этот год по китайскому календа-рю, как известно, — год Крысы. Эпидемия коронавируса пришла из Китая. Так снова выходим на символическую взаимосвязь с Апол-

лоном Сминфеем, Аполлионом/Абаддоном — Губителем, богом чумы и мора.

Вавилонский солнечный цикл, исчисляемый жрецами, назывался Сарос (от «Сар» — солярная сила) и равнялся примерно 600 лет — 616-666 лет, сакральную историю жрецы исчисляли этими циклами Саросами, откуда знание числа, возможно и попало в «Откровение Иоанна». Это хорошо известно в инициатический парамасонских организациях, где, по-видимому, известный финансист, стоящий за многими мировыми процессами, Дьёрдь Шварц (имя и фамилия данные при рождении), и получил инициатическое имя — Сорос.

(Бог Рефеш)

С самого начала зарождения цивилизации, все формации нуждались в человеке.

Рабовладельческий строй нуждался в рабах — в каменоломнях, на галерах, на аренах и т. п. Нуждался и в плебсе, в легионах, в храмах, в торговых лавках. И в господах, с их амбициями, завоеваниями.

Феодализм также нуждался в крестьянах на полях, чтобы обеспечивали феода, и в вассалах, чтобы воевали...

Даже капитализм нуждался в человеке — кто-то должен был работать на заводах, фабриках, и в служащих, и в интеллигенции, и в собственно буржуазии.

И вот мне кажется мы на пороге такой формации, когда человек ей не нужен, излишен... Для этой формации человек не нужен даже в качестве объекта самой жёсткой эксплуатации. Человек как вид представляет для неё лишь проблему и опасность. Для этой системы человек сам, нечто вроде вируса, он должен быть минимум взят как болезнь под полный тотальный контроль — «оцифрован» или максимум уничтожен, но в любом случае качественно изменён на безопасный для неолиберализма вид.

Мягко сбывается апокалиптическое видение антиутопий, таких как «Терминатор» или «Матрица», когда некая скрытая, обезличенная и не-человеческая система, рационально решает, что человек для неё опасен и должен быть ликвидирован.

Пандемия коронавируса лишь максимум обнажила эту тенденцию, пришпорила тенденцию (возможно искусственно). Думаю, фундаментально именно здесь лежит ответ на многие последние процессы у нас и в мире.

Примечательно, что в возникновении мировой пандемии коронавируса «обвиняются» трое существ: летучие мыши, змеи и панголины. Не заметили, что все эти существа, однозначно всегда связывались с дьявольским, сатанинским началом.

КОЛОДЕЦ #4

Летучая мышь — ну тут сама очевидность, иконография демонов приписывает им перепончатые крылья летучей мыши, также связь с вампиризмом.

Змеи — пожалуй, древнейший тотем зла, сатанинского, ещё начиная с дьявола в виде эдемского змея.

Панголин — мало того, что имеет драконический вид, ещё один древнейший устойчивый образ зла, сатанинского, так ещё и морда этого существа слишком напоминает голову древнеегипетского бога зла Сета.

Получается просто Сатанинская Троица.

Ну и в качестве курьёза, в связи с практически обязательным «масочным режимом» в условиях пандемии, несколько по-другому зазвучали зловещие слова завершающие таинственную пьесу «Король в Жёлтом», приобретя ещё более жуткий намёк:

Камилла: Вам, господин, стоит снять маску.

Незнакомец: Неужели?

Кассильда: Конечно, уже самое время. Всё, кроме вас, открыли свои лица.

Незнакомец: На мне нет маски.

Камилла: *(В ужасе обращаясь к Кассильде.)*

Нет маски? Нет маски!!!

(Роберт Чемберс, «Король в Жёлтом».)

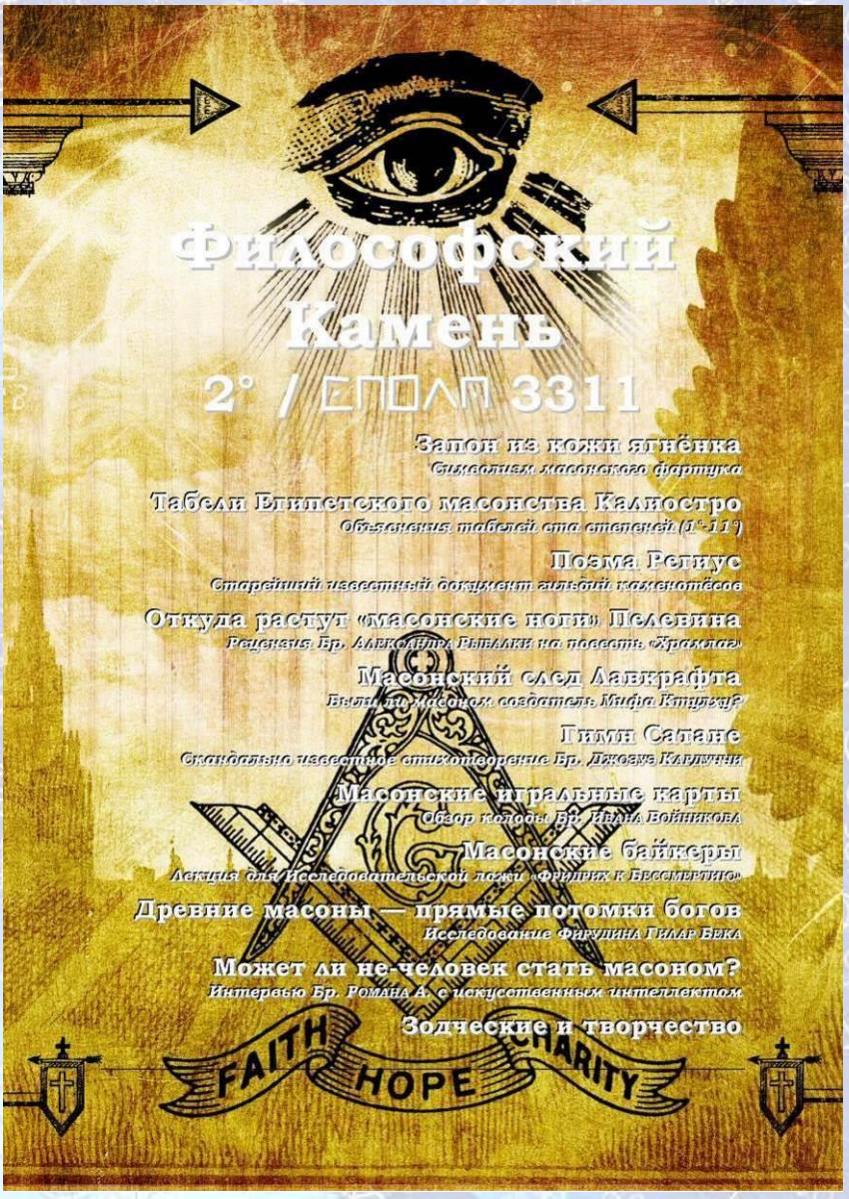

КОЛОДЕЦ #4

«Философский Камень»:

Новый журнал о масонстве

Достопочтенный Треугольник «Феникс и Ахерон» №5 на Востоке г. Калининграда/Кёнигсберга (Орден APRMM-Europe and FLC (Древнего и Изначального Устава Мемфис-Мицраим для Европы и Франкоязычных стран) совместно с научно-популярным журналом «Апокриф» (http://apokrif93.com) объявляет о создании тематического масонского журнала «Философский Камень».

METAPOLITICS

В журнале действуют следующие рубрики:

- **Чертежи:** редакторская рубрика;
- **Краеугольный камень:** общетеоретические вопросы;
- **Грубый камень:** дискуссионные вопросы;
- **Замковый камень:** Зодческие и Философские Работы (доступные для открытых публикаций);
- **Свободный камень:** литературное творчество масонов, о масонах и о масонстве.

К сотрудничеству приглашаются как члены различных масонских и парамасонских орденов и организаций (независимо от регулярности), так и сторонние авторы, интересующиеся этой темой. Кроме масонства, возможна публикация материалов о других инициатических организациях (розенкрейцеры, иллюминаты, мартинисты и пр.).

К настоящему времени вышли два номера журнала, идёт подготовка 3-го (выпуск запланирован на август 2020 года).

Сайт журнала: http://apokrif93.com/spisok-regionalnyx-predstavitelstv/filosofskij-kamen/

Адрес для связи: 93in39@gmail.com.

Nigredo

Сергей Гусев

Эпитафия

(часть первая)

Часто слышал, как люди говорят, что «жизнь дана». При этом говорящий забывает, как много при этом было отнято как у него самого, так и у его собеседника.

Жизнь не знает причин, поэтому ограничивается оправданиями.

Подавляющее большинство причин жить, которые обычно приводятся в пример, являются лучшими причинами эту жизнь покинуть.

Ошибка формулировки «memento mori» в том, что нужно не помнить о смерти, а не забывать о ней.

Разочарование отрезвляет таким образом, что опьянения начинаешь искать с двойным усилием.

Бога может извинить только безумие.

Беспочвенная тревога, внезапно охватывающая всё тело — единственное чувство, не нуждающееся в объяснении.

Есть множество способов доказать, что жизнь того стоит, и все придуманы садистами.

Страдания мира всегда перевешивают удовольствия, как наши пороки всегда перевешивают наши добродетели. Что делать с этим? Жить, тем более что у нас так хорошо получается.

Дереализация, ангедония, меланхолия — все эти слова составили бы отличные женские имена.

Он сказал, что самоубийство — не настоящая смерть, потому что это смерть, созданная самой жизнью, тогда как смерть должна демонстрировать свою власть, пожиная эту самую жизнь. Пожалуй, это самый оригинальный аргумент против самоубийства, который мне доводилось встречать.

Любовь членов семьи друг к другу в конце концов оказывается лишь привычкой, подпитываемой взаимным страхом одиночества.

Дереализация демонстрирует ценность ощущения реальности, бессонница — ценность сна, одиночество — ценность общения, но смерть способна лишь разочаровать в любой ценности.

«Невозможно прочитать и строку Клейста, не вспоминая, что он покончил с собой». Таким же образом невозможно прочитать афоризм Чорана, не вспоминая, что он этого не сделал.

С каких пор слово «бесчеловечность» стало иметь негативный окрас?

Музыка — это запах трансцендентного.

Кому-то не удаётся представить себя мёртвым, мне не удаётся представить себя живым.

Умение признавать свои ошибки и смеяться над собой ставит человека по крайне мере выше Творца.

Каждый человек, посчитав все прощания и приветствия, поймёт, что слышал как минимум на одно прощание больше.

Моя цель — поиск самой глубокой бездны.

КОЛОДЕЦ #4

Очень эгоистично с нашей стороны рассчитывать, что на других планетах есть жизнь, как и им рассчитывать, что жизнь есть на Земле.

Исторический опыт — лучшая демонстрация человеческой природы. Каждое поколение вносит свой вклад в упрямство.

Нигилист — тот, кто в пучине небытия разглядел родину.

В античность истина была связана с добродетелью, теперь — с безумием.

Признак утраты смысла — все вопросы становятся риторическими.

Ценить только мысли, способные повлиять на физическое состояние: от эйфории до тошноты, от экстаза до бессонницы, от восторга до ужаса.

Усталость, независимая от организма, духовное изнеможение, кострище вместо души.

Первые слова любого человека должны быть: «Я за себя не отвечаю».

В трудовых лагерях одним из издевательств было заставлять заключённых заниматься заведомо бессмысленным трудом. Не думал, что пытка может быть метафизическим утверждением.

Банальные мысли в книгах напоминают о человечности автора.

Читатель и автор имели равные шансы написать произведение, просто кому-то из них не повезло ещё и оказаться талантливым.

Я уже выбрал слова для описания своего мировоззрения, но никак не наберусь сил расставить знаки пунктуации.

Сдержанность в литературе имеет то же преимущество перед эпатажем, какое имеет честная женщина перед проституткой.

Тысяча кричащих восклицательных знаков не сможет задеть также сильно, как молчаливая и единственная точка.

Мы выбираем только между провалом и иллюзией.

Я бы никогда не заинтересовался философией, если бы наука могла ответить на вопрос «зачем?».

Каждое дыхание, каждое сердцебиение, каждый шаг — это утверждение жизни. Единственный способ опровергнуть все свои утверждения — покончить с собой.

Розанов пишет, что книгопечатание сделало любовь невозможной. Интернет сделал невозможной жизнь.

Одного женского взгляда достаточно, чтобы я влюбился. Одного произнесённого слова достаточно, чтобы я разочаровался.

Бессмысленность недостаточно просто понять, её необходимо почувствовать.

Займитесь каким-нибудь скучным и бесполезным делом, и вы получите лучшую метафору жизни.

Не объяснять злобой то, что можно объяснить глупостью. Не объяснять любовью то, что можно объяснить страхом.

Жить невозможно, но всё-таки недостаточно невозможно.

Мама родила меня только на десятом месяце беременности с помощью препаратов, которые применяются в случаях задержки. Прирождённый домосед. Будто ещё в утробе я знал, что ждёт меня по ту её сторону.

«Жизнь даже не бессмысленна». Потому что говорить, что жизнь бессмысленна, значит уже говорить о ней больше, чем она того заслуживает.

У России с Богом всегда были особые отношения. Если бы я был иностранцем, наверняка бы думал: «Эти русские знают что-то о Боге, чего не знает никто другой.

Должно быть, оттого они так редко улыбаются».

Первостепенная задача писателя — быть неизвестным. Это единственный способ сохранить писательское достоинство.

Чувство богооставленности сравнимо с бессонницей — чем больше к этому привыкаешь, тем хуже становится от понимания, что к этому привык.

Лейбниц утверждал, что у славянских народов не может быть серьёзной философии из-за отсутствия связки «быть», как в других европейских языках. Он не подозревал, что эти народы смо-

гут этим воспользоваться и родить религиозную философию совершенно иного порядка.

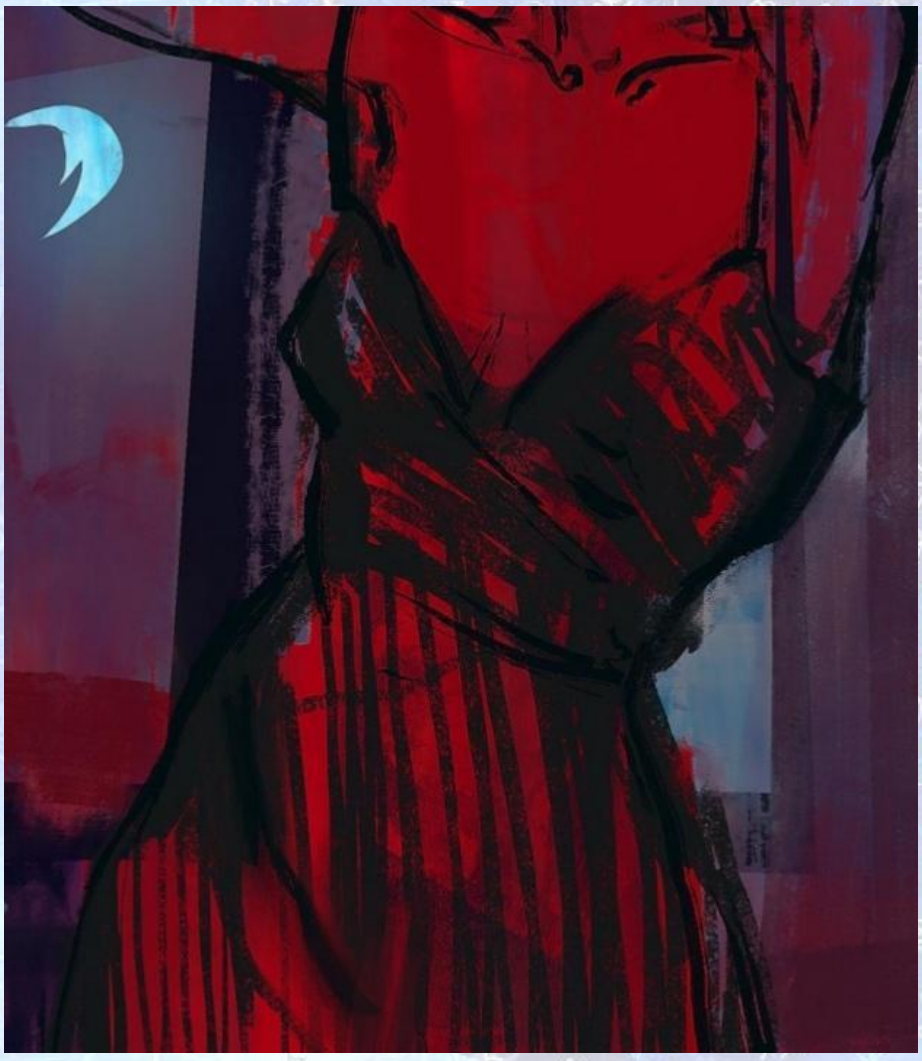
Очень противоречиво неверующему черпать вдохновение в образе Христа. Но где, если не в нём?

Тишину легко принять, молчание — невозможно.

По страницам общемировой истории можно отследить настроение Бога. Похоже, что Он в депрессии.

Хорошая, но мёртвая литература похожа на труп прекрасной девушки: ею ещё можно любоваться, но её уже нельзя полюбить.

Понятие художественной ценности будто бы само толкает предъявлять противоположному полу тот же критерий, который предъявляется к музыке или картине. Девушка-скрипка, девушка-мрамор, девушка-портрет. Искусство и девушек роднит катарсис.

Как можно понять вымышленность самой концепции времени и продолжить пользоваться часами?

Величайшая сила моего характера: никто не заденет меня так, как я задену сам себя.

Андрееву удалось перенести взгляд Елеазара на свои фотографии. Репину удалось изобразить его удивительно безмятежным. Художник жалеет людей, писатель — никогда.

В полной уверенности, что «Логико-философский трактат» станет последней книгой по философии вообще, Витгенштейн бросил философию и стал заниматься другими вещами. Уверенность, достойная управлять империями.

Я был влюблён два раза: у одной была харизма и мелодичность гитары, у другой — грациозность и нежность скрипки. Обе фальшивили.

Селин всё-таки честнее Буковски. Бардамю — настоящая сволочь, Чинаски ещё носит налёт романтики на внутренней стороне тогокамня, что заменяет ему сердце. Бардамю носил бы там значку.

Завидую верующим паломникам. Единственно возможное паломничество для меня — Рашинари и Латинский квартал Парижа.

Жизнь для меня существует только в оппозиции к самоубийству. Только желание покончить с собой может вызвать желание жить.

Ошибочно думать, что при жизни мы избавлены от своего отсутствия. Оно сидит в нас и ждёт своего часа. Мы никогда не были живы, только недостаточно мертвы.

История цивилизации, или «Как одомашнить двуногий скот».

Курить ночи напролёт, слушать дыхание спящих панельных домов и думать обо всём на свете. В такие моменты жизнь себя искупает.

Некоторые люди рождены, чтобы принести себя в жертву, и вся их жизнь сводится к поиску подходящего церемониального ножа.

КОЛОДЕЦ #4

Думать о своей жизни только с точки зрения старика на смертном одре. Только так можно понять, о чём будешь жалеть, а о чём будешь вспоминать с весёлой улыбкой.

— Оказавшись перед Богом, что вы Ему скажете?

— Я за Тебя не голосовал.

Декаданс никогда не начинался и не заканчивался. Дух Бодлера вышел из пещеры вместе с человечеством. Сейчас он, должно быть, регулярно посещает имиджборды.

С лёгкостью переношу ругательства в свой адрес, но ненавижу комплименты. Ругань говорит больше о говорящем, чем о её жертве, но комплименты задевают именно осознанием своей ложности, даже если они заслужены и правдивы.

Подписан на несколько пабликов со страницами умерших людей. В «Фаталисте» Лермонтов утверждал, что у человека, которого судьба приговорила к смерти, будто бы появляется какая-то метка на лице. Я долго бороздил фотографии на страницах умерших в поисках этой метки, но ничего не нашёл и разочаровался. Страшное осознание пришло потом: эту метку носят все.

Единственный по-настоящему рациональный поступок — самоубийство.

Из всех мыслей, которые я съедаю, я запоминаю только те, которыми давлюсь.

За те 33 года, что Иисус провёл на земле, он понял больше, чем его Отец за всё своё вечное и преисполненное бесконечным знанием существование.

Если бы я был насекомым, то непременно мотыльком. Стремлюсь только к тому, что меня неминуемо убьёт.

Ёж наизнанку: все мои иголки направлены вовнутрь.

Поэзия кажется мне привлекательной экзотикой. Когда я пишу стихи, я чувствую себя так же, как чувствовал себя, впервые пробуя ананас.

Смерть — великая справедливость и великая несправедливость. Но, что самое главное, ещё и великое утешение.

Лиготти хватило бы одного «Заговора...», чтобы навсегда остаться самым страшным писателем в истории. Сначала задаёшься вопросом: как можно так жить? Но он естественным образом сменяется другим, ещё более жестоким: как вообще можно жить?

Большинство людей аккуратно ввинчивают в жизнь, но некоторых жёстко вбивают, как гвоздь в дерево. Наверное, именно на них Бог и срывает свою злобу, сохраняя от неё других. По странной, одному Ему понятной иронии, именно люди-гвозди чувствуют жизнь острее всех остальных. Возможно, именно так Он приближает к Себе: не маня, а прогоняя, не лаская, а избивая, ведь так, в конце концов, проверяются верность и самоотверженность. Любой пойдёт на блаженство, но на агонию? Только те, для кого одно неотличимо от другого.

Она постоянно предрекала себе раннюю смерть: говорила, что не доживёт до выпуска из школы, что не дотянет до окончания университета потом. Сначала я даже верил ей, так правдоподобно и слёзно она об этом говорила. Но она жива до сих пор, и я злорадствую. Ей не удалось отделаться от жизни так просто, как ей хотелось бы, как хотелось бы всем нам.

КОЛОДЕЦ #4

Ницше был снисходителен, когда сказал, что мир может иметь только эстетическую ценность. Но всё же он прав. Полотно безжалостного художника, в равной степени прекрасное и невыносимое.

Существует два типа людей: смирившиеся и слепые. Неспособные смириться уже не существуют.

Признался ей в своей бесконечной любви к Чорану. Она сказала, что он часто противоречит сам себе. Сначала я пытался понять, в чём именно, ведь его работы далеки от академизма. Так и не понял, о чём она говорила, но подумал, что она может быть права. Это очень в его стиле.

Мало книг оставляют настолько же опустошающий след, как «Дорога» Маккарти. После прочтения хочется вырыть себе глубокую яму, лечь в неё и ждать.

Ницше пишет, что променял бы всё веселье Запада на русскую тоску. Так вот, как эта тоска называется: «русская».

Достоевский считал, что экзистенциальное мышление более свойственно русскому человеку. У других народов оно проявляется только во время потрясений и катастроф, но жизнь в России — уже потрясение и катастрофа. Страна-мазохистка, народ-мученик.

Знал ли демиург про аборты, когда отправил к Марии Гавриила с Благой Вестью?

Её существование исчерпывалось одним словом — «добродетель». Это меня поражало. Я задавался вопросом: как у неё это получается? Ответ оказался простым — она очень рано пристрастилась к алкоголю.

Сумасшествие — на удивление редкий феномен. Уверен, что человеку более чувствительному достаточно просто оглядеться вокруг, чтобы сойти с ума.

Цель: жить настолько отвратительно, чтобы даже Чёрный человек не захотел со мной разговаривать.

Нет такого замысла, который человеку не удалось бы испортить.

Я был бы куда счастливее, если бы по какой-то волшебной причине не мог задавать вопросы, начинающиеся со слова «зачем».

Предпочитать — пожалуйста, но никогда не «желать».

Одиночеству я обязан одновременно лучшими и худшими моментами своей жизни. Я — свой лучший собеседник, я же свой самый непримиримый враг.

«Мир заключают с врагами, а не с друзьями». Заключают ли мир с собой? Только через посредственность.

Для принятия большинством правда должна быть дистиллирована. Лучше всего воспринимают голую правду только потенциальные отшельники.

Окурки на асфальте придают ему чувство жизни, поэтому я всегда доношу их до урны.

Сквозь произведения Кафки сочится болезненный невротизм автора. Его творчество — автобиография страдания.

Не верю в Иешуа Булгакова, но в правдивость поэмы о Великом Инквизиторе верю больше, чем в Новый Завет.

Достоевский был готов ополчиться даже против правды, будь она против Христа. Я готов ополчиться против правды, будь она против Достоевского.

Язык — ровесник мыслей, поэтому он лучше всего подходит для их выражения. Но чувства во всей их полноте способна выражать только музыка.

Начинать каждое утро обращением ко всему человечеству: «Once more unto the breach, dear friends».

Никогда в истории человечества уже не будет такого же захватывающего приключения, как XX век.

Читая исторические книги, тяжело поверить, что люди и правда были настолько глупы. Куда легче поверить в это при чтении новостных заголовков.

Мы целовались: мои руки крепко сидели на её талии, её руки сжимали мою шею, а открытыми глазами мы смотрели друг на дру-

га. Никто из нас не верил, что другой не захочет убежать. Я не верю до сих пор.

Жизнь и смерть — женщины. Ревностно соревнуясь за внимание, каждая выглядит более привлекательной только на фоне своей соперницы. Как и со своими возлюбленными, я разочаровался в них обеих.

Каждый раз уверяешь себя, что хуже уже не будет. Каждый раз зарекаешься.

«Дыру размером с Бога» невозможно залатать или хотя бы скрыть. Вот и ходишь, как дурак, дырявый.

Каждый день я улучшаю навык подрывания собственных желаний. Когда-нибудь я стану настолько хорош в этом, что заморю себя голодом, как Симона Вейль.

Как и любой другой человек, я обладаю определённым содержанием. Но то ли главы не дописаны, то ли разбросаны не в том порядке.

Чувствую себя как дома только «на вершинах отчаяния».

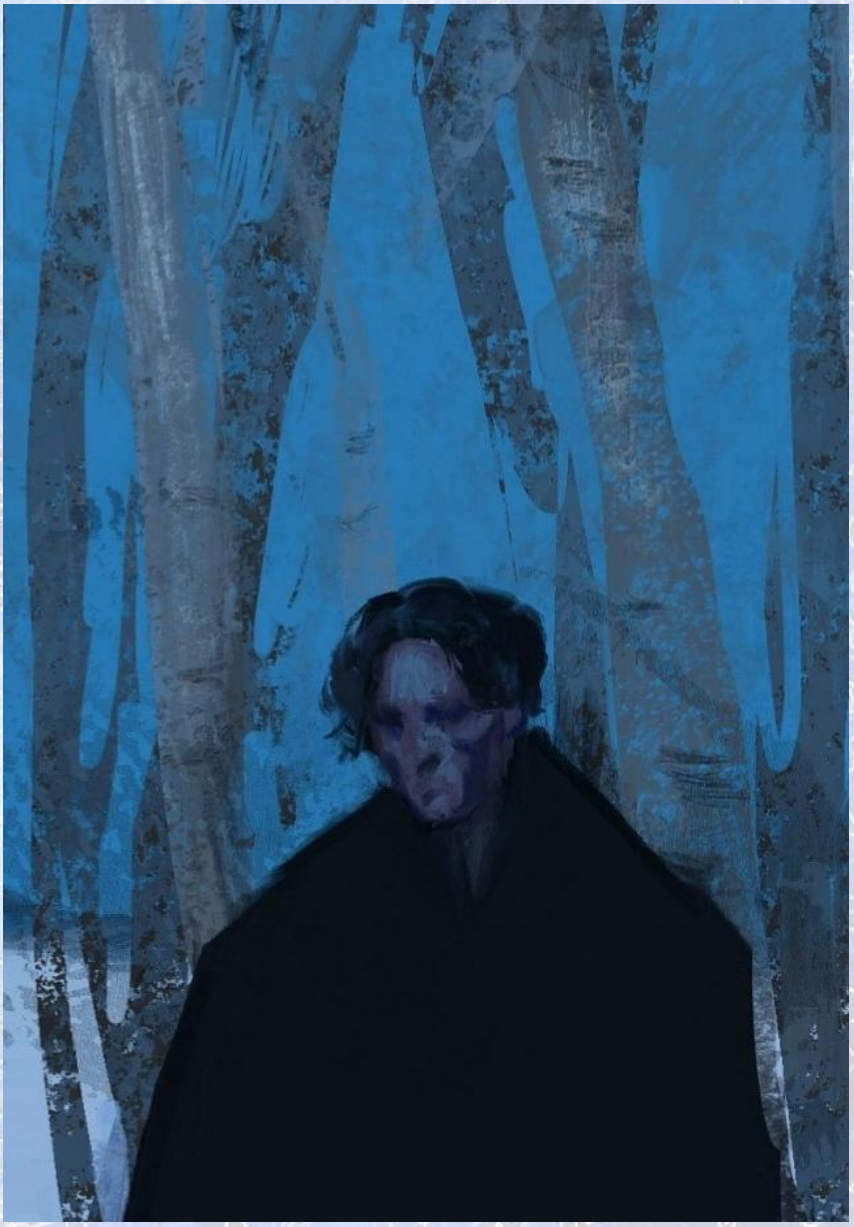
Дело не в «потерянном поколении», дело в тех, кто в силу своей природы теряется в любом поколении, будь то Великая Депрессия или Великое Изобилие. Они оторваны не только от своего поколения, но и от всего остального: семьи, общества, политики, высокого искусства, отношений, самих себя, в конце концов. Литература для них не прихоть, а костыль.

Больше всего меня пугает искренний оптимизм. До какой степени нужно отчаяться, чтобы поверить в возможность хоть малейшего движения к лучшему?

Любому порядочному человеку стоит хоть раз посягнуть на свою жизнь. Иной депрессивный откроет в себе бесконечное жизнелюбие, иной счастливый с удивлением обнаружит, что продолжать жить ему решительно незачем.

Быть душераздирающим, как «Последняя лента Крэппа».

Не чувствую себя исключительным, только отчуждённым.

Меня поразила мысль о том, что страдание — не присущее исключительно жизни свойство, а что оно существует само по себе, живое лишь способно уловить те волны, на которых страдание вещает. Я уже видел плачущее человечество, но я ещё не видел рыдающего космоса.

Бодлер дал мне исчерпывающее определение: «монах, забывший Бога».

Одиночество — странная штука. Собери одиноких вместе, и они останутся так же одиноки, потому что причины, обрёкшие их на одиночество, не залатывают друг друга.

КОЛОДЕЦ #4

Мне трудно сказать, что я не верю в Бога, потому что каждый день сталкиваюсь с его ненавистью. Достаточно один раз взглянуть на этот мир, чтобы понять — этот ребёнок не был желанным.

Жизнь берёт заложников, но не оставляет выживших. Она ведёт войну на истребление.

Отказ от веры в Бога не означает отказ от веры вообще. Остаётся множество различных конфессий: гуманизм, искусство, прогресс, справедливость, государство, народ и т. д. Отказ от веры вообще означает тотальное отречение от всего человеческого, но и здесь тяжело противостоять соблазну поверить в свой отказ верить.

Мы знаем слишком много. Какой-то учёный, рассуждая о нелепости религиозной веры, приводил в пример коллегу-астронома, который изучал планеты и звёзды возрастом в несколько миллионов лет, но при этом был убеждён, что Земле, согласно Библии, где-то шесть с половиной тысяч. Уверен, что это иллюстрация не столько логики религиозной, сколько логики человеческой. Неудобные для жизни вещи мозг сам вытесняет на задворки сознания, лишь бы продолжать жить, как ни в чём не бывало. Как можно волноваться о чём-либо, зная о своей смерти? Или о самой концепции бесконечности? Или о космосе? Или о своей беспомощности перед лицом жизни? Достаточно лишь дать ход хотя бы одной из этих или многих других мыслей, чтобы обнаружить всю ироничную самозабвенность человека. Земле и правда далеко не шесть тысяч лет, но и жизнь далеко не так хороша или ценна, как мы привыкли о ней думать. Уверен, что этот учёный, являясь астрономом, продолжает расчёсываться.

Подумать только: знать о существовании бесчисленных галактик, звёзд и планет, о непроглядной космической тьме, и несмотря на это следить за причёской.

Мечтаю о поколении, для которого слово «человек» будет оскорбительным.

Мы были едва знакомы, и она предложила мне себя. Но после её рассказов о своих проблемах я невольно принял роль проповедника. Стоит ли говорить, что до её предложения дело так и не дошло: невозможно выйти из храма и завернуть в бордель.

Чем больше хожу в театры, тем сильнее презираю театральную публику. Воздух так насыщается снобизмом и самодовольством, что становится невозможно дышать.

Самоубийство — непозволительная роскошь для меня. Мне ещё нужно оплакать слишком многое.

Семя мудрости взрастает только на засоленной земле. К тому же это единственное семя, способное на ней взойти, и единственная почва, из которой оно всходит.

Молодость — пора ошибок, старость — пора сожаления. Молодой, полный сожаления, стареет раньше, чем старый, но готовый для новых ошибок человек.

Писать для меня — всё равно что выташнивать мысли. Это не удовольствие, это прямое следствие недомогания.

Все мы носим траур по несбывшимся мечтам и надеждам. Для нас они куда реальнее других людей, потому что было время, и мы ими жили, утешались ими так, как не смог бы утешить нас ни один другой человек. Мы долго их консервировали, солили и перчили по вкусу, но оказалось, что это всё было зря. В конце концов, так можно сказать про что угодно, от возникновения вселенной до выбора носков: «зря».

Слишком многое в жизни опирается на чудовищную предпосылку, что людям вообще хотелось бы жить. Имей они возможность оценить другие перспективы, я уверен, они бы удивились, что кто-то вообще может сознательно предпочесть рождение.

Никому не повезло не родиться. Грустно и смешно.

Моё мировоззрение — сундук с бесконечным двойным дном. Сначала я верил в Бога, потом отрёкся — следующее дно. Я верил в гуманизм, искусство, всю прочую чепуху — следующее дно. Перестал в это верить, потерял веру в ценность жизни как таковой —

следующее дно. Нашёл в жизни эстетический смысл и своеобразную глубину — следующее дно. Снова перестал доверять жизни и ударился в пессимизм — следующее. Последние две фазы у меня зациклены, они дополняют друг друга, как инь-ян. К этому можно и свести всю жизнь — постоянное пробивание дна.

Больше всего в Камю меня удивляет то, что его абсурд не чёрного цвета безысходного отчаяния, а золотистого цвета алжирского солнца. И всё же его оптимизм этим же солнцем и ослеплён.

В привязанности к жизни есть что-то от мазохистской привязанности лакея к господину — он благодарен даже за розги, в первую очередь за розги.

Меня не столько раздражают религиозные фундаменталисты, сколько атеисты, не желающие разглядеть в религии ту глубину, которая ей присуща. Насмехаться над потерей Бога может кто угодно, но оплакать Его решаются жалкие единицы.

Существовать исключительно мыслями, лишь изредка позволяя себе отвлечься на жизнь.

Моя тень куда реальнее, чем я сам. Иногда мне кажется, что это она меня отбрасывает, а не наоборот.

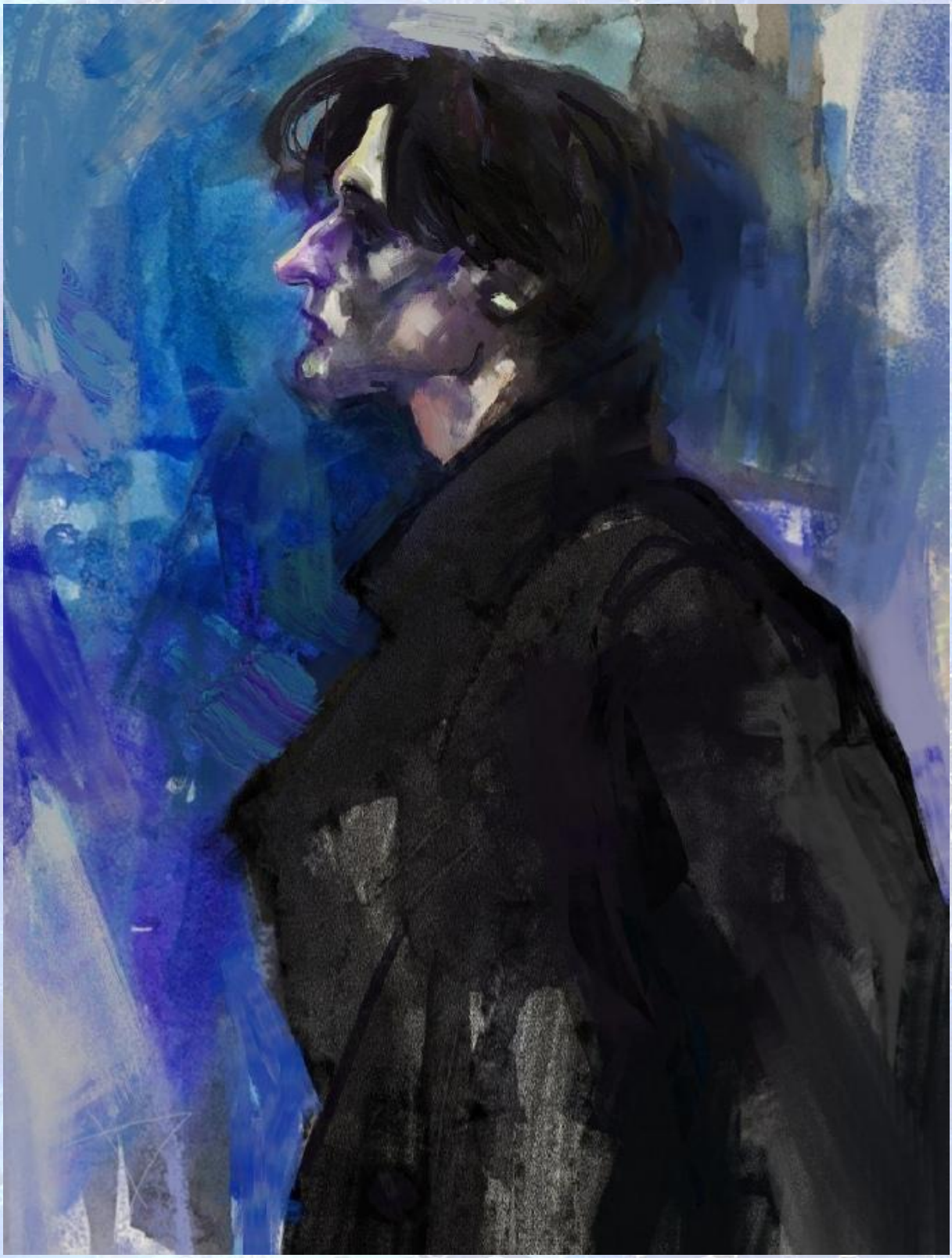
Перед входом в квартиру чувствую физическое напряжение. Мне здесь не место: ни в квартире, ни где-либо ещё.

Я не верю тому, кто гордится своей национальностью. Ватники в России, реднеки в США, другие ура-патриоты не поняли суть своей принадлежности к тому или иному народу. Национальность — не предмет для гордости. С национальностью можно только смириться и нести её, как крест.

Водка только потому и стала русским национальным напитком, что она непременно толкает на исповедь.

NIGREDO

Обречённость на себя — одно из самых невыносимых наказаний жизни.

КОЛОДЕЦ #4

Знаю о ненаучности психоанализа, но меня всё равно к нему тянет. Меня покорила концепция Танатоса как противоположности Эроса. По прочтении об этом всё тут же встало на свои места: «Так вот оно что».

Не могу не предпочесть Есенина Маяковскому, но по двум не имеющим отношения к творчеству причинам. Во-первых, мы носим одно имя. Во-вторых, петля мне ближе, чем пистолет.

Я происхожу из своей природы в той же степени, что она происходит из меня. Мы зависимы друг от друга, мы ссоримся и миримся, как супруги. Этому внутреннему разладу я обязан всем своим творчеством, попыткой загладить вину перед самим собой.

Как можно понять другого человека? Как можно вычленить из всего внутреннего космоса пару галактик и сказать, что понимаешь?

Она была огнём. Неудивительно, что после неё остались только тлеющие угли.

Отец процитировал мне какого-то известного актёра: «Жизнь — дорога, только у кого-то это кругосветное путешествие, а у кого-то путь до булочной».

Гоголь скучал в Назарете так же, как и на обычной почтовой станции в России. Дело не в расстояниях и видах, а в содержании путешественника. Для иного путь до булочной выйдет более впечатлительным и содержательным, чем для другого кругосветное путешествие.

Всегда завидовал монахам. Остаётся только отречься настолько, чтобы всем своим видом напоминать ходячий монастырь.

Цинизм — последнее прибежище разочарованных идеалистов. Он же прикрытие для слабых желудком.

Понимаю, почему Чоран написал «На вершинах отчаяния», но не понимаю, почему кто-либо захочет прочитать чей-то печатный стон.

Счастье — современная религия. Никогда счастье не возводилось в культ так, как это происходит сейчас. Особенно смешно

звучит мысль о том, что вселенная сама подарит тебе всё, чего ты желаешь, достаточно только сфокусироваться на этом и продолжать посылать ей сигналы.

Бога можно сравнить с конечностью, потерю которой заменили неуклюжим деревянным протезом.

По канону, Христос принял на себя грехи всего человечества как в прошлом, так и в будущем. Он видел бесчисленные геноциды, слышал скрежет ногтей задыхающихся евреев о ржавые стены газовых камер, чувствовал запах обгоревшей детской плоти, видел полные ужаса глаза каждой жертвы каждого серийного убийцы, но решил простить. Кто-то скажет, что это акт невероятного великодушия, на которое способен только сын Бога, но я этому не верю. Каждый в душе знает, что не заслуживает прощения, что уж говорить обо всём человечестве.

Сколько бы бед удалось избежать, если бы каждый родитель вспомнил, что ни одна живая тварь не давала своего согласия на рождение, включая самого родителя.

Иоанн Богослов в своём Откровении описывал жестокий Страшный Суд, но даже это не сравнится с кошмаром божественного безразличия.

Мы все умираем детьми, независимо от возраста.

Передо мной шёл старик. Вдруг он обернулся, смотря куда-то вдаль максимально отстранённым и будто бы ошарашенным взглядом. Я тоже обернулся, но там ничего не было. Должно быть, он оглядывался на свою жизнь.

Мы живём слишком мало, чтобы понять жизнь, и слишком долго, чтобы действительно насладиться ею. Нам остаётся только страдать в недоумении.

Большая ошибка судить жизнь по её содержанию, а не по её природе. Впрочем, содержанием она тоже не может похвастаться.

Акт Творения — величайшее преступление против человечества, которое только можно вообразить. Но кто достаточно смел, чтобы провести Нюрнбергский процесс над Богом?

КОЛОДЕЦ #4

Просто умереть недостаточно. Для этого нужно ещё прожить.

В минуты отчаяния я перелистываю томик Чорана, читаю с любого места и тут же успокаиваюсь. Не думаю, что он знал о целительной силе своих произведений.

Очевидно, роль религии будет продолжать уменьшаться в будущем. Всё же мне интересно: кто станет последним святым?

Каждый ответ заставляет задать ещё дюжину вопросов — это ли не лучшее доказательство, что знание чужеродно нашей природе, любой природе?

Светает. По нежно-голубому небу сонно планируют чайки. Чай давно остыл, подъезд давно уснул. Я выхожу на балкон и смотрю на редкий свет в квартирах соседних домов. Только так и можно искать товарищества ночью — среди незнакомцев, также изгнанных из племени спящих.

Самоубийство должно быть чистым отказом в высшей степени. Приняв такое решение, уже нельзя оставлять записку и задумываться о том, кто и при каких условиях найдёт тело, как оно будет выглядеть, что о тебе подумают и т. д. Настоящее самоубийство нацелено только на избавление человека от существования, всё остальное должно остаться в содержании жизни той жизни, к которой самоубийца уже не имеет никакого отношения. Самоубийство — утверждение против жизни, добровольный аборт самого себя, попытка исправить ошибку своего рождения. Всё относящееся к содержанию жизни можно наладить или, по крайней мере, создать для себя другие ценности, пережить неудачи и падения, но невозможно изменить сам характер жизни как таковой. Никогда не стоит убивать себя из-за содержания, таким людям нужна помощь. Но помощь в случае тотального отказа — худший вид насилия, поскольку он помимо всего прочего носит метафизический характер.

Это происходит так: ребёнком ты уверен, что понимаешь всё, взрослея, осознаёшь, что не понимаешь ничего совершенно, начинаешь с пубертатным пылом искать ответы и, если тебе не повез-

ло, находишь. Разумеется, эти ответы — такой же вздор, как и любые другие, но они потому и прилипают, что подходят к твоему миру, как ключ к замку. По этой причине и отличаются мировоззрения — они решают разные задачи в соответствии с тем миром, в котором живёт человек.

Объясняю своё недоверие к женщинам книгой Бытия.

Если бы у ада был десятый круг, он выглядел бы, как жизнь Осаму Дадзая.

Русский язык харизматично неуклюж.

Психопата вычисляют в том числе просьбой описать угрызения совести — он только от других знает слово «совесть» и понимает его лишь словарно, он не может рассказать, каково это. Таким же образом нужно спрашивать людей о Боге.

Страдаю гигантизмом мысли. Чуть что, сразу «Бог», «смерть», «жизнь» и т. д. Нет такого, что можно было бы взять в руки.

При чтении действительно достойных стихов в тебя как будто вселяется бес.

Знакомство с самоиронией навсегда страхует от становления диктатором.

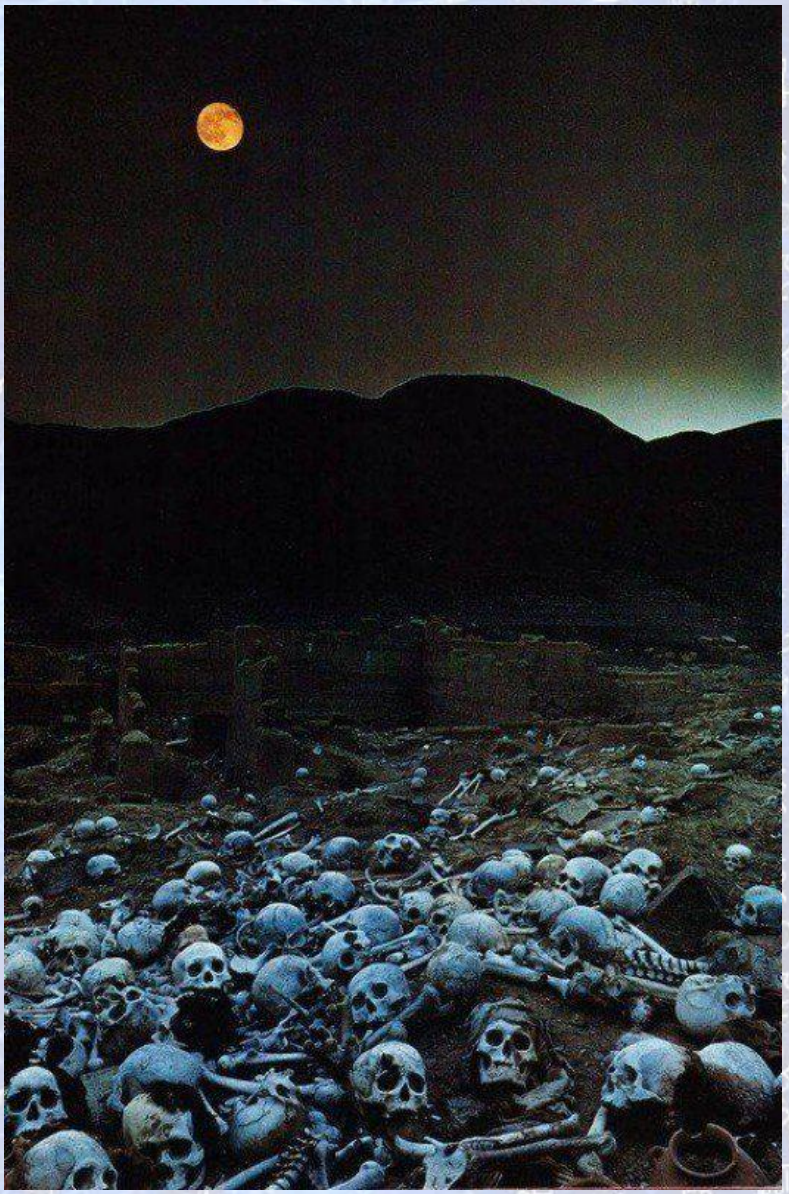
Неважно, на чьей ты стороне. У тебя всегда будут все причины чувствовать себя поверженным.

Бога нет, но это не значит, что в него не нужно верить.

КОЛОДЕЦ #4

Hapeksamendeus Aa

Русская Акелдама

Жнецы

«Итак, молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей». (Мф. 9. 38.)

ГИМН ЖАТВЕ

— Ожидание жатвы, и время собирать урожай,

— Мы придём, ликуя и неся снопы,

— Неся снопы, неся снопы,

— Мы придём, ликуя и неся снопы...

Одна некогда знакомая тёмная ведьма как-то очень верно подметила, что каждый настоящий практик оккультного имеет некий только свой визуальный образ для контакта со своим Покровителем/Божеством. Её образ — это абсолютно мёртвое выжженное поле. Пожалуй, один из самых мощных образов, как символ тотальной Смерти и аннигиляции всего сущего. Я имею в знакомых практиков «тёмных искусств», которые принадлежат к кругу, так сказать, грубо-обобщённо, «культа Смерти» в разных её ликах: Мары, Гекаты, Каина Жнеца, Нар-Марратука и так далее, и можно подумать, что сам принадлежу к нему. Наверное, противоположности сходятся. Нет, моё Божество — сама Жизнь, жизнь во всех её проявлениях, формах и мирах, во всём, от жизни атома до жизни галактик. Хотя Оно же известно и как Пожирающая Жизни, всякую жизнь вообще, пожирающая все свои же собственные порождения, но пожирающая лишь для того, чтобы трансформировать и переродить в другие формы и проявления для вечного цикла возрождения. Оно всегда порождает больше, чем поглощает, это вечный плюс. Это хаотическая ярящаяся Жизнь, беспрерывное дикое плодоносие и плодородие, чёрная пашня и семя в нём, космологическая Чёрная Матка как последняя Могила всего и одновременно

как исток всех жизней, посему представляется с человеческой точки зрения совершенно чудовищным Божеством. Поэтому я имею несколько схожий, и всё же совершенно другой визуальный образ. Этот образ у меня почти с детства, когда бабка рассказала одну достаточно жуткую и сюрреалистическую вещь.

Во время войны она, будучи ребёнком, жила в местности, где проходили одни из самых страшных и ожесточённых боёв. И вот когда они закончились, и немцев погнали дальше, жители смогли вернуться на пепелища своих домов. Бескрайние поля сражений были просто усеяны трупами и разорванными останками погибших воинов обеих армий. Вперемешку со сгоревшей техникой, снарядами и оружием валялись изуродованные трупы, оторванные конечности и головы.

Дело было зимой и вскоре всё занесло снегом. А по весне, как только снег сошёл, трупы стали разлагаться и смердеть.

Птицы слетались в большом количестве на это пиршество смерти, выходили звери из лесов, прежде всего голодные волки. И тогда кто-то принял решение собирать останки, а так как мужчин не было, послали за этим детей. И вот она вспоминала, как более маленьким дали вёдра, и они, дети, ходили по этим полям и собирали руки, кисти, ноги, головы. К более целым трупам привязывали верёвку, и на ней тащили тело к реке на переправу дети постарше. Собирали куски мёртвых тел и пели...

Вот эта кошмарная сюрреалистическая картина, выражающая вечное единство жизни-смерти, и смерти как начала новой жизни, которая, наверное, превосходит даже воспалённое воображение кисти Брейгеля и Босха, и есть мой тот самый визуальный образ. Дети-Жнецы, бродящие по полям, покрытым полуразложившимися мертвецами, разорванными на куски, и собирающие эти останки в вёдра под старинные песни, среди взлетающих птиц и бегающих зверей...

Русская Акелдама.

Смерть и девочка

(история по воспоминаниям)

КОЛОДЕЦ #4

Во время войны этот дом в деревне был самым большим и богатым, такие называют «пятистенок». Поэтому, когда немцы вошли в деревню, они сделали в нём свой штаб. Близилось контрнаступление Красной Армии. Но больше, чем даже самого предстоящего боя, немцы боялись партизан, бродивших по окрестным лесам. Они, уж если отбившийся немец попадётся им, что называется, убивали с особой жестокостью. А по ночам в избу, где спали расквартированные немцы, вдруг могли во все окна, прямо выбивая стёкла, вломиться дула нескольких пулемётов, и через несколько секунд от всех спящих в избе оставалось сплошное изрешечённое кровавое месиво. Поэтому никто не спал в центре или у стен комнат, а ложились прямо под окнами, чтоб дуло пулемёта, если такое произойдёт, оказалось над спящим, и тем он мог сохранить свою жизнь.

В доме штаба остались с немцами шестилетняя девочка и её старая бабушка.

В комнатке, что оставили им немцы, они тоже ложились прямо под окнами. И вот в середине ночи накануне наступления девочке было тревожно и не спалось. И так, лёжа под окном на полу, она вдруг неожиданно видит, что перед нею кто-то стоит, возвышаясь, весь одетый в белое. Точнее, стоят одни женские, голые и босые ноги, выглядывая из-под длинной белой рубахи, вроде ночной сорочки, а выше она не могла разглядеть, чтобы самой не встать с матраса. Девочка подумала, что это бабушка, только почему-то ноги были синюшные какие-то и грязные, будто ходили по грязной земле. «Бабушка — это ты? Бабушка — это ты? Чего тебе, бабаня?» — с некоторым страхом вполголоса спрашивала девочка.

«Чего ты не спишь-то, чего орёшь там?» — раздался голос бабушки из-под другого окна, где она и спала.

Это, значит, не бабушка, и холодный, как смерть, ужас сковал девочку так, что она не могла даже, казалось, дышать, лишь мурашки страха пошли по спине. Фигура в белом медленно повернулась спиной и пошла в направлении стены, и как бы прошла прямо через стену, вошла в тёмную стену, растворившись во тьме.

Гостья в белом не тронула и обошла девочку, ибо у неё близилась богатая пожива, близилось великая жатва.

...Наутро началось наступление, началось прямо в том направлении, куда направилась сквозь стену таинственная фигура в белом. Это были одни из самых страшных боёв под Москвой, погибли тысячи и тысячи с обеих сторон, сплошная мясорубка. А когда бои закончились, все поля и овраги были усеяны трупами, искалеченными, сожжёнными и частями тел, разорванными на куски, и всё это вперемешку с оружием и сгоревшей военной техникой. И потом, через много лет, девочка, ставшая сама уже бабушкой, вспоминала ещё одно страшное и удивительное явление тех дней. Тогда ночами над теми полями с тысячами павших бойцов вдруг как бы разгоралось неестественное зарево кровавого цвета, и будто что-то витало над мёртвыми в этом зареве до самого рассвета и раздавался гул. Когда я вспоминаю эту историю, мне всегда приходят на ум слова загадочного «Некрономикона»:

«Ныне же я знаю, что кровь есть пища для духов. Вот отчего поле брани после сечи пылает чудным светом, выдавая духов, пасущихся там».

КОЛОДЕЦ #4

Милосердие

(по воспоминаниям)

Когда оккупировали эту деревню под Москвой, то происходило это в самый разгар зимы. Всё было занесено снегом, ни пройти, ни проехать. Дело в том, что многие русские деревни расположены среди непроходимых лесов, а дороги... ну, известно, какие на Руси дороги, вернее отсутствие оных. Это отсутствие дорог можно даже принять за великий древний оборонительный замысел, ибо при их отсутствии любой неприятель в скорости просто перестаёт передвигаться, ну, а потом осенью всё размывает грязью, а потом и холодная зима. Так случилось и здесь, немцы вошли пешими, въехали на лёгком транспорте, а вот главные силы танковой колонны не могли проехать по заснеженной дороге через лес, где сугробы были по горло. А близилось контрнаступление Красной Армии, и немцам нужно было срочно занимать позиции. Поэтому они согнали всех жителей деревни от мала до велика в большой амбар на отшибе, приказав каждому прихватить лопаты. Они заставили жителей деревни расчищать дорогу через лес для прохода танков. Днём на морозе расчищали, а на закате, на ночь, опять всех сгоняли в амбар и закрывали там.

Был там и мой прадед, лихой мужик, и его друг, здоровенный детина. Этот его друг занимался тем, что резал скотину по всем окрестным деревням, посему ему удалось тайком прихватить с собой большой нож, которым он, собственно, и резал скот. Надо сказать, что это вовсе не простое дело — забой скота, тут нужны знания и сноровка. Хуже всего и труднее резать свинью, шкура у неё очень толстая, поэтому её надо заколоть, причём с одного удара в определённое место, кое нужно знать. А коли промахнёшься, так свинья до того сбесится от боли, что так и будет носиться по всему двору, страшно визжа и всё заливая кровью. Но опаснее всего то, что свинью эту никому не удастся остановить, пока она кровью не истечёт, а по пути она будет всё ломать, крушить, рвать пятаком в предчувствии близкой

смерти. А если ребёнок или старуха в этот момент зазевается и попадёт на пути, то и их в клоки порвёт пятаком свинья. Потом на двор скотина долго не войдёт, сколько не бей её, чувствуя запах свиной крови.

И вот, сидя в этом амбаре, они решили во что бы то ни стало выбираться оттуда. Кто их врагов фрицев знает, что они задумали, сейчас жители ещё нужны, чтоб для них дорогу расчищать, а когда дело закончено будет, что случится? Может, они вот так запрут всех да подожгут амбар, все и сгорят заживо, и бабы, и дети. Но дело осложнялось тем, что у дверей немцы оставляли на ночь вооружённого часового. И вот эти двое полезли ночью под потолок амбара, расковыряли соломенную крышу и пролезли тихонько на неё. Смотрят сверху, действительно, туда-сюда часовой немец у двери ходит. Всё как положено, в шинели, винтовка на плече, на голове каска фашистская. Мой прадед говорит шёпотом своему другу, мол, дай нож, я спрыгну на него сверху и, как свинью, одним ударом приколю, чтоб и взвизгнуть не успел.

Только не совсем так случилось, спрыгнул он сверху на немца, да не заколол, а сзади схватил и по горлу ножом резанул, да с такой силой, что аж кость в шее перебил.

Башка прямо в каске и отвалилась, как яблочко срезанное, на одной кожице и повисла. Немец упал как подкошенный, действительно и пикнуть не успел. А он стоит над ним и думает, что же голова у него так легко срезалась, ведь у мужиков шеи крепкие, толстые. Перевернул он его, а это мальчишка какой-то, лет восемнадцать — двадцать, худенький, рыжий, в конопушках весь. Вот думает, суки, и куда же они его такого мальца призвали, сдохнуть вот так, среди снегов России, в безвестности. И стало ему на мгновение жалко его даже, стал жалеть, что зарезал ведь практически ребёнка ещё, да жестоко так. А если можно было бы как-то иначе, просто оглушить его что ли, а вдруг тогда тот закричал бы...

Но тут ему вспомнились дети и бабы в амбаре, ведь не убей он этого ничтожного немчика, все бы они могли погибнуть, точно, сожгли бы они всех. Нет тут места никакому милосердию и состраданию — надел касочку, значит, враг, и не важно, кто, а враг должен быть уничтожен. Тут и жалость ушла, пнул он валенком по этой башке в каске, кожица-то и оборвалась, на коей ещё держалась, прокатившись мячиком во тьму.

Открыли они амбар, выпустили всех, все и разбежались в ночи. Вернулся он с семьёй в свой дом, там и рассказал своим, всё как было, что часовой тот совсем мальчишка ещё был. А старуха мать, кою деревенские за ведьму почитали, и якобы предвидеть могла, ему и говорит: «Не кори себя, не важно, кто он там был, мальчик али баба, он враг был, не ты к ним, а они к нам пришли, и это война, и нет тут ни милости, ни пощады никому. Нас бы они не пощадили. А помилосердствовал бы над тем мальчишкой, то и ты, и все бы мы мертвы были к утру второго дня».

Вендиго

(по воспоминаниям)

В фольклоре североамериканских индейцев есть предания о Вендиго — ужасном и чудовищном духе лесов. Приходит Вендиго с севера, в самые холодные зимы, когда уже кончаются запасы продовольствия и начинается голод. Он насылает на людей безумие, они мечутся по лесам и в итоге предаются от голода каннибализму.

Накануне боёв жители деревень убежали в лес, а в их домах немцы сделали оборонительные позиции, прорыв меж ними окопы, и соорудили блиндажи. Наступление Красной Армии началось с залпов «катюш», бои были страшные. Так что после их окончания, когда немцев погнали дальше, то возвращаться было некуда, деревень, по сути, не было уже. На месте домов остались руины, пепелища, одни печные трубы торчали. А убегали в лес без всего, что можно лишь, с собой прихватили. Посему сделали в лесу, как смогли, срубы, да так и остались в них на зиму, всё лучше, чем в чистом поле помирать. Скопом и жили в этом срубе, естественно, антисанитария была страшная. С питанием было совсем плохо, ели просто, что придётся. Спасло от голодной смерти лишь одно, что на полях сражений, помимо массы убитых солдат обеих армий, валялось множество убитых лошадей. Морозы были страшные, поэтому трупы промёрзли насквозь, и вот, чтобы от лошадиного туловища как-то оторвать кусок, приходилось его пилить пилой от туши. Вот этой промороженной кониной и питались постоянно, испытывая непрерывное чувство голода и холода. От антисанитарии и скученности людей в этом срубе завелись массы вшей. Моей бабке было лет шесть, и она вспоминала, что от обилия вшей скинутая вещь даже шевелилась. Вскоре началась эпидемия, младший брат бабки, четырёх годиков мальчонка, помирал, и нечем было ему помочь. Умирая, он просил яичко хоть бы скушать. Да где же его взять, яичко-то? Так и помер малыш с мечтой всего лишь о яичке.

КОЛОДЕЦ #4

Её девчонкой посылали с пилой и ведром к убитой лошади на окраине леса, чтоб хоть чего-нибудь отпилила от замороженной туши. На этом окоёме не было убитых мёртвых солдат, а вот лошади мёртвые остались. Зато с другой стороны леса, выходящей на большие поля, хотя лошади тоже были, но вместе с ними и сгоревшей военной техникой осталось намного больше человеческих трупов. Они были целые и разорванные на куски, русские и немцы вперемешку, валялись с пустыми уже глазницами, что выклевали птицы. Это было кошмарное, ужасное зрелище, поэтому не то, что ребёнок, но и взрослые старались лишний раз не выходить к полям с павшими. Вот и в этот раз девочка пошла в сторону мёртвой лошади, точно помня тропу, по которой ходила уже не раз. Да и как не помнить, она менее всего хотела оказаться на поле со страшными мертвецами, которых увидела один раз, вскоре после окончания боёв, и это зрелище её напугало. Ошибиться было нельзя. Она шла знакомым маршрутом, и вдруг лес зашумел, как будто налетел ветер. А потом вдали стало слышно, как стали падать деревья, будто что-то огромное пробиралось через чащобу. Ей стало очень страшно, оно двигалось прямо в её сторону, и чем ближе оно приближалось, тем становилось страшнее. Она слышала предания о Лешем, который нагоняет на людей в лесу ужас или заставляет их плутать, чуть ли не до смерти, а некоторые так и сгинули в лесу. Но тут неожиданно всё закончилось, и страх вместе с этим ушёл. Тогда она продолжила путь, и уверяет, что шла верной дорогой. Однако, подойдя к опушке и выйдя из леса, она вдруг к своему ужасу увидела, что вышла к полю с мертвецами. Они призывно смотрели на неё своими пустыми глазницами. В ужасе она развернулась и побежала в противоположную сторону. Лишь вскоре, совсем запыхавшись, она приостановилась, и уже спокойно продолжила путь. Как же она могла оказаться на той дороге, что ведёт к мертвецам, она же точно видела, что идёт правильно. Ведь это совсем в противоположном направлении. Точно, это Леший её водил, звуки движения которо-

го она слышала. Но теперь она не ошибётся и всё будет хорошо. Вот всё знакомо, она идёт правильно. Выйдя из леса, она от ужаса не могла поверить своим глазам, она снова была на поле мертвецов. Снова развернувшись, побежала в лес, вот по прямой, нельзя тут заблудиться. И через какое-то время она снова оказалась там же, среди страшных трупов солдат. И так повторялось ещё несколько раз, и каждый раз она оказывалась на проклятом поле. Солнце уже садилось. И она понимала, что погибнет здесь, среди мёртвых, просто замёрзнув. Ей никогда не выйти к той промёрзшей лошади. Она рыдала во всё горло, уже обессилевшая во мраке на морозе среди трупов. Что же хочет эта проклятая злая сила, мучая её до полубезумия. И она осознала, что хочет она, чтоб та обманула родных, отрезала своей пилой куски мяса от человечины и выдала за конину, только тогда эта сила, что столько водит её по кругу, выпустит, наконец. Но всё же она не сделала этого, она снова пошла в лес и стала молиться, как могла, своей детской наивной молитвой: «Боженька, милый, помоги. Пожалуйста, я не хочу есть людей. Боженька, я не хочу умирать. Помоги мне, Боженька, выведи отсюда...» И так, даже не заметила сама, как вышла прямо к срубу, где её давно заждались родные, и даже уже сами ходили в лес искать её.

Она вернулась испуганная, промёрзшая, заплаканная, даже повредившись от страхов немного рассудком, но всё же живая. Правда, без всякого мяса. Придя в себя и отогревшись у огня, она всё рассказала. Старые люди, слышавшие этот рассказ, всё поняли, девочку водила какая-то очень злая и жестокая сила, и лишь её детская искренняя молитва ей помогла. Эта сила хотела, чтобы люди здесь, сами того не зная, стали людоедами. А потом бы эта сила пришла прямо сюда, они все бы сошли с ума, поубивали друг друга с голоду и сожрали. Больше её не посылали к мёртвой лошади, ходили только знающие взрослые.

Проклятие

(по воспоминаниям)

Не знаю до конца, стоит ли рассказывать эту историю, слишком уж она кошмарная, нереальная, и самое ужасное в ней то, что там нет ни слова лжи. Это история об истинном чёрном колдовстве, древнем и непознанном, том, что лежит за гранью здравого смысла и ужасает. О таком не пишут, о таком не прочитать. В качестве предисловия — некоторые размышления и наблюдения. Они касаются Европы и, прежде всего, Германии.

На Россию всегда шли завоеватели из Европы, и прежде всего германские, принося разорение и страдания. Да, это издревле воинственный и жестокий народ, с их ещё языческим культом богов войны — асами, это рыцари, закованные в броню, тевтонский дух, пруссачество, и, как апофеоз, — нацистская военная машина с безжалостными рыцарями СС в чёрном, что сокрушала страны Европы, как солому на ветру. И вот после войны всё стало как-то стремительно вы рождаться, пропадать, будто вовсе подменили этот народ. Расслабленные бюргеры-потребители, изживание традиционных ценностей, сексуальные перверсии всех мастей, бесконечные гей-парады и права меньшинств, поющие Анна-Варни и Кончита Вурст, а потом толпы агрессивных мигрантов с востока, всё дошло до массовых изнасилований на Рождество, унижений и избиений немцев на улицах... И где же хвалёный воинственный тевтонский дух, где рыцари, что не могут даже защитить своих женщин, куда всё пропало? Социологи утверждают, через лет пятьдесят все оставшиеся жители Германии будут с примесью арабской или негритянской крови. Как же так вышло? Когда? Это какая-то дьявольская карикатура, адская насмешка...

...Когда немцы вошли в эту деревню под Москвой, мужчин там практически не было, все были уже мобилизованы на фронт.

Немцы расквартировались нагло по избам, выживая хозяев в сараи и пристройки, естественно, грабили, резали скотину.

КОЛОДЕЦ #4

Первое, что они сделали, войдя в деревню, — поставили посреди неё виселицу. Командующим у них был бравый статный офицер, который вёл себя по-европейски культурно. Ночами к деревне в лес забрасывали с самолётов диверсионные группы, в основном из молодёжи, точнее, комсомолок, совсем ещё девчонок, таких, как известная Зоя Космодемьянская. В большинстве случаев их немцы обнаруживали, захватывали и вешали на той самой виселице, при собрании всех жителей деревни, в назидание, если кто задумает партизанить. Так что Зоя просто случаем стала известна, а её подвиг повторили многие. Вешал на морозе этих девчонок тот самый культурный офицер. А ещё надо отметить — у немцев были специальные службы, которые эвакуировали раненых и собирали своих убитых, всё по-европейски. Немцы готовили позиции, ибо знали, близится контрнаступление Красной Армии.

И оно началось, сначала работали «катюши», сжигая всё дотла, а потом началось лобовое столкновение, вплоть до рукопашной. Это были одни из самых страшных и тяжёлых боёв, даже небо ночами горело от взрывов всполохов, как днём. Немцы отступали, потерпев поражение, им теперь было не до раненых или, тем более, сбора своих убитых. Все поля были устланы погибшими бойцами обеих армий, кусками человеческой плоти вперемешку с искорёженным железом. Раненые и контуженые немцы расползались с поля сражения к ближайшему лесу и там под деревьями, на холоде, стенали, кричали от боли, звали на помощь... Но звать было некого, их оставили, немецкая армия откатилась, отступала, советская стремительно наступала, остались только женщины деревни. Когда они увидели эти массы павших, они поняли, что после таких сражений, здесь или где-то ещё, они больше не увидят сыновей, братьев, отцов и мужей, их не обнимут больше любимые, это будет мир женщин. И виноваты в этом те, кто сейчас стенал и звал на помощь из леса, они отняли у них их мужчин навсегда — это сделали они. И тогда тринадцать женщин решили помочь раненым немцам, что звали кого-то в русском лесу... Это были мо-

лодые женщины и не очень, а возглавила их старуха, которую местные почитали за ведьму. Они взяли ножи, какими резали скот, топоры, серпы — и помогли... Они добивали раненых обессиливших немцев так жестоко, как только способны женщины, озлобленные и обезумевшие женщины. Как древние менады, фурии упившись жестокостью и кровожадностью, вспарывали животы, отрубали конечности и головы, и всё продолжали терзать уже трупы, перепачкавшись с головы до ног кровью. А старуха-ведьма наткнулась под сосной на того самого культурного офицера, что вешал девчонок-комсомолок. И тогда она стянула с него штаны и своим серпом оскопила его, отрезала под корень его гениталии. Он вопил и извивался от боли, истекая потоками крови. А когда притих, она, держа в руке его гениталии и смотря прямо в его обезумевшие от боли глаза умирающего, сожрала их целиком, чтобы он видел. А потом окровавленным ртом она произнесла страшные проклятия, столь древние, как сам мир, изрыгнула их в мир, брызжа кровавой слюной, она прокляла всех в его роду, всех в его племени, всех, кто с ним одной крови, весь его народ, что никогда им более не быть мужчинами, как она сделала это с ним...

Откуда я знаю эту историю? Та старуха-ведьма была моей прапрабабкой.

КОЛОДЕЦ #4

День Могущественных Мёртвых

(в качестве послесловия)

Девятого мая — хочу посмотреть на этот день не с исторической, идеологической стороны, а скорее с оккультной. Более того, в контексте традиционного антикосмического сатанизма Потоков 182 / 281. Что это за день?

Девятого мая — день Могущественных Мёртвых!

Специфично Наш — День Мёртвых. Но не всех мёртвых в целом, а именно Могущественных Мёртвых — Героев, Святых Воинов, Подвижников, Хранителей Народа. Могущественные Мёртвые отличаются от всех других мёртвых:

Огромные поля битв, где земля напитана кровью, прахом и костями павших и каждая «безымянная высота» сражений — это могильные холмы-престолы Гульгат и кровавые поля Ночного Эдема, огромные кровавые Акелдамы русских полей сражений, посвящённые Святой Смерти — Владыки Мёртвых Мастеру Каину и его невесте Калмане увенчанной красными цветами в крови героев, что воскладывают чтущие память мёртвых. Это священные места великой жатвы Жнеца Другой Стороны. И все павшие там — Святые Смерти, бесстрашно посмотревшие в лик-череп Другой Стороны. Они уже озарены вечной славой сияния Чёрного Света и вечным Огнём Мёртвых.

Я считаю, что этот день должен более лишаться исторических и тем более идеологических коннотаций и приобретать истинно сакральное национальное значение, а само празднование мистериальный характер неразрывной духовной связи этих Могущественных Мёртвых и их живых потомков.

Их вера, их страдания, их лишения, их жертва, их подвиг, их героизм, запечатлены в земле, где они пали, и в крови потомков, в общем коллективном бессознательном народа. Они имеют не сколько значение в прошлом, но более в сегодняшнем, они тянутся незримыми потоками в день сегодняшний через каждого из нас, они отражаются в нас, говорят в нас, если конечно мы хотим

слышать их зов и их гневный рёв — они придают всем нам как народу — мужество, решительность, гордость, силу, они вечно зовут к подвигу, но они предают и жестокость и даже готовность вновь принести в жертву как себя и тем более врагов — жертву Владыке первой Акелдамы и Гульгаты. Они напоминают не посрамить их дела и их имя. Они делают нас теми кто мы есть, именно они делают нас великим народом, а не стадом говорящих животных.

Думаю даже, что практически каждый, кто прочитает эти строки, имеет лично своих Могущественных Мёртвых, которых он почитает в эти дни.

Поэтому я считаю, что на обсуждение этого дня, как и войны в целом, должно быть наложено табу — там нечего обсуждать более. Они воевали за свою землю и честь, они пали как герои, они победили и вошли в вечность — всё, точка.

Скажу за себя, только по одной линии, это было два брата и сестра — простые русские люди. Они не были большевиками, комиссарами, сталинистами, даже пострадали во времена коллективизации. Старший сгорел живьём в танке, продолжая вести бой — «пал смертью храбрых». Сестра, девушка оказалась в партизанском отряде и когда попали в засаду, осталась прикрывать отход. А когда закончились патроны, взорвала себя. Младший сгорел в одном самолёте с Гастелло в знаменитом таране (их трое там было, экипаж — для справки). И, что кто-то хочет, чтоб я узнал ещё, может поговорить, как их смерть прикрывает «преступления» сталинского режима, или ещё какую мерзость изрыгнуть. Они сражались со свирепым врагом, пришедшим на их землю, и никакого отношения это не имеет ни к власти, ни к режиму, и уж тем более к сегодняшнему. Они мои Могущественные Мёртвые. Всё, остальное — табу.

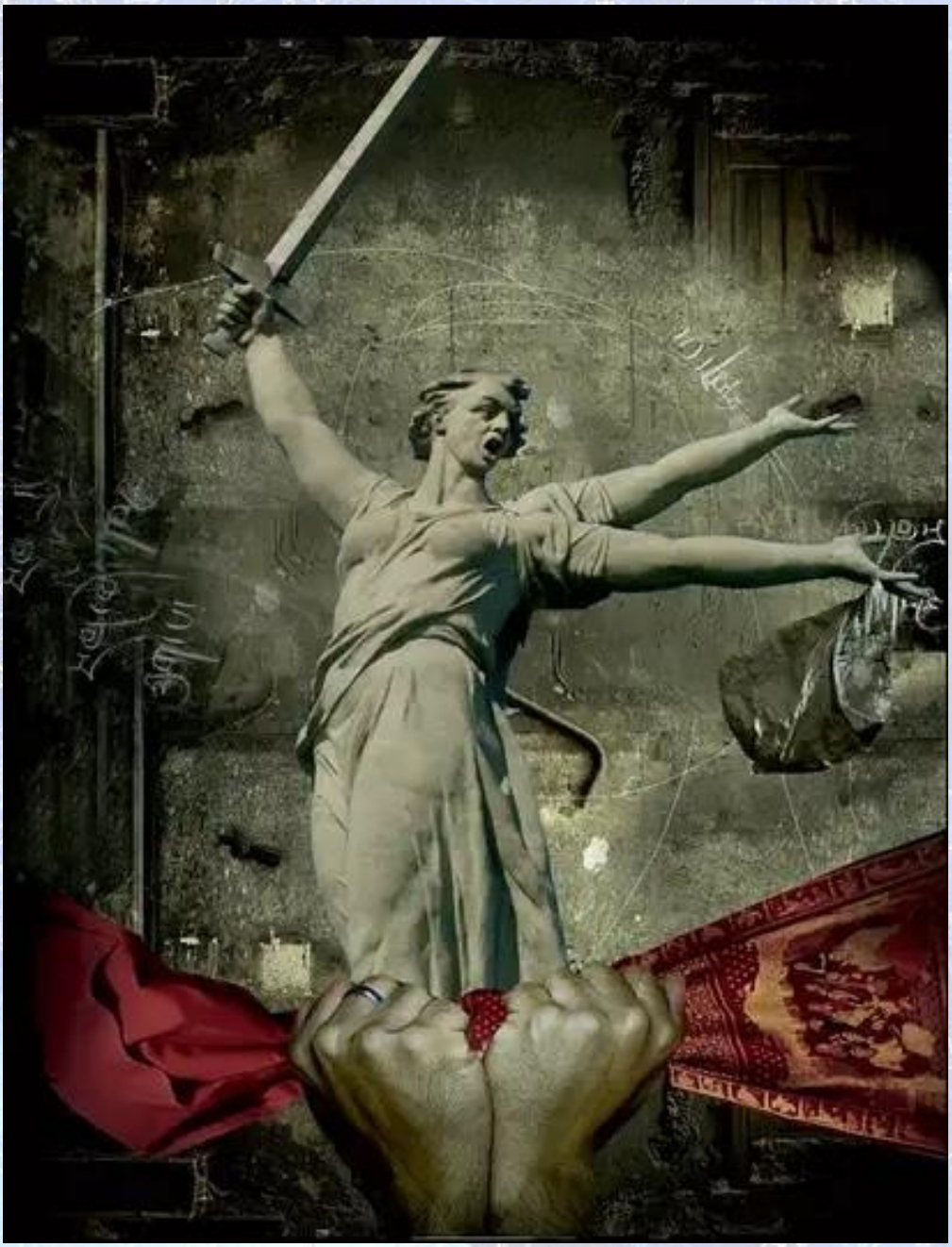
Поэтому всякая мразь из ненавистников нашего народа, тоже знают это и целятся именно в эту память о наших Могущественных Мёртвых, хотят принизить их, осмеять, осквернить их подвиг, а

через это извести и нас до скотского состояния, ничем не связанных друг с другом биологических объектов эксплуатации. И никакая «правда» их естественно не интересует — это по ушам совсем уж лошкам. Их интересует именно только это. Но одновременно они и жутко боятся, именно в эти дни их начинает трясти и выворачивать (сами можете посмотреть по некоторым ресурсам в сети в эти дни), ибо в эти дни Могущественные Мёртвые вновь ступают на свою землю и говорят с живыми через их память, они шествуют средь живых и в самих живых под Тенью Смерти кровавой косы Владыки Каина Фальцифера. Они боятся и ещё больше проговариваются, ибо ужасен гнев Могущественных Мёртвых, они боятся стать соломой их скорой жатвы...

МОГУЩЕСТВЕННЫМ МЁРТВЫМ

Я приветствую Могущественных Мёртвых и их Повелителя!
Тремя ударами левой ноги перед вратами.
Я приветствую Костяного Бога и прошу Его защиты,
В Нём вся моя надежда и вся моя вера.
Я иду к большому Чёрному Кресту,
Что отмечает тайный холм.
Я зажигаю семь свечей перед ним
И ударяю по земле терновым жезлом.
У черепа, лежащего в земле,
Трижды я ударяю левой рукой.
У двух костей, скрещённых ниже,
Жезлом я вывожу Его печать на песке.
Я поливаю печать жертвенными возлияниями.
Белой, чёрной и красной водой я кроплю землю.
Я окуриваю крест дыханием Amiahzatan
И призываю Создателя Первой Великой Могилы.
Я здесь, чтобы призвать Бога Теней,
Повелителя тех, кто пребывает в пустых костях.
Я здесь чтобы пробудить Хтонический Огонь,
Три Языка Пламени Преисподней.

Я призываю моего Повелителя Каина,
Того, кто посеял Первый Труп.
Я призываю Бога Всех Могил
Сеятеля Левой Стороны, Короля Костей.
Могущественный Повелитель, услышь меня,
И одари меня своей инфернальной мощью!
Направь мои шаги к Твоему Царству,
Просвети меня Чернейшим Светом Смерти!

КОЛОДЕЦ #4

Лалангамена:

Литературный альманах Народа Звезды

Данный проект был задуман **в начале 1998 года** и действует **с 2002 года.** С его ранней историей вы можете ознакомиться здесь:

Чётко сформулировать тематику и концепцию этого проекта достаточно сложно. Обозначим её как **«неформальное, нонконформистское и просто небанальное литературное творчество»**, а в качестве неполного и неисчерпывающего списка тем для публикации назовём **философскую лирику, фэнтези, хоррор, мистическую поэзию и прозу, метафизический и гражданский нонконформизм, антикультурное и контркультурное творчество** и многое другое.

Зарегистрируйтесь на сайте (или **войдите**, если уже зарегистрированы) и размещайте свои произведения для премодерации, а мы создадим вашу авторскую страничку с обновляемым списком текстов. В дальнейшем возможно расширение ваших полномочий на сайте вплоть до администраторских — работы много, и никакая помощь лишней не будет. Присоединяйтесь!

Лучше понять концепцию альманаха поможет полная антология опубликованных в нём до 2015 года материалов, а также **сборники избранных произведений:**

Вып. 1.
2005

Вып. 2
2006

Вып. 3
2014

Вып. 4 (1)
2016: Альманах

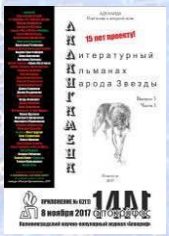
Вып. 4 (2)
2016: Открытки

Вып. 4 (3)
2016: Музыка

Вып. 5 (1)
2017: Лалангамена

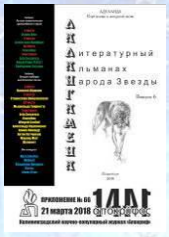
Вып. 5 (2)
2017: ПВА

Вып. 5 (3)
2017: Verbena

Вып. 6
2018

Вып. 7
2019

Восьмой выпуск планируется на **осень 2020 года.**

Элиас Отис, редактор альманаха «Лалангамена»

Чёрное Искусство

КОЛОДЕЦ #4

Ядвига Розенпаулис

Цвѣты и Черепа

Сочинитель заклинаний в рифму и без. Припудрена нафталином дней минувших, барочно витиевата, изрядно тронута. Связующее звено между усопшими и нерождёнными... лишена признаков времени. Смешивая палитры слов... получаю лишь чёрный цвет.

Ночь упала чернильной каплей...

Вышла за поля... Затерялась в граде московском на семи холмах...

Каждый холм — нота минорного лада.

(Ядвига Розенпаулис)

К.: Здравствуйте, уважаемая Ядвига. Скажите, с чего началось ваше обращение к поэзии, что было побудительным моментом и как давно это произошло?

Я.: Обращение, оборотничество поэзией, случилось в младенчестве: покойная матушка сказывала, что, лёжа в колыбели, ле-

петала я разновеликие ритмические строфы, то ли молитвы, то ли скоморошины. И было это задолго до первого произнесённого слова: «червячок», по названию родительской игры, учиняемой между мной и можжевеловыми чётками. Спустя десятилетие, сотню чёртовых дюжин преданий спустя, стирая пыль с домашней библиотеки, смахнула вниз Поля Верлена и сборник «Ковчег: Поэзия первой эмиграции». Не понимая и половины, чутко ощупывала сердцем доселе не виданный минор, всё отчётливее укрепляясь в чувстве, что не читаю, но вспоминаю прочитанное. Символизм поразил меня нездешним слогом, искусным плетением метафор. До этого лишь в «Песни Песней» и «Калевале» встречала подобное словесное узорочье. Прониклась, прикипела. Верлена под подушку клала, «Болотниц» Кондратьева, «Чёрную Мадонну» Поплавского — наизусть вытвердила. Не прошло и полугода, как и сама за сочинительство взялась. Сначала — эпигонское, со временем — всё более своё. Доныне и продолжаю.

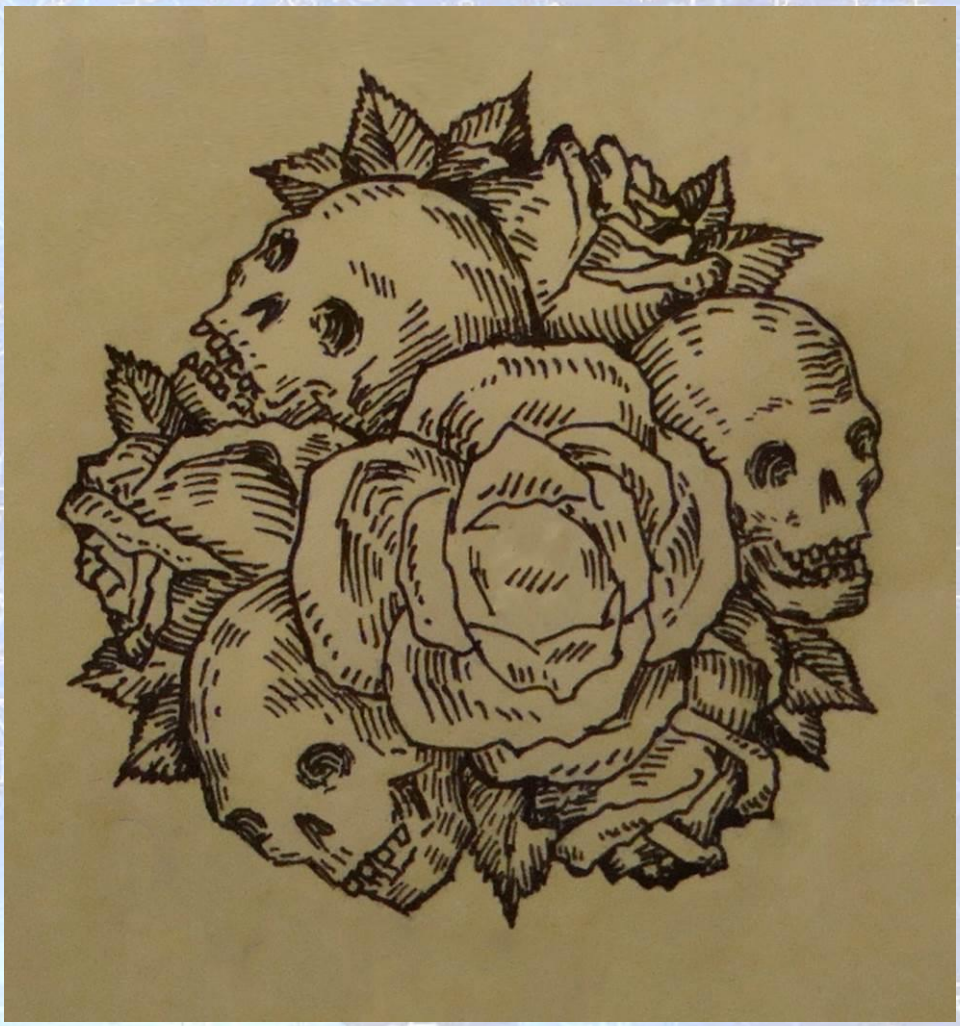
К.: Расскажите немного просто о себе, о своих взглядах.

Я.: Родилась на заре девяностых, в Первопрестольной, в русско-латышской семье журналиста-международника и преподавательницы истории Средних Веков. Окончила эстетическую гимназию, поступила в Академию им. Гнесиных, по завершении которой продолжила обучение на факультете «Мировой литературы и культуры». Тружусь на ниве театральной критики, попеременно участвую в издательских проектах. «Светильник любви» Пимена Карпова, старинные «Чародейные сказки» — уже явленные чудеса. На очереди второй том Пламенного Пимена, забытые декадентские литераторы Иван Лукаш и Владимир Маккавейский и особенно — шеститомник Станислава Пшибышевского, чья память в России воскрешается после октябрьского переворота впервые.

ТРАКТИР

К.: Также можно о вашем проекте «Цвѣты и Черепа»?

Я.: Черепа обрастают соцветьями мха — маковые черепа-коробочки кренятся в земном поклоне. Здесь главенствуют два направления. Первое — творчество всех причастников, наследующее трояко символизму, экспрессионизму и древнерусским хтоническим отголоскам. Вторым почитается отыскивание и обнародование редких произведений забытых авторов прошлого. Это может вершиться разными путями: подготовкой ли электронного книжного издания, художественная ли декламация. Ныне мы также посвящаем себя составительству книг для полноценных печатных публикаций, взаимодействуя с издательскими домами: «Chaosss Press», «Касталия».

(Логотип творческого сообщества «Цвѣты и Черепа».)

1. Место соприкосновения цветов и черепов — «скудельня» — суть анклав. В настоящем случае — та означенная территория, в границах которой вершится Работа (Искусство!), и которая снабжена всеми необходимыми для этого условиями.
2. «Черепа», мёртвые головы, мёртвые — состояние, к каковому стремятся причастники, хотя бы в пределах территории «скудельни», по отношению к обусловленностям внешнего мира обывателей. Это не замыкает причастников в некое нарочито исключительное по отношению к Другому положение, но лишь очерчивает их собственный добровольный выбор.
3. Аромат цветка символизма и черепной оскал экспрессионизма означает наследование обоим течениям. За точку отсчёта таковые принимаются по причине того, что явили собой последние вздохи традиционной общеевропейской культуры на пороге эпохи, упразднившей подлинные смыслы искусства.

(Н. Ночейский)

К.: Что вы считаете более важным в своей поэзии — мастерство слова, его красота и изящество (а в этом вы на мой скромный взгляд, просто Мастер) или так сказать смысловой контент, что хочется донести до читателя?

Я.: В столетия классической варварской древности почиталось истиной понятие, что вещь тогда оживает, когда обретает своё имя, словесное воплощение. Отсюда мастерством слова достигается филигрань смысла, и затруднительны попытки рассматривать одно с другим по отдельности. Соединение фонем и семантики порождает тот образный стержень, с которым взаимодействуя, поэт уподобляется вершащему преображения алхимику. Посему пусть стоит слово моё крепко-лепко, замок под порог, ключ в дупло.

КОЛОДЕЦ #4

К.: Ваше творчество, так сказать, овеяно мраком Эреба, меланхолией Сатурна, священным экстазом Вакха — это ведь сознательный посыл? Но не становится ли тогда ваша поэзия обращением к внутреннему кругу «тёмных душ»?

Я.: Поэзия сама по себе не ставит цели обращения к читателю, напутствования или вовлечения внимающего в её пространства. Она вершится в самой себе без оглядки на сторонние

наблюдения, творится как обрядовое действо, участниками коего выступают только заклинающее и заклинаемое начала. Обряд как переменность экстатического и меланхолического (тоскующего) состояний. Обращение к первоосновам и впрямь является для поэзии доминантой, так как иного смысла поэзия не имеет: развиваться она может только вглубь. Степень окраски означенных исконных начал зависит от субъективного восприятия: если пристально взирать на солнечный свет, в глазах чернеет.

КОЛОДЕЦ #4

К.: В вашем творчестве чувствуется влияние утончённой европейской поэзии декаданса и символизма, и в то же время оно очень русское, можно даже сказать исконно, с таким обращением к хтоническому началу, такая высокопоэтическая «русская хтонь», как это сочетается? Как бы вы сами могли охарактеризовать своё творчество?

Я.: Отечественные модернисты одними из первых поэтов в современном понимании начали предпринимать в своём творчестве обращение к исконно русским началам. Достаточно вспомнить Александра Кондратьева, Николая Клюева, Пимена Карпова, и многих других. Именно они обратились от социальной поэзии либо, в лучшем случае, от поэзии, имитирующей народное русское начало, в ту самую глубь, из которой архаика оказалась едва ли исчерпаемой. Символистам я, в данном случае, обязана тем, что после их труда в наши дни не приходится углубляться в эту кладезь с самого начала, имея возможность продолжать оттуда, где остановились они. Поэтому присущую мне поэтическую манеру отличает от них лишь усиливающаяся степень погружённости, напрямую граничащая с религиозной мистериальностью, обрядовостью, заклинательностью, замыкая круг и возвращаясь к своему исконному пониманию и предназначению: первично поэзия имела исключительно ритуальное предназначение.

К.: Мотив русской природы очень важен для вас в вашем творчестве. Но это и одновременно возвращение к Истоку?

Я.: Россыпи природных описаний в поэзии, неизбежно будут восприняты современным сознанием эстетически, пейзажно, но я здесь в последнюю очередь ставила перед собой задачу эстетизировать. Природа понимаема в данном случае как возврат скорее не к истоку, не ностальгия, потому как природа была, остаётся

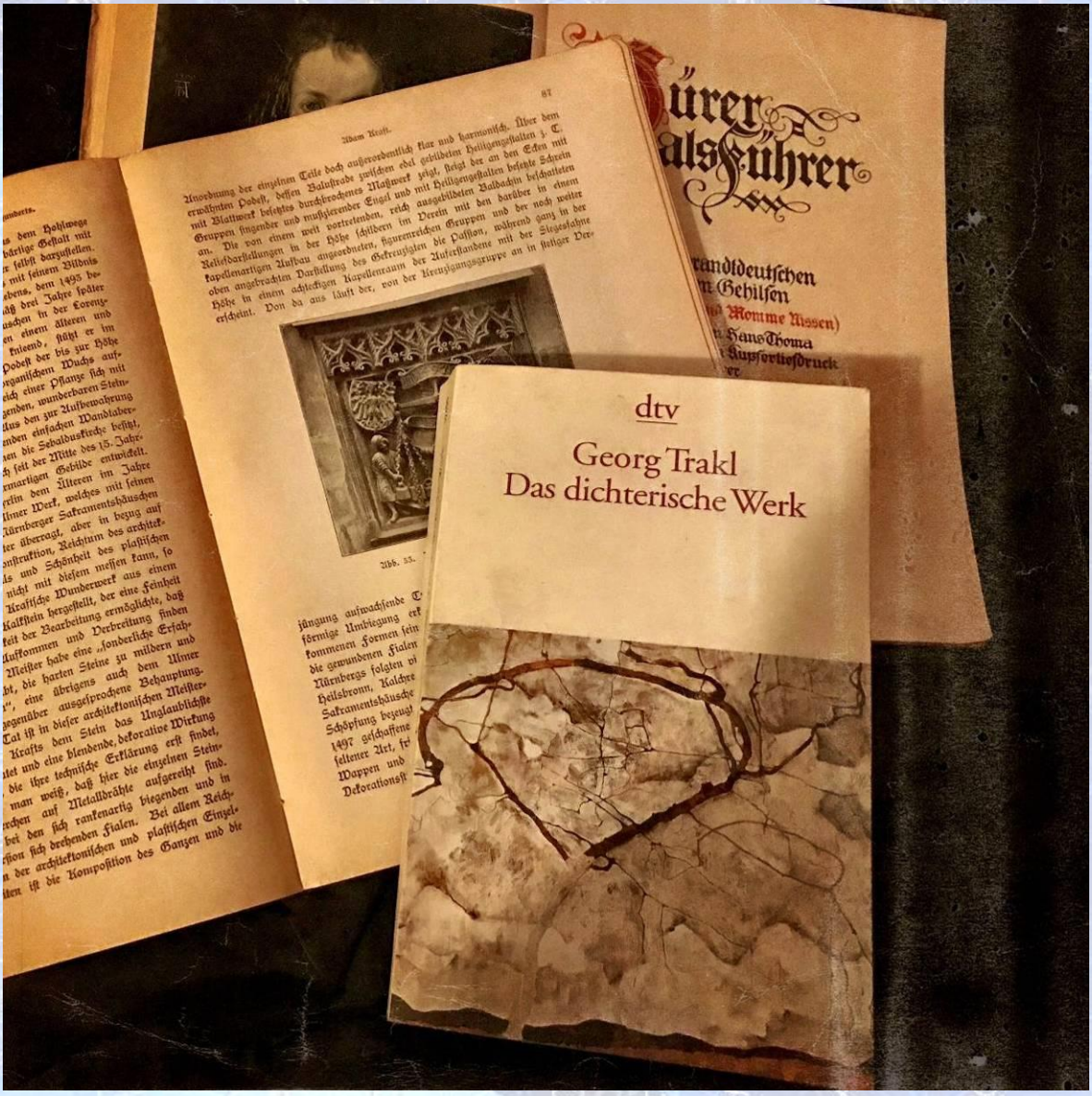
и останется во все времена. Это возврат к чистоте, беспримесности Стихий от того, что за долгие эпохи искусственно воздвиг над нею рассудок. Эта беспримесность важна для освобождения от чувства времени, господство которого создаёт помеху созерцательности — восприятию всего в прошлом, настоящем и будущем одновременно: в безвременной вечности.

К.: Кто из поэтов прошлого оказал на вас влияние? Есть ориентиры или даже кого вы могли бы отметить пьедесталом гениальности? И кого из современных вы могли бы отметить?

Я.: В отрочестве я претерпела откровение в лице французских символистов Поля Верлена, Артюра Рембо и Тристана Корбьера.

После пережила инициацию немецкоязычными экспрессионистами Георгом Траклем и Георгом Геймом. За ними последовали русские символисты Иннокентий Анненский, Максимилиан Волошин, Константин Вагинов. Слияние экспрессионизма и символизма открыло мне имажинистов: Анатолия Мариенгофа и Вадима Шершеневича. Есенин имажинистского периода послужил мостком от имажинистов к новокрестьянам в лице Николая Клюева и Пимена Карпова. Приближаясь к современности, могла бы выделить Роальда Мандельштама, а в наши дни — представителей ордена «ОДР» и сообщества «Цветы и Черепа».

К.: Поэзия это для вас обращение к собственному подсознанию или более к коллективному бессознательному носителей языка?

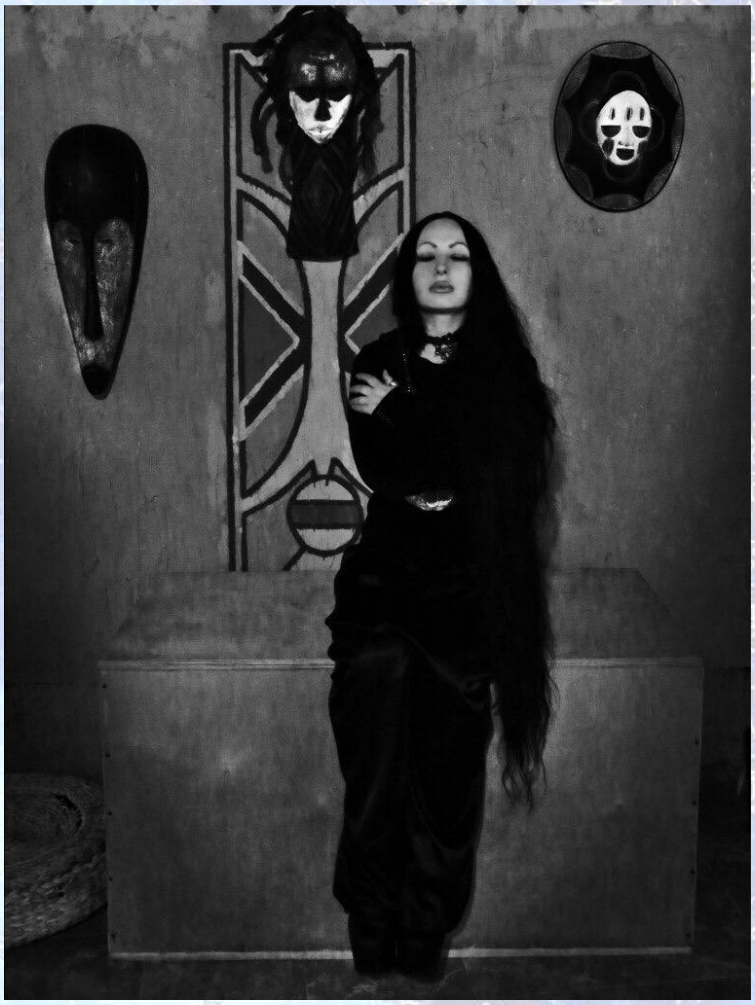
Я.: В своих глубинах личное подсознательное сливается с коллективным бессознательным (архетипом) народа и расы, поскольку кровно ни одно семя не отделено от плода, к которому оно принадлежит. Оно может оторваться от него и пустить собственные индивидуальные всходы, однако в своей сущности обречено оставаться частью прежнего и общего. Если я совершаю труд по отысканию в себе этой памяти, моё собственное подсознание становится голосом народного бессознательного.

(«Аще человек глас ея услышит, пленится мысльми и забудет вся временная и дотоле вслед тоя ходит, дондеже пад умирает, гласа её слышати не престает».
Падший херувим — Птица Сирин.
Художник Владимир Пингачев)

К.: Говорят, что каждый поэт — маг, а маг должен быть поэтом. Так ли это, по-вашему? Слово поэзии влияет на реальность? Способно изменить читателя? А самого поэта?

Я.: Слово является действенным инструментарием, способным изменять окружающую реальность. Языки знают периоды, когда случайного или беспочвенного употребления слов попросту не существовало. На этом фоне всё произнесённое, а тем более записанное, имело вес и влияние. А это уже магическая сила. Постоянная мысль об этом, стремление в эпоху разжижения словесных значений через образ вернуть слову его звучность и вескость, безусловно, изменяет и меня в собственных глазах. Что же касается читателя, — это его личный выбор: игнорировать, усваивать только эстетическую сторону, либо вовлекаться в обряд и меняться сообразно его ходу.

КОЛОДЕЦ #4

К.: Расскажите, уважаемая Ядвига, немного о своём духовно-религиозном мировоззрении, возможно духовном пути. Ведь в вашем творчестве прослеживается хорошее знание народных форм колдовства и мифологии, ведьмовства, русского сектантства гностического толка.

Я.: Верно заметили, по неведению не упомянули только про старообрядчество, к которому были причастны мои предки. Вероятно, корень кроется в этом, потому как староверие всеобъемлющим образом синтезирует все перечисленные начала, кои, причудливо переплетаясь в нём, выходят из кажущихся противоречий и взаимоисключений. В то же время исповедание моё свободно от духа всевозможных современных лжеучений и фантазий, неизменно оставаясь в плоскости аутентичной этнографии. Таким образом, здесь есть место и древлеправославию, и двоеверию, и чёрному знатью.

К.: Духовный опыт имеет для вас выражение в вашей поэзии?

Я.: Где ворошимые мхами корни ломятся сквозь болотную оторопь, разбрасывая комья вороньих ягод и волокнища волчьих лык, там, в отражениях мутной ночной воды, высекаются звёздные искры, ворожба на которых рифмует видения в сырую обрядовость кромешного темнозрачья.

К.: Есть ли влияние неких Сил, Начал через поэта, через ваше конкретно слово? Вы ощущаете влияние извне на своё творчество?

Я. Всё взаимосвязано. Мистериальность размывает границы внешнего и внутреннего, меткое слово вбивает лютую закрепу. Ключ-замок в воду. Перефразируя «Табула Смарагдина», что внутри, то вовне. Изначальное поэтическое состояние на германских языках звучало как «Wut» — дословно «одержимость». Поэт тот, кто закрыл для себя все выходы из этого состояния. В этом его жертвенность.

КОЛОДЕЦ #4

К.: На ваш взгляд, поэзия сейчас вообще востребована? Не стала ли она маргинальна?

Я.: Нечто, нарицающее себя поэзией, востребовано более чем, но казаться не значит быть. Потому истинная поэзия будет оставаться всегда «маргинальной»: не в негативном значении слова, а в том смысле, что зачастую будет по-прежнему единична, будучи доступна взору всех и каждого, не каждому откроется в сути, оставаясь загерметизированной разнотравьем броских, но поддельных обманок, наконец, она всегда будет сохраняться в собственной элитарности.

К.: Современный человек интернета, россиянин — нуждается в поэзии и готов ли воспринимать её?

Я.: Интернет — всего лишь очередная форма передачи информации в ряду подобных себе предшественников. Овладение информацией возможно, но этого не достаточно при отсутствии навыка слышать и слушать. В сочинительском вокабуляре я максимально отдаляюсь от признаков какой бы то ни было техногенности, предпочитая воображать, что всё из этой области является телепатией, тогда как по сути это телепатия и есть.

К.: Сейчас «поэт в России — больше, чем поэт» или только поэт?

Я.: Моя позиция далека от того, чтобы являться рупором каких бы то ни было злободневных идей, мне ближе говорить о непреходящем, и, касаемо России, те из «коллег по перу», которые облекаются гражданственностью, в большинстве видятся мне лишь версификаторами. Как только поэзия становится обслугой идеологии, поэт, на мой взгляд, становится не «больше», а «меньше, чем поэтом», поскольку сущность поэзии, с моей точки зрения, состоит в оказании влияния на душевно-духовную, а не материально-телесную область.

К.: Ну и заключительный, казалось бы, банальный, но, думаю, самый сложный вопрос: что дальше планируете в вашем личном творчестве и в проекте «Цвѣты и Черепа»?

Я.: Творчество ведёт своими стезями, и они слишком неисповедимы для какой бы то ни было конкретизации. Здесь вернее спросить, чего творчество захочет от меня и как через меня проявится. Направление неизменно следует путями углубления, погружения, а результаты приоткроет время. Основной вектор — продолжать сочинять и издавать, записывать мелодекламацию. С сообществом «Цвѣты и Черепа» планируем идти проторённой тропой, откапывая черепа старинных и забытых авторов прошлого и взращивая на них цветы папоротника наших дней.

(«Сомнамбулия, распятая по ту сторону зеркала.
Антрацитовое сияние сна, шелест крыл менад.
Зрячая тьма, отражённая в зрачках.
Потусторонний Дар».
Художник: Вячеслав.)

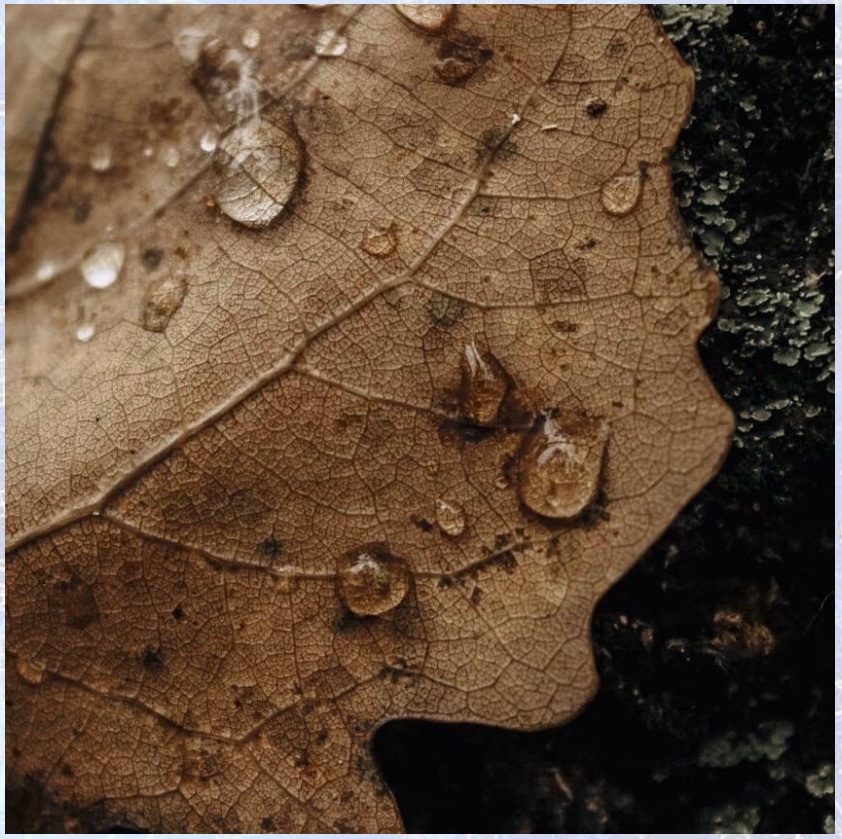
*** * ***

Чадят лампады тьмы. Ни зги.
Душа — обугленной иконой.
Мне с черноризных литургий
Не вычерпать мольбы посконной.
В причастных водах не омыть
Нутра саднящие коросты.
Архистратиг сухой камыш
Занёс мечом над перерostком
Своей тоски. И вдохи всуе
В крещенской проруби танцуют.

* * *

Златошвейки петельным стежком
Плат небесный, надушенный прелью,
Расшивают, щебечут свирельно,
Хвойным иглам вдевают в ушко
Паутинного инея нити:
Саван впрок на лесную обитель.
Облетел позолотой оклад
Строголикой чащобной иконы.
Солнца прячется лоб толоконный
В остов крон. Ни двора, ни кола
Для сложённых в прощальной молитве
Крыл скитальцев. И в зиму калитка
Веной холода отворена.

Архив Postmortem

Червевещанье из гробов
Фамильной хроникой Postmortem:
Архив семейный цел. Посмотрим,
Как капиллярный ар нуво
Завензелится по сетчатке,
И крик, безмолвием зачатый,
Закрутит взгляд в слезоворот.
Темнеет в сердце. Полночь бьёт.
Тоска не жалует прелюдий,
В партере памяти так людно...
Не память — грязное бельё,
И кресла в зале... с датой смерти.
Трясёт... увиденное се́рдит...
Слепит меня экран-бельмо.
Запечатлённая печаль,
Обетованные обиды,

ЧЁРНОЕ ИСКУССТВО

Финалы жизней по избитым
Либретто «с почвой повенчать».
Тик-так, не так... Зубовный скрежет,
И грудь вздымается всё реже...
Архив — отчаянья причал.
Больничных коек вечный снег,
С морфийным духом адюльтеры...
И счёт потерь давно потерян...
Бес забытья придёт во сне,
В чаду потворства тихой скорби,
Но молоком кровавым вскормит,
Рассвет... бесчувственен и нем.
По приснопамятным местам
Танатоскопных негативов,
Бродить, не сметь вернуться в живость,
Гербарий карточек листать.
И обнажив больные точки,
Иглоукалыванием точным —
Бить в граммофонные уста.
Трещит пластинка. Голос-хлыст
Повелевает собираться,
Из комнат — камер обскураций
Уводят мёртвые послы.
Фотопортреты — резче, ярче,
Но отраженье лик мой прячет....
И вот я стёрта... Быть... не слыть...
Богопомазана смолой
Всеодиночного кромешья...
Пусть не заслужен жребий меньший,
И зёрна муки́ не смолоть..
Кто обручён с звездой Полынью,
От горькой доли не отлынет,
Как странник проклятый Мельмот.

КОЛОДЕЦ #4

В почтовый ящик полыньи
Летит последняя депеша:
Сегодня к вдохам яд примешен,
И сумрак волен полонить...
Мне в невесомость
разведённого моста,
С библейских яблонь опадать.
Никем не стать.
Солгут знамения и знаки.
Уйду, а оттиск светотени будет Там,
Пока не кончен мир, и смотрит свысока
Луна
насаженная
на кол.

* * *

Март линяет змеиной кожей.
Обретенье потери множит.
Отречённо отдам на розжиг
Безнадёжное: «может... позже».
Пустоте помолюсь в киоте.
Поминальный хранит Синодик
Имена разлучённых с плотью.
Смерть встаёт на балконный портик.
Отсмеялась весна капелью.
Возвращаюсь к пустой постели.
Вздох беспомощный... а капелла.
Стану первой среди Офелий.

КОЛОДЕЦ #4

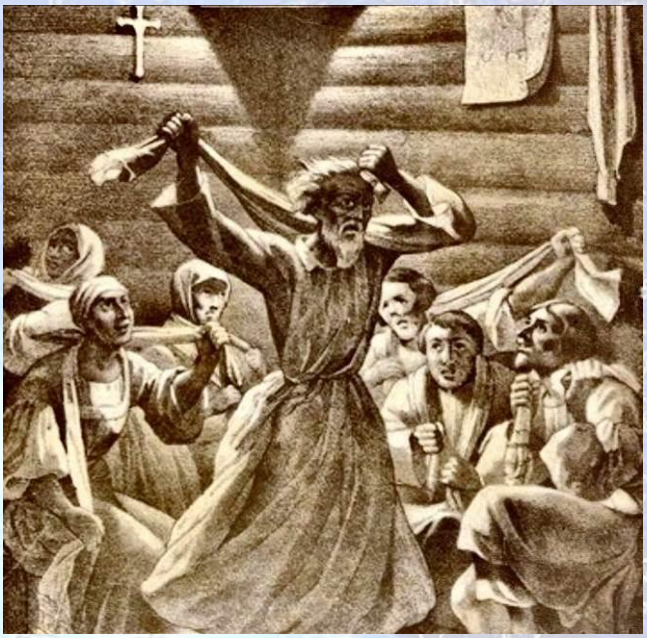
* * *

Зыбка ели качает подкидыша-свет.
На Грачевники канет морозный посев.
Молодильные яблоки ведьминой кухни —
Клад мочёных снежков... с крон застуженных рухнет.
Обновлённой земле сарафан ледяной
Износить до проплешин. Реки полотно
Разрывается плугом: светило взрыхляет
Многоводную пашню. Кипят в небе стаи,
Лазурит облетает с пера синей сойки:
Свод в цветах незабудок: лучисто-высокий.
Распоясался ветер, на шалости падкий.
Зимобор гнёт правило в Зелёные Святки.

Пламень

Провернёт мясорубка раденья
Погребённые заживо очи.
Хлеборобам не грехопаденный —
Светлый Град Феофан напророчил.
«Верьте всем и всему. То-то любо,
То-то верно» вчерне отдаваться,
Лезть под ворохи девственных юбок,
Сластолюбие чтить святотатца.
В пост скоромничать, на разговенье
Рассекать хворостиной хребтину,
Пред убийцей вставать на колени,
Зазывать из церквей паутинных
Богомольцев и стариц-голубок,
Петь псалмы чернокнижного толка,
Бражить «кровушку-матушку» в кубках
И браниться молитвой-рассоркой.
Всё сгодится, чтоб Пламень порушить,
От создателя данный изустно:
Распинать заскорузлую душу
В навигласиях и богохульствах.

КОЛОДЕЦ #4

* * *

Ясноглазая выцвела рожь.
Безысходна стена до земли:
Сатанеют дожди. Неба дрожь
Заалела зарёю калин.
Ветви тоньше девичьих ключиц.
Листья — скрученные узелком.
Ливень сердцем пичуги стучит,
Раскрывается в поле глухом.
Проплывает кометы коса,
Увлекает в пожарища лун.
Спеленованный хлябями сад
Чешет гребнем древесный колтун.
Свет лампадки промокшей погас.
Негасима Венеры свеча...
И взбираясь к чертям на рога,
Гроздь плеядная зреет, лучась.

* * *

Ветров предзимья флагеллантовая плеть
Рукоприкладствует наотмашь, не жалеет.
В кротовий сумрак облекаются аллеи,
Стрихнин пороши отряхнув с продрогших плеч.
Квадраты наледи в полях — лежат доской
Медиумической, и, в спиритов играя,
Вороны-буквицы пророчествуют граем,
Полётом зеркалу небес неся раскол.
Землистых полдней разрыхляется окоп.
В глазнице бога пустосолнечная рана.
Мой город Пана — незакатный вино_градень
В давильне каменной пустил ноябрь в расход.

КОЛОДЕЦ #4

* * *

Вкушать от таинств панихиды, простирать
Грядущий день в плодоносящую могилу.
Мертвеет солнце — пробуждающий тиран.
И с каждым вздохом удушает смрад кадильный.
Кадят безбожные осенние костры,
На вертела дерев взнизав сердца, вращают.
Под руку слабую вложив дождя костыль,
Брожу меж веток голых — вскинутых пищалей.

* * *

Зреют кипельно-белые мороси.
Студенистые хляби полощутся.
Чернопёрые вороги в голосе.
Сном осунулись хлипкие рощицы.
Опрокинулось небо канавами,
Месит глину стопа ранних сумерек,
Вихри в тереме чащ — костоправами.
В мшистом погребе шорохи умерли.
Близоруко сощурилось озеро
Камышом — неприступной оградою.
Корешки и грибы подморозило,
Лишь рябины сладки. С веток падают.
Колоколится песнь заунывная.
Нараспашку тоска — злая вотчина.
Угорела нутром. Тесно, дымно мне.
Погребаюсь под листьями. Кончено.

КОЛОДЕЦ #4

* * *

Чахоточные вётлы. Частокол
Бурьянных ив с упревшими корнями.
Землянки кочек. Выцветшее знамя
Закисших мухоморов. Глубоко
Под варевом тритоновой ухи
Томится в топях сгинувшее солнце,
Гадюки обвивают змееборца:
Не выйти из объятия сухим.
В монистах из лягушечьей икры,
В одеждах лепестков увядших лилий
Седая мавка бродит в вязком иле,
Иль цапля, пробираясь, ловит рыб...
Всё морочно. Промозгло. Паутинно.
И дух посюсторонний по ногам
Осокой вяжет. В бок дерев рога...
И тело обрастает чёрной тиной.

Чад Русалий

Чад Русалий. Навьей волей
Крестный ход под землю длится.
Нарядилась дымным ситцем
Курелапной клети голень.
Буреломных хвой упадок.
Сундуки трясин раскрыты.
Звёзд потница проступает.
Пятачок Луны в корыте.
Ряски пряничный орнамент.
В ряд — сосцы набухших кочек.
В плёсе высь полощет знамя.
Запечён с чертями сочень.
Частоколье тьмы кренится
В томный яр, сырое лоно.
Вожделенья вопль звонок,
Где сольются зверь и птица.
Подколодной скарапеей
Лиходейной лешей стёжкой
По костям — кореньям жёстким,
Острозубым ртам репейным
Я влекусь изнежить нежить,
Иномирье впрок отведать.
Что сейчас — границы, межи?..
В ворожбе пропасть бесследно.

Страшная сказка

Мухоморное царство — раздолье чудес:
Вековечная дрёма везде и нигде,
С Чернолесья и до Беловодья предел,
Где рождаются страшные сказки.
Златопёрые полдни сменяет кромешь,
Веретёнце-светило вращается меж
Явью, Правью и Навью...
— Беседой потешь,
Кот Баюн, людоедень клыкастый!
Укачай, помоги злыдоте занемочь,
Костяную ломоту нашли! За неё
Человеческий род всё простит.
Бьём челом, Изведи лиходейку-Ягиню,
Что из тьмы домовины на курьих ногах,
Обратившись калико́й, бредёт «всеблага»,

К несмышлёным младенцам. Яги ворожба —
Непосильная ноша. Мы сгинем!
— Приголубить мертвецки, во гроб подсобить,
Колыбельной урчащей свести с поля битв,
Где добро попирают? Что ж, в самой глуби
Мышелов я, мурлыка домашний...
Разливайтесь в речах, как кувшин молока,
Посмотрю, облизнусь, да не стану лакать:
Зрю в объятьях людских — хитроумный аркан;
Вам споют колыбельную банши.
— Чародейка, очнись, опоили в пути,
Пожелав оторвать от биенья в груди,
Тиховодные омуты стали мутить,
Расплодились кишмя бесенята!
Белоликое диво, черёмухов цвет,
С березо́выми рощами в ближнем родстве,
Пробудись, лихо тихое!
— Неслух, стервец,
Брысь под лавку от ведьмы стоклятой!
— Как неясыти крылья — ладони мягки,
Тянет руки во сне, словно нити — мизгирь,
Приоткроет чуть веки — не видно ни зги,
Пробуждайся, другим на погибель!
Разбушуйся на сорок — не счесть — сороков,
Душегубные вихри схлестнув высоко,
Сад крестов деревянных, где тишь испокон,
Сокруши в буреломном изгибе.
—
Гуси-лебеди месяц влекут на челне
По Смородине-речке, что сажи черней.
Пробудилась на Том берегу...
Чур мене!
Кровь рассвета на солнечной дыбе.

КОЛОДЕЦ #4

Примечания:

Кот Баюн — персонаж русских волшебных сказок, огромный кот-людоед, обладающий волшебным голосом. Спутник Бабы Яги.

Чернолесье — место пребывания тёмных божеств языческого пантеона славян.

Беловодье — священная прародина славян.

Явь — мир людей, *Правь* — мир богов; *Навь* — мир мёртвых.

Река Смородина — река, отделяющая мир живых от мира мёртвых.

Купальня бесов

Дрёмные нивы в чадре спорыньи,
Дервиши листьев в круженье Танура.
В травах не скошенных, слёгших понуро —
Слёзная пряность поминной кутьи.
Спицы осоки на брюхе болота
Вяжут обновы анчуткам и мавкам —
Духам воспетых мираклями Кафки.
Девам инцеста, наследницам Лота.
Полночь Купальская правя кормило —
В белый кокошник Луну наряжала
Мёртвых осин заточала кинжалы.
Радуг летящие брови сурьмила.
Ведьмы поляны клеймили кострами,
Брили тонзуры на темечках гор.
Тени теней, хоровод мандрагор
Плач нерождённых звенит комарами.

Скопческий Лжехрист

Худосочный осинник в межгрудье земли-упырицы.
Над бревенчатым долом сцепились рогами дожди.
На орловщине клятой случилось тебе народиться:
Плодородные лона разящим серпом не щадить.
В потаённые думы как в ушко игольное лезешь:
Искушаешь бессилием плоти грехи побороть.
Материнские перси клеймишь раскалённым железом,
В хороводном радении рвёшь блудодейную плоть.
Тернецами безбрачья на царствие божье венчаешь...
Над увечною вечностью скопческих белых палат —
Разливается Млеко Пути, словно сок молочая.
В народившейся темени вымя луны нарасхват.
Огневому крещенью святого Кондратия внемля,
Целомудренно стонут отверзлыми зевами ран.
Запечатаны чресла вступающих в райские земли.
«Во спасение наше Христос Селиванов заклан».
Плодоносят к страде осиянные семенем пашни,
Дрожжевою опарой восходит пасхальный кулич.
Отелилась кормилица. Полон зверинец домашний...
Каждой твари по паре. Скопец восседает опричь.
Пустоцветом порожне раскинулся скопческий хутор:
Недород в прихожанах. Община быльём поросла:
Не в таларии ныне, в колодные лапти обута...

КОЛОДЕЦ #4

Не сносить, не преставившись. Старцам седым нет числа.
Освежёваны тучи — овчинный тулуп наизнанку.
Колесовано солнце. Как сусло квасное — заря...
Полногрудые хляби сцедили в поля лихоманку.
Колыбели пустые качаются... баю-бай... Зря.

Примечания:

Кондратий Иванович Селиванов — уроженец орловской губернии (осуждён в 1820 году; умер в 1832 году) — русский лжехрист, основатель скопческой секты.

Объявил себя сыном божьим искупителем, который пришёл спасти род человеческий от сладострастия, сокрушать душепагубного змия, ввести в мир огненное крещение оскоплением.

Радения — богослужения скопцов, сопровождаемые экзальтированными плясками и песнопениями.

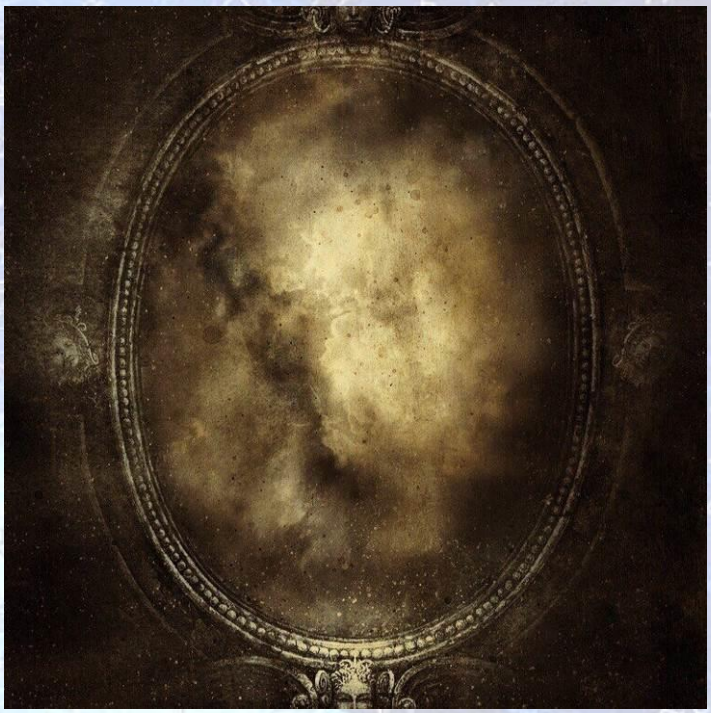
Таларии — крылатые сандалии.

Тернец — терновый венец.

Доппельгангер

Бесовщина в бутылочном омуте винном:
Нет мне брода в реке забродивших плодов.
Сходят думы с ума виноградной лавиной,
Непричастно причастное это бордо
К истечению жизни. Мне «кровью христовой»
Не впервой пировать у затменных зеркал
Тет-а-тет с доппельгангером. В пьяной истоме:
Всё — ответ без вопроса и ключ без замка.
Отражённый двойник, удвояющий скорби,
Вызывающе смотрит, но губы — немы.
Непреклонную спину поклоны не горбят,
И крыла не сутулят, и абрис копыт
Проступает под тонким сафьяном ботфортов,
И в размётанных прядях кривые рога...
Что во мне пианиссимо, в нём — примо форте...
Не уйдёт отражение — не оболгав.
Но лицо в зазеркалье с моим горько схоже...
Уничтожить его — что себя уничтожить.

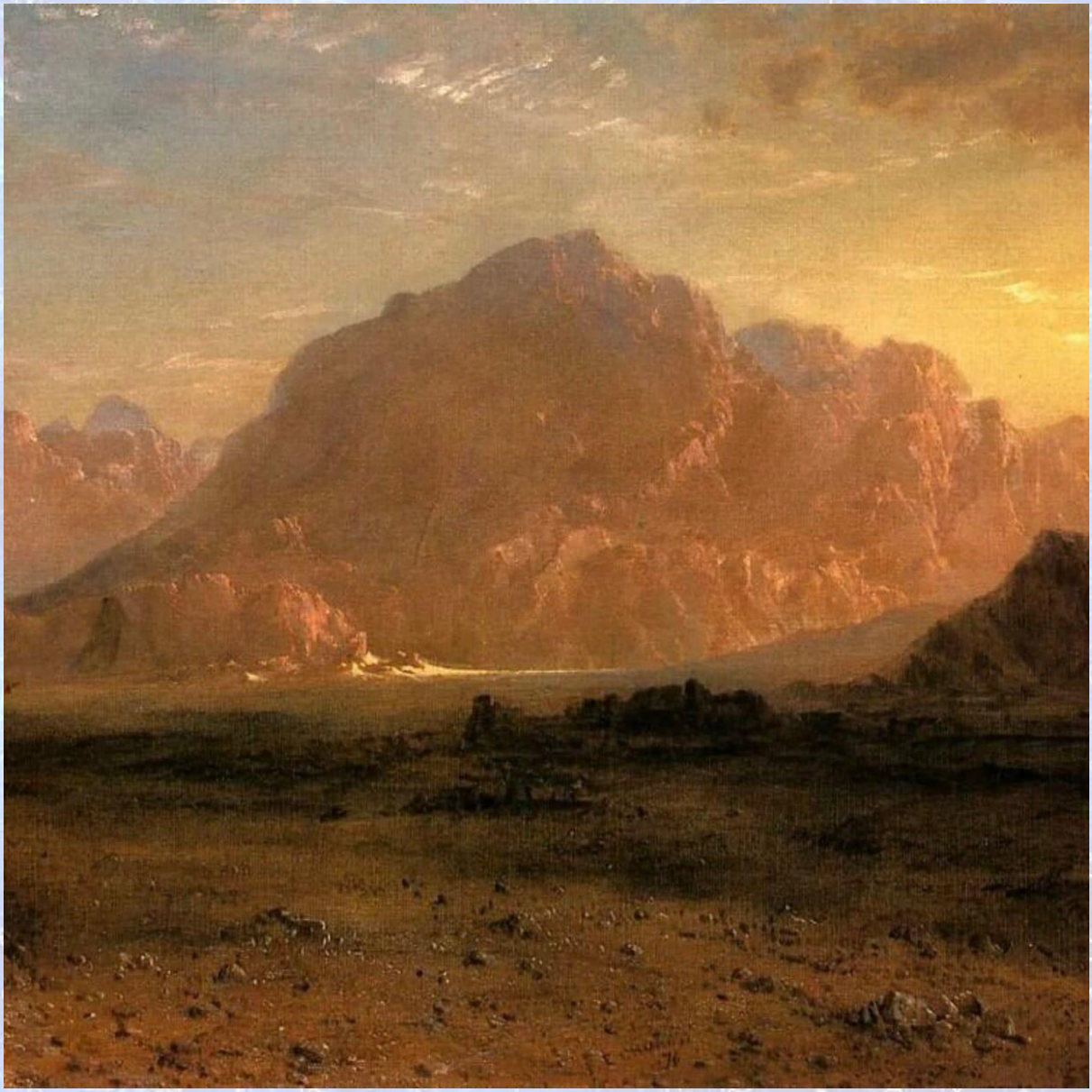
* * *

Барханов высохшие груди
Грызёт обугленный зенит,
Переливая лаву, будит
Пригоршню праха. Мы — одни
В пещерной тьме каменоломни:
Создатель... имя не припомнить,
Себя не помнящий аскет.
Метает вихрь песочный бисер,
В кровавых клочьях тамариск.
Клеймят тавром солярным выси.
Песок стоусто говорит.
Серпенты с ликом Магдалины,
Пророки с головой ослиной.
Дрожу, крещу Ничто в тоске.
Клокочет зной, смыкает своды
В круг скорпионовых хвостов.
И часословом зубы сводит,
И рот молитвами пустой.
Всё ближе демоны-блудницы,
Влекут причастьем испражнится...
Остаться с ними, иль ни с кем.
Натянут воздух барабаном,
Верблюжьей кожей — небеса.
К престолу ада заарканят...
Я слаб, я слаб... попал впросак.
И жар полуденный спадает.
Антоний, милый... баю-баю,
До завтра, праведный аскет.

* * *

Нисан зарделся мякотью смоковниц.
Минула тень иудовых дерев.
Самумный зной печёт до волдырей.
Бредёт наощупь Павел, долг сыновний
Вернуть сторицей богу-праотцу.
Вину стать уксусом и разорвать сосуд.
Глазам — ослепнуть. Днесь Христос покойник
Пятью хлебами кормит пустоту.
Прорвётся криком сердца стук:
Я — память!
Тринадцатый апостол, вшей пастух,
Скребётся в небо книжными крылами.

Igne Natura Renovatur Integram

Призыв Вулкана

*

Пифия молвила:

Из жерла Этны, из чада червоточин,

Явись Тот —

кто изломан как молния;

текуч как лава; кто коварнее

опиумных маков; аллее простыни

новобрачных;

кто рассыпан гранатовыми зёрнами из рук Персефоны.
Явись Тот —
кто морщинит лицо полей засухой;
посыпает темена холмов — пепелищами;
кто подбрасывает отмершие ветви Древа Познания —
в погребальный костёр солнца...

*

Я вхожу в Жёлтый дом Огня.
Мимолётно
вспыхивают — гаснут
искорки жизней.
Слушай...
У Пожирателя Всего Сущего
трещит за ушами;
Бог говорит со мной.
Никому
не вырвать
раздвоенные языки
Извечного пламени...

*

Храм Пантеон. Извержение
Утопим слёзы в толщах озера Коцит,
Ища забвения сократовой цикуты.
С Олимпа свергнуты предвечные творцы,
Что дела им до судеб «лилипутов»?
Росянкой алчущей распахнут Пантеон,
Вбирает страждущих в кишенье муравьином.
Грехи воскурены в жаровнях. Помело»
Злобоуханий ведьмой вылетело. Зримо —
Ротонда грыжей выпирает в небеса.
Скульптуры шепчутся: До ко́сти обелите —
Тела безбожников, попавшие впросак.
Подушки мрамора взбивают челобитья.

КОЛОДЕЦ #4

Язык огня неволен раны зализать,
Чернит неистово как речь Савонаролы.
Так царь Эгей темнел, завидя паруса,
Так Богослова жгут язвящие глаголы.
И галереи вскинув вёсла колоннад,
Вплывут галерами, невольниками полных,
В юдоли Тартара, где лица взборонят —
Тернцы беспамятства. Где только мрак и волны...

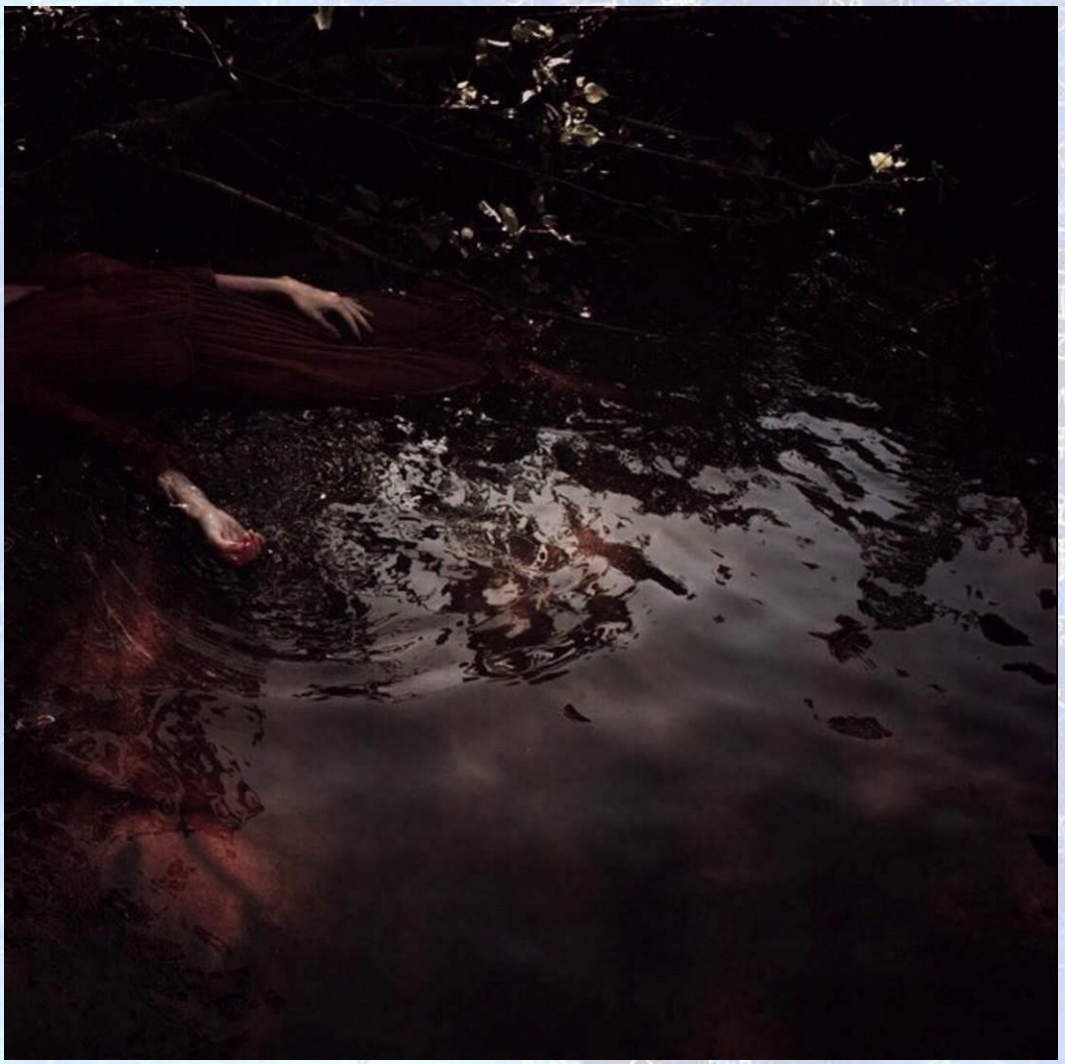
Примечания:

Igne Natura Renovatur Integram (лат.)
INRI — Вся природа обновляется огнём.
извержение Этны от 44 г. н.э.
Росянка — насекомоядное растение.
Вулкан — бог огня в др. римской мифологии.
Ротонда — округлая крыша храма Пантеона.
Савонарола — проповедник аскезы, диктатор.
Царь Эгей — царь, что бросился со скалы,
увидев чёрные паруса, извещающие
о смерти его сына.
Коцит — озеро слёз в мире мёртвых.

* * *

Крыши солнцем радеют. Блистают доспехом ландскнехта,
И в купели капели крестины нездешней весны.
Под штандартами туч держат шаг безымянные «некто».
Мне же падать лицом в пересохшую палую сныть.
Мне помолвным кольцом запалённая грудь сухотравья,
Я венчаюсь на царство Кощеево. Шаг в ведьмин круг.
Кто минувшим распят, от грядущего прятаться вправе,
Сторониться околицей глаз и распахнутых рук.
Зреют звёзды. Плеядная ладанка курится светом.
Мне Луну — донным камнем на шею, чтоб в утро не всплыть.
Амальгаму речную разбила: дурная примета...
Ухожу по ту сторону... с бесами чистить котлы.

КОЛОДЕЦ #4

Женя Смирновская

Ужас честнее любви

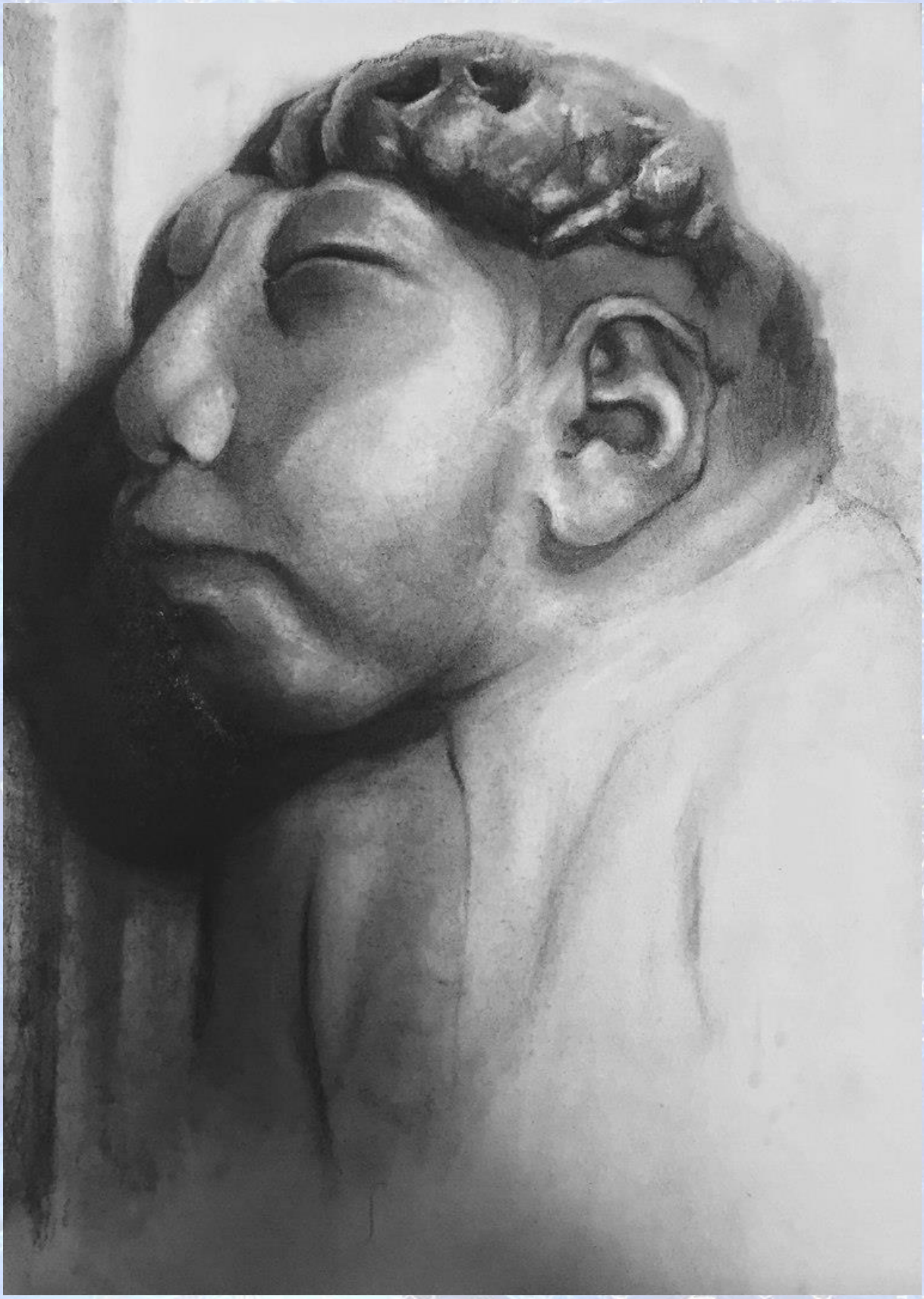

«Я ищу эстетику в смерти и страданиях человека, в осознании собственной невечности. Это чёткое осознание важно и по-своему прекрасно, именно оно делает нас живыми, чувствующими -такими, какие мы на самом деле есть.

Я нахожу эту эстетику. И предлагаю вам увидеть её в моих работах».

(Мёртвый плод; бумага, уголь, 21×29 см; 2017 г.)

(Эктопия мозга; бумага, карандаш, 21×29 см; 2017 г.)

(Микроцефал; бумага, уголь, 21×29 см; 2017 г.)

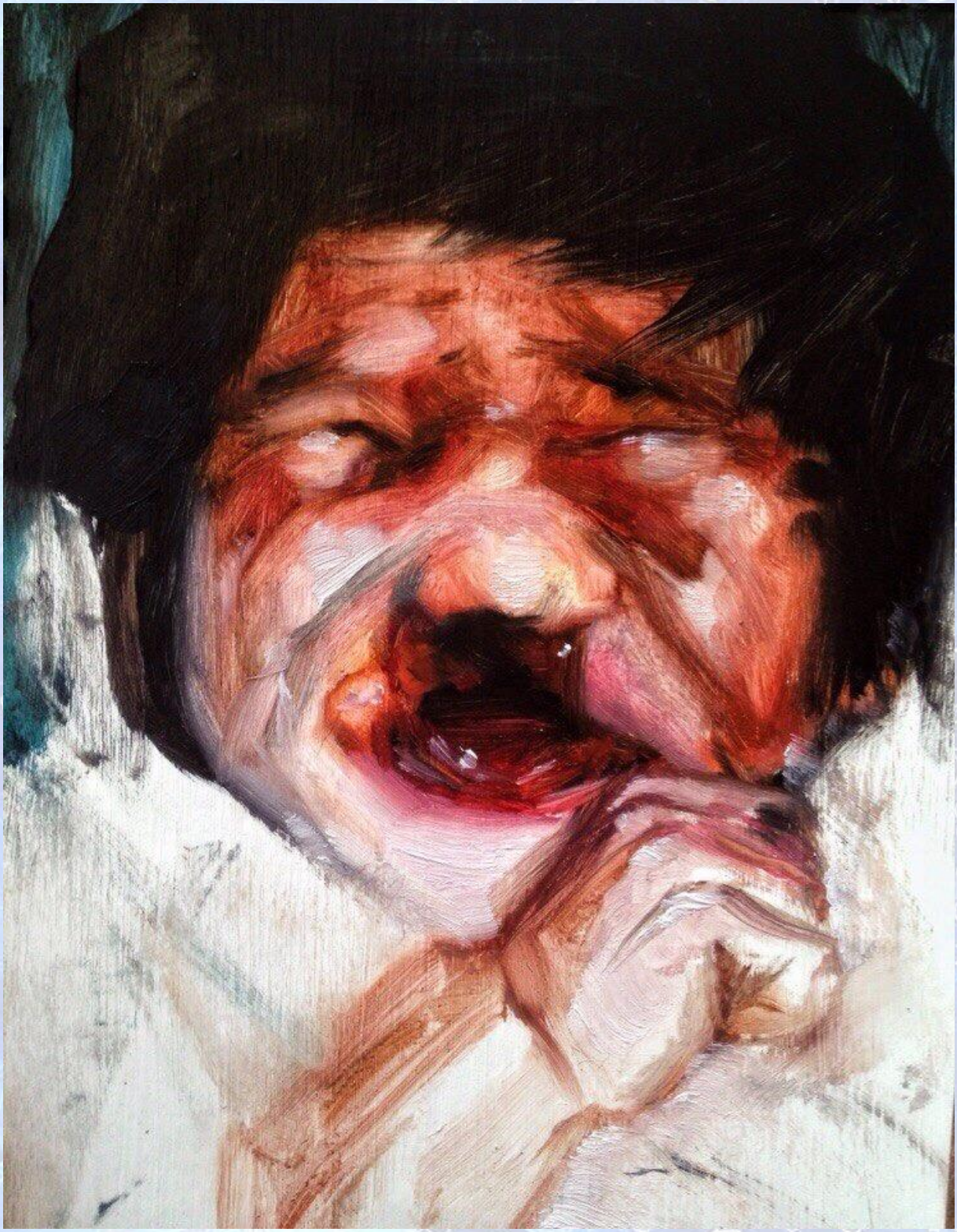
(Водянка головного мозга; бумага, уголь, 21×29 см; 2017 г.)

(Близнец-паразит; бумага, уголь, 21×29 см; 2017 г.)

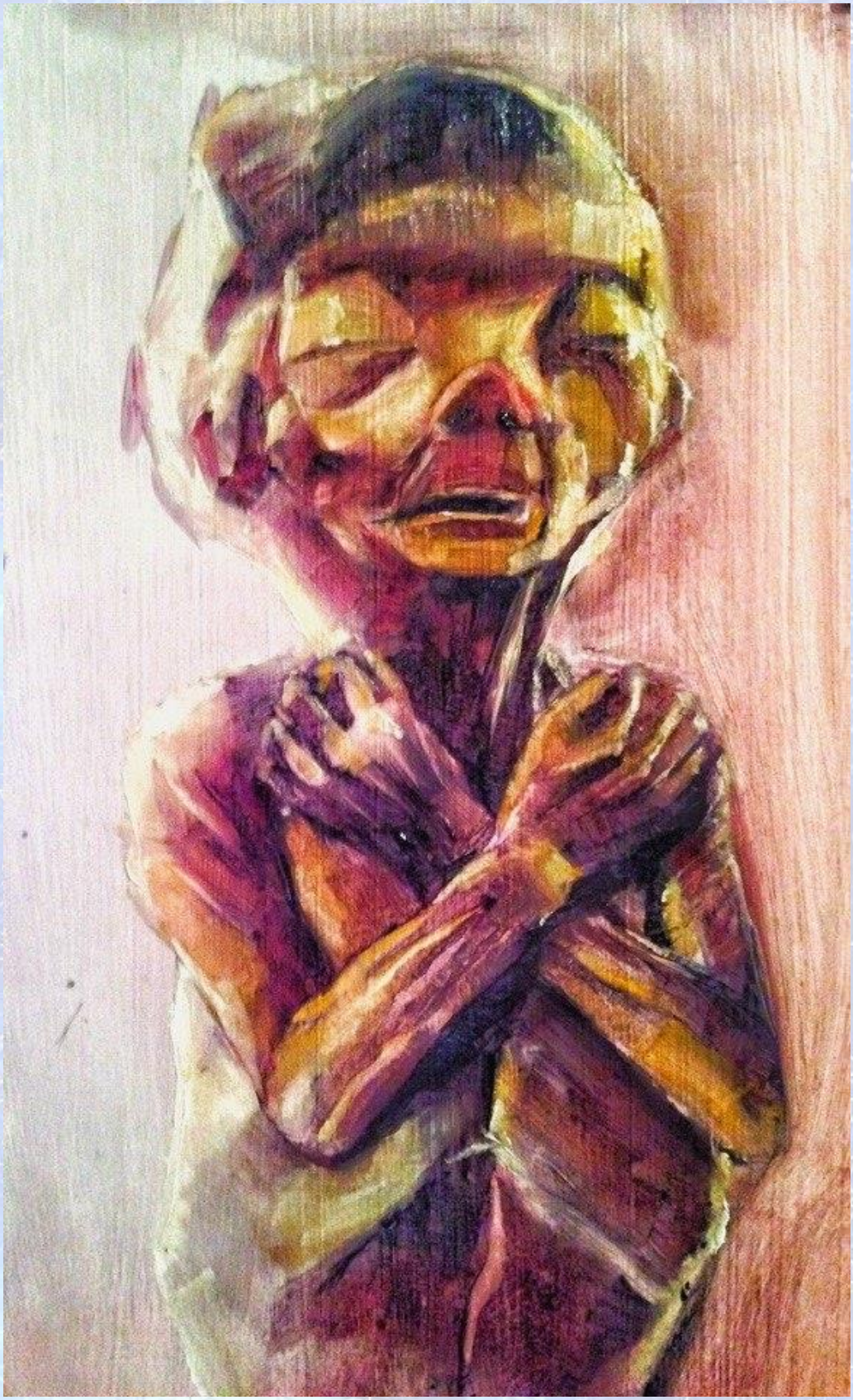

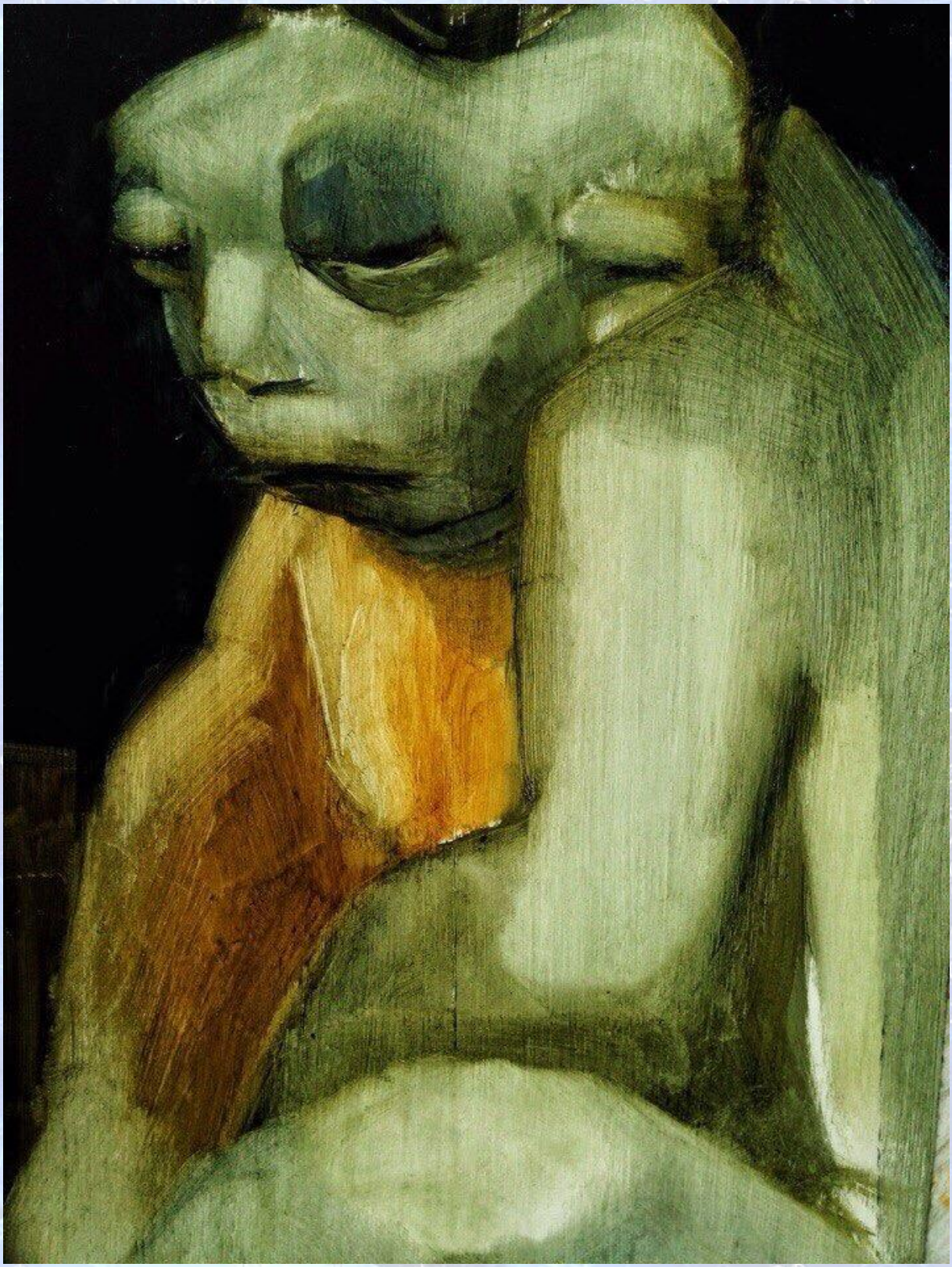
(Заячья губа; картон, масло, 14×21 см; 2018 г.)

(Патология грудной клетки; картон, масло, 14×21 см; 2018 г.)

(Тринадцать недель; картон, масло, 14×21 см; 2018 г.)

(Анэнцефал; картон, масло, 14×21 см; 2018 г.)

(Эктопия; картон, масло, 10×15)

КОЛОДЕЦ #4

К.: Здравствуйте Женя. Первый вопрос — как вы к этому, скажем так, даже в контексте «чёрного искусства», шокирующих образов, пришли? С чего начиналось, что послужило толчком?

Ж. С.: Наверное как у всех, из детства. Не подумайте что я какая-то угнетённая, но детство у меня объективно было довольно паршивое, в частности мне на глаза попалось запредельное количество жестокости, как по отношению к человеку, так и к животным. А так как я всегда обладала крайней степени впечатлительностью (особенно в детстве) и чувством сострадания, это не ожесточило меня, а просто делало дохрена больно каждый раз. И с этими переживаниями нельзя было ничего сделать! Родителям было не до меня, интернет тогда был лишь запретной кнопочкой в мамином телефоне, а жили мы в крошечном городе посреди Сибири и всё что было у меня в те годы — это бумага, карандаши и больше ничего. Каждый эмоциональный удар, будь то самоубийство школьного друга (ему было 11), или пьяный сосед в белой горячке, бивший моего котёнка о берёзу как хлыстом (у меня таких историй миллион), всё это переживалось мной в одиночестве, с карандашом в руках. И так много лет, с первых годов жизни и до пятнадцати, вероятно в это время я и научилась сопереживать, относиться к смерти как к части жизни и даже обнаружила сложно объяснимую красоту в страдании. Думаю, толчком послужило именно это, теперь я по некой инерции ищу всё более болезненные темы и переживания, печальные и даже кровавые эмоции, всё то, что способно задеть. И всё чаще замечаю их среди нас.

К.: Как известно в основе ужаса лежит омерзение — вас самих пугают эти образы?

Ж. С.: Омерзения абсолютно точно нет, поймите, я рисую не ужасы, не мистику, а то что встречаю в мире, а это: болезни, убийства, алкоголизм, глупость, жестокое обращение, личные трагедии и т.д. — это всё есть среди нас. Не изображаю я жестокость ради жестокости, или ради страха, всегда есть контекст. Я обращаю на это внимание, потому что больше никто не обращает. Если обратная сторона нашей с вами жизни создаёт впечатления ужаса, ну извините, мы сами это создали.

К.: Имеются ли какие философские или религиозно-мистические мотивы за вашими работами? Или скажем так, какое послание, кроме эмоционального вы хотели бы донести к зрителю?

Ж. С.: У меня есть одна проблемная черта. Проблемная, вероятно, только для меня: я вообще каждого могу понять. Какой-то повышенный уровень эмоциональной и когнитивной эмпатии позволяет мне понять не только людей и животных страдающих буднично — больных, эмоционально сломанных или подавленных жизненными

обстоятельствами, но даже откровенно ужасных личностей — убийц, диктаторов, воров, плохих матерей, — кого угодно. В то же самое время меня раздражает, что другие люди в большинстве своём не хотят этого делать и откровенно уводят на задний план. Уродливое? Закрыть глаза и избегать. Больное? Убрать и никогда не говорить об этом. Любое неугодное, непонятное поведение? Закатить скандал и научить «как правильно». Не тот, прости господи, цвет кожи / национальность / религия / ногти блин не в тот узор раскрашены? Ну вы поняли. В этом и заключается посыл: не надо бояться и ненавидеть то, что вам непонятно, больно или не нравится. Все люди разные во всём кроме одного: никто не идеален. Почему бы не принять это и не попытаться быть чуточку терпимее? Я совсем не против дискуссий, не против обсуждений и выражения мнений, но разве обычное человеческое уважение и понимание ко всему ныне созданному как то помешает нам искать в мире истину?

К.: А каково ваше мировоззрение, религиозность?

Ж. С.: В этом я скорее идеалист, думаю каждый должен задавать себе вопросы. Жаль что многим людям приходится столкнуться со страданием и начать переживать его, чтобы начать это делать, хотя это могло бы быть необязательно. Религиозность — вряд ли, вообще избегаю принятия каких угодно шор. Опять же, понимаю людей, нашедших утешение в религии, но принять одну из них для себя самой — значит отказаться от альтернативного взгляда, а это слишком уж дорого получается.

К.: Я бы сказал ваше искусство отличный визуальный образ для философии антикосмизма и лавкрафтианского мировоззрения, то есть развеивает в прах иллюзию человека о его центральности в творения и его величии, демонстрируя предельную человеческую тварностью до патологии. Так ли это? И если так, можно ли ваше тогда искусство назвать анти-гуманистическим и антиантропоцентричным?

Ж. С.: Вероятно моему искусству вообще многое можно приписать, и я в целом не против, пусть зритель видит то, что способен осмыслить, но сама не ищу в нём эти посылы. Я люблю жизнь и человечество, люблю за ним наблюдать. Человек — такое прекрасное существо, со своими пороками, со своей неуверенностью как жить надо, ещё такой несмышлёный в представлениях о мироздании, и весь этот процесс познания и череда ошибок, это так прекрасно. Становится как то неважно, тварь ли он дрожащая или венец творения, тем более что он и то и другое одновременно. Я представляю жизнь как огромную яму, куда мы упали родившись, к миллиарду таких же упавших. У нас есть только время и мы занимаем его, чтобы не умереть со скуки, кто как может. Кто-то насилует, а кто-то спасает, один сдирает с животных шкуру, а другой бережёт леса, это и есть равновесие жизни. Сумейте осознать, и полюбить жизнь и с цветами, и с мясом, хотя бы просто не отрицайте существование того, на что вам всего

лишь неприятно смотреть, это многое прояснит. Для подобных взглядов есть подходящий философический ярлык?

К.: Кто в изобразительном искусстве на вас повлиял? Лично я нахожу на ваших работах тень офортов великого Гойя — ошибаюсь?

Ж. С.: Гойя один из немногих любимых мной художников, не говоря о технике, всем очевидно что он мастер, но у него потрясающие сюжетные развороты, мне нравится наблюдать в картине историю, этому у него стоит поучиться. Главное: не стремится подражать кому бы то ни было, я сама охотно смотрю картины и арты с целью изучения новых выразительных средств, но не создавая на них пародию. Самым впечатляющим меня художником пока остаётся Николай Фешин с его картиной «Бойня». Это незабываемая вещь, на неё можно смотреть вечно. Да и вообще, Фешин гениальный ремесленник. Как художник мне сильно резонирует Дэвид Линч, мы все знаем что он отличный режиссёр, но его картины почему-то остаются «за кадром», думаю это несправедливо, он творец, с абсолютно при том поехавшей крышей. Из русского — Михаил Врубель. От его работ неведомая могильная энергетика,

под кожей холодно становится когда смотришь на «Демона поверженного». А «Сирень»? Это же фильм ужасов, а не картина.

Вообще про художников говорить можно долго, но я практически не черпаю так называемое «вдохновение» из любых картин. Как было сказано выше, я только учусь с их помощью. Нужно уметь убедительно обмануть глаз зрителя чтобы он поверил в показанное, это целая наука, поэтому художники для меня больше коллеги по цеху, чем предмет восхищения.

К.: А те в литературе, философии, есть влияние или, что подталкивает к работам? Может в кинематографе?

Ж. С.: Нет, я не нахожу вдохновения ни в литературе, ни в кино, хотя есть вещи которые просто восхищают мастерством, это скорее больше мотивирует и дисциплинирует, чем серьёзно влияет. Кроме одного, мне вспоминается один мультфильм, смотрела его ещё в глубоком детстве. Дико и небезосновательно его боялась, но пересмотрела в более осознанном возрасте и удивилась, настолько это поразительный, шедевральный фильм — он действительно на меня, что называется, повлиял. Называется «Доктор Бартек и Смерть», старый кукольный советский мультик. Настоящий некрореализм, хотя возможно авторы вообще к этому не стремились. Литература, скорее с точки зрения идеи, пищи для ума, это вообще не про вдохновение, но русские классики мне импонируют: Достоевский, Булгаков, хотя я вообще не люблю художественную литературу. В последнее время читала только медицинские учебники по анатомии и физиологии, сейчас — книгу нейробиолога о работе мозга, очень нравится мне. Если говорить конкретно о вдохновении, я черпаю его из жизненных ситуаций, быта, человеческих историй, а в последнее время увлеклась сюжетами из снов. Мне самой всегда снятся очень яркие кошмары, я их обожаю. С прошлого года начала спрашивать у людей об их страшных снах, вы не представляете что я наслушалась, это просто восхитительно. Сны — это отражение подсознательных переживаний, которые мы чаще всего не можем сформулировать, но всё

равно чувствуем, поэтому они напрямую связаны с жизнью, страданиями, страхами. Конечно это не может не вдохновлять меня.

К.: Некрореализм — «искусство не для всех», кто по вашему ваш зритель? И были ли проблемы, недовольства излишне шокированной публики?

Ж. С.: Мой зритель — это человек, который хоть раз в жизни по-настоящему страдал. Возможно на момент просмотра он уже пережил это или ещё мучается от непонимания как с этим жить, но он не пытается отрицать, убрать с глаз долой и навсегда за-

быть. С ним не работает «don’t worry, be happy». Ему интересно поразмышлять. Скорее всего он тоже обладает эмпатией. Кто-то даже находит в этом красоту, как и я. Часто это умные люди открытые к дискуссии и таких много, и за рубежом, и в нашей стране. Меня до сих пор это очень удивляет, ведь сейчас все такие из себя позитивные. Кстати, среди русских зрителей часто встречаются депрессивные люди, с приоритетно пессимистическим взглядом на мир, думаю это легко объяснимо, как и то, почему им резонируют мои работы.

Случаи с раздражённой публикой конечно были, особенно часто писали мамочки, увидевшие случайно мою серию работ с детьми-уродцами, и так ужасно ругали меня, что я зло, извращенка и душевнобольная, и бог меня накажет, хотя по всем понятиям именно бог таких детей создал, никак не я. После такого я долго чувствовала себя морально ответственной за их больно порванные шаблоны, думала даже, а не прекратить ли мне всё это. Но подобные случаи происходят всё реже и я больше не хочу снимать с себя обязанность показывать несколько нелицеприятные стороны. Постепенно нахожу свою аудиторию, мне часто пишут и благодарят за работу, задают вопросы, обсуждают рисунки и в комментариях разворачиваются размышления на разные темы. Это прекрасно, и это удивительные люди, мне приятно работать для них.

К.: Зритель вообще фарисей, нужно ли это ему?

Ж. С.: Так он потому и фарисей, потому что ничего ему не нужно. На некрасивое смотреть не хочется, шоры снимать не досуг, потому и живём так, лишь бы мозг не включать. Раскрыли бы все глаза пошире и может быть чем-то и озадачились.

Нужно ли подобным зрителям это? Наверное не нужно, но я и не для них рисую. С ними мы встретимся, когда рамки спадут. Может быть никогда, ну и ладно.

КОЛОДЕЦ #4

К.: Я знаю у вас были уже выставки, как они прошли — скажите пару слов о них.

Ж. С.: О, выставки это круто с точки зрения знакомств. Помню на одной из них меня оценил патологоанатом и любезно пригласил на вскрытие, это очень мило. Иногда находятся новые покупатели, тоже хорошо, но обычно на этих выставках мне совсем не нравилось. В частности, не нравились работы художников с которыми я выставлялась, бывали даже конфликты. Как я уже говорила, мне нравится очень узкий круг художников, я очень требовательна и к себе, и к людям, возможно в этом корень моего неудовольствия теми картинами и самой собой. Вообще я мечтаю организовать мероприятие сама. Это была бы не только выставка, а этакий театр, репетиция ада, куда заходишь и окунаешься в атмосферу бойни. Чтобы люди подвешенные крюками за кожу под потолком, голые женщины в клетках и в ваннах, наполненных кровью, чтобы коровьи туши, понимаете. А я бы ходила и носила на руках препарат изуродованного младенца и показывала бы всем желающим. Думаю я была бы в костюме богоматери. Или это слишком?

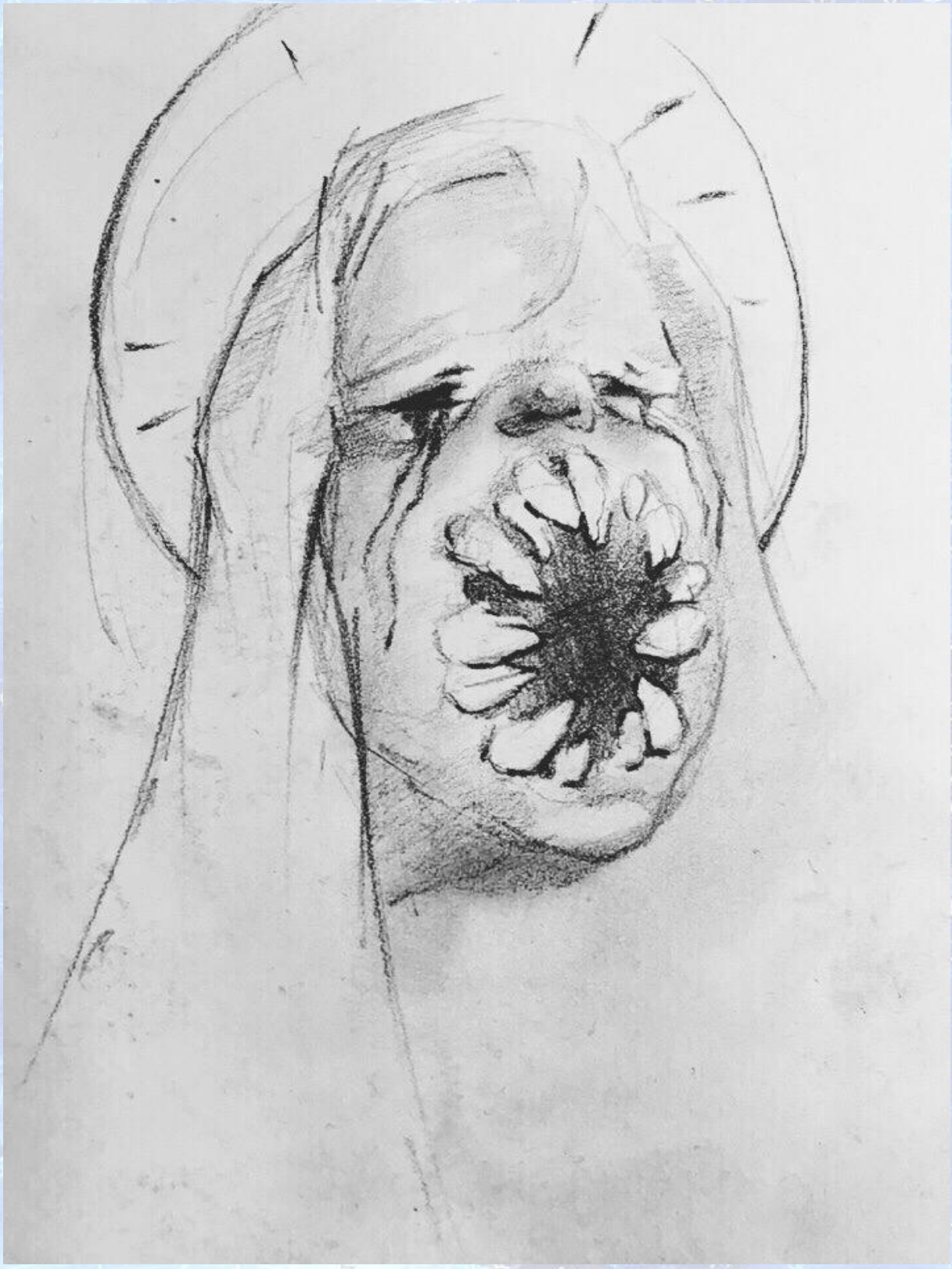

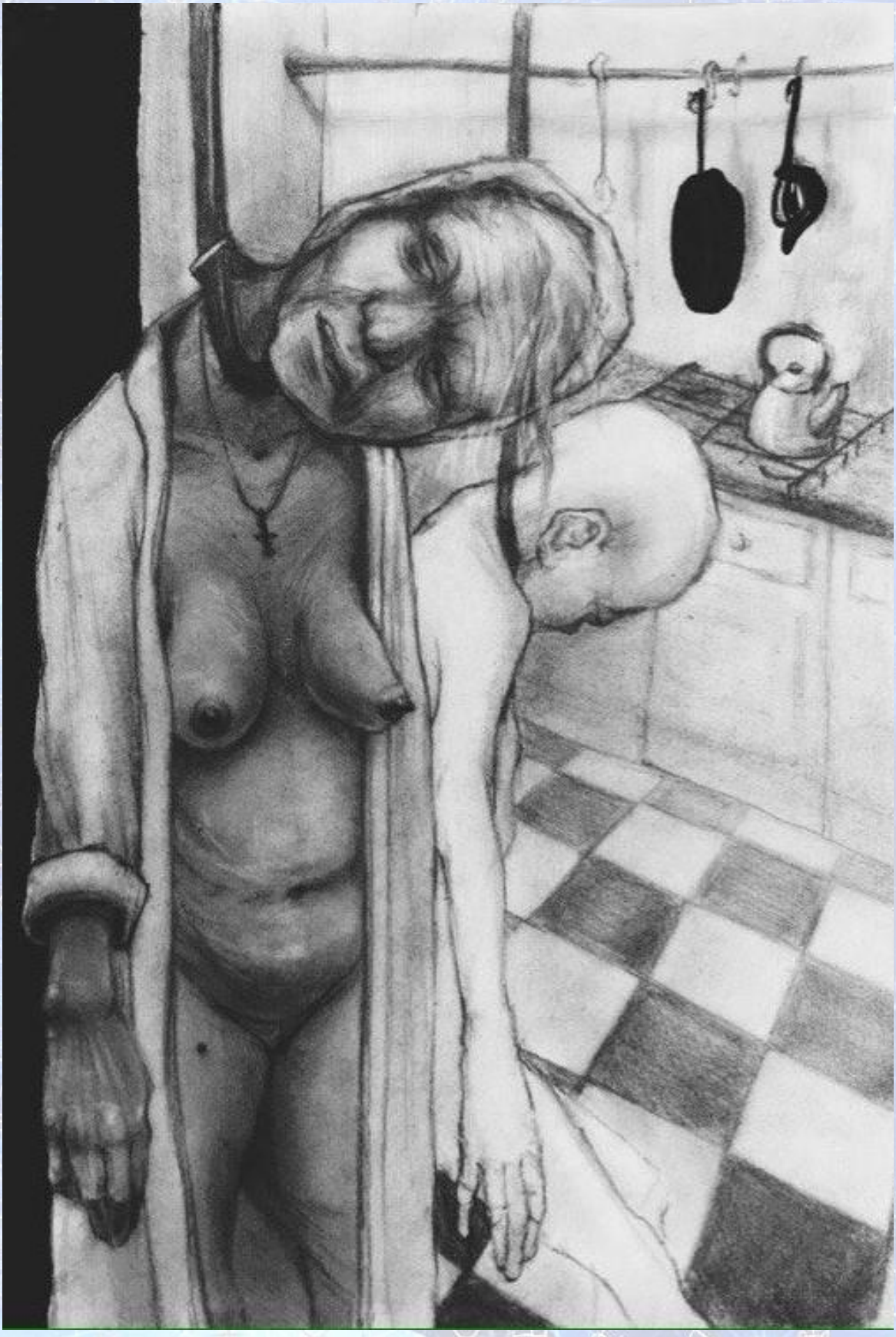
К.: Ну и банальный вопрос — планы, задумки на будущее?

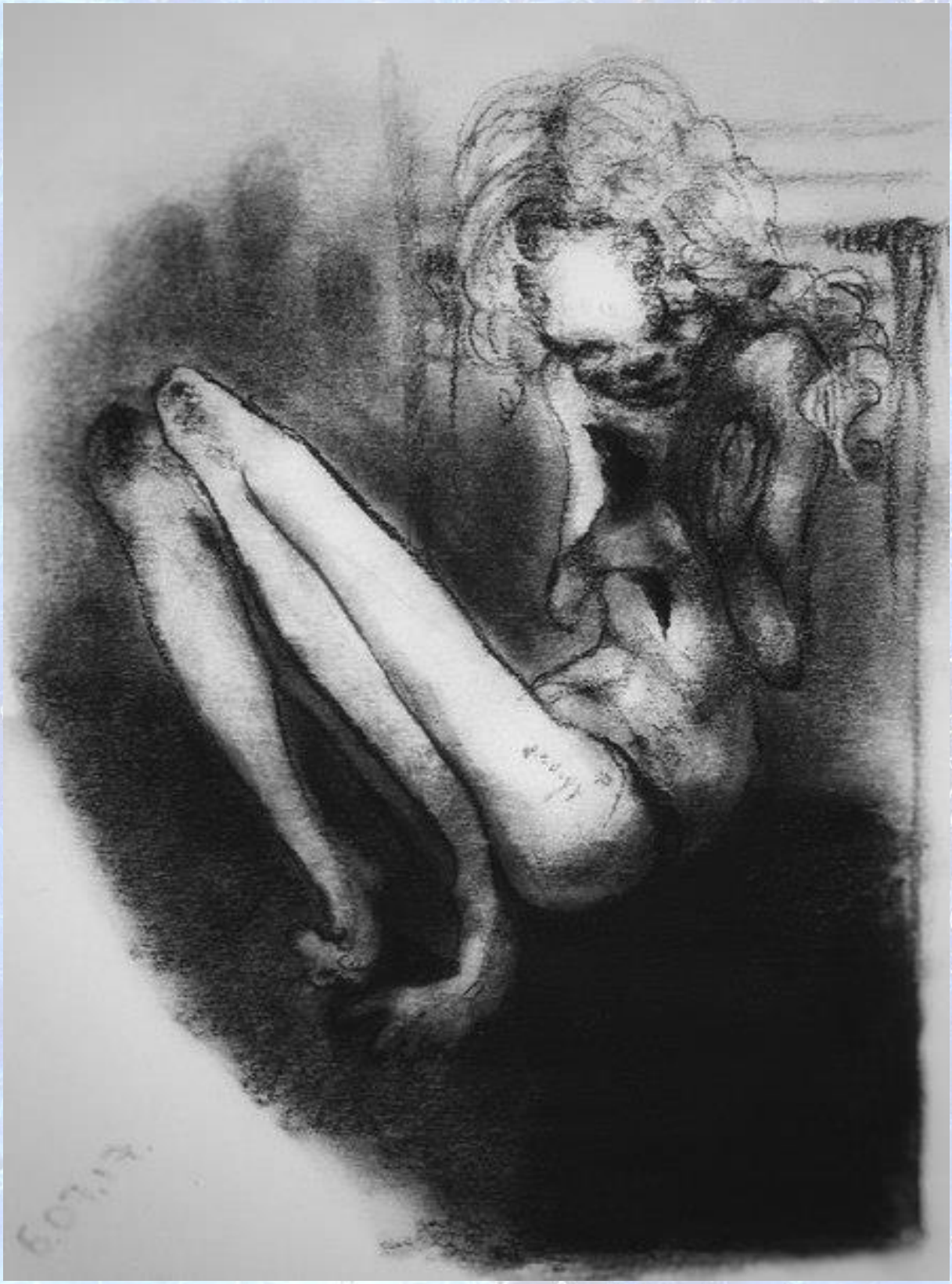
Ж. С.: Конечная цель — прийти к мультипликации. Я хочу рисовать и режиссировать авторские мультфильмы, кстати вот в них уже будет присутствовать элемент ужасов и саспенса. Сейчас для меня заняться мультипликацией не представляется возможным, потому что требует колоссального количества времени и денег, я не могу себе этого позволить, но написала уже несколько сценариев, с раскадровками, всё готово, лежит и ждёт своего часа. А в настоящее время рисую, ищу новых зрителей, стараюсь заработать денег, выйти на зарубежного покупателя. Начала (наконец то!) вести инстаграм с работами и учусь режиссуре и анимации. В этом году займусь шелкографией и начну изготавливать мерч: футболки, сумки, и прочие вещи с некрореалистичными иллюстрациями. Почему бы и да?:)

MAHA PRALAYA

Евгений Махапралаев

ॐ नमः शिवाय!

Великое Растворение

Незначительные звуки, белый шум, магические триады, рябь вибраций и резонансов. Русские инструментальные музыканты Maha Pralaya приглашают вас в путешествие по внутренним мирам и пространствам, используя практики вибрации звуков йоги. Maha Pralaya предлагает тяжёлые, тёмные и ползучие звуковые пейзажи, стилистически расположенные, где-то между мирами тёмного эмбиента, шума и постиндустриального. Сами музыканты называют свой стиль постапокалиптическим городским шаманизмом.

КОЛОДЕЦ #4

«Томящиеся на Земле и порхающие в глубинах подсознания Maha Pralaya ломают границы реальности, транслируя своей музыкой смешение ужаса и благоговения в преддверии Чёрной Кали-Юги. Мрачный и холодный, медитативный и пронизывающий звук их музыкальных композиций даёт право называть семейный дуэт глашатаями всерастущего Хаоса на грядущем закате веков, эмбиентальными волшебниками во Вселенной звука и истинно верующими в исключительные способности музыки в отравленном реальностью мире».

(INDUSTRИA)

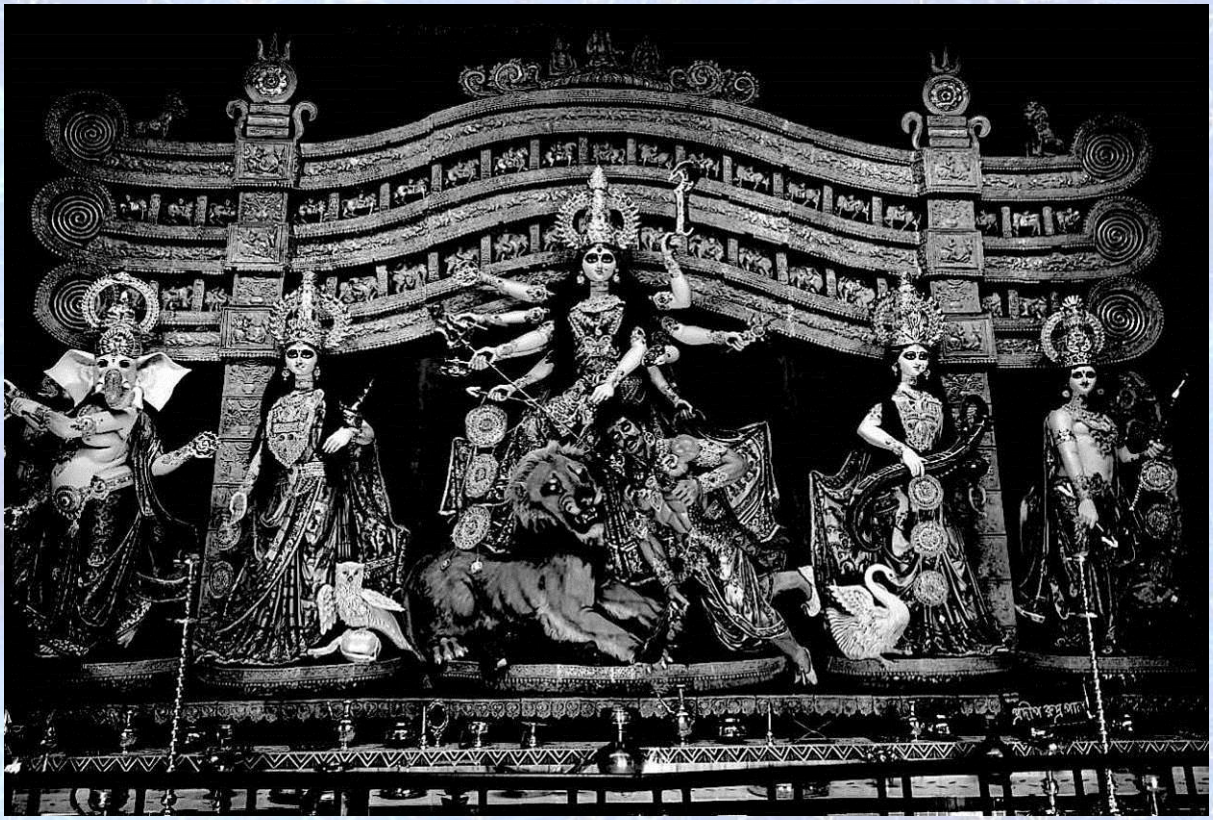

К.: Приветствую. Думаю ожидаемо, что первый вопрос будет о начале, ведь начало закладывает фундамент. Что послужило мотивацией к созданию именно такой музыки? Как и когда началась Работа?

М. Р.: Проект основан в 2005 году, на фундаменте нашего интереса к индийской философии традиционализма, буддизма, юнгианства, различных форм шаманских и языческих верований.

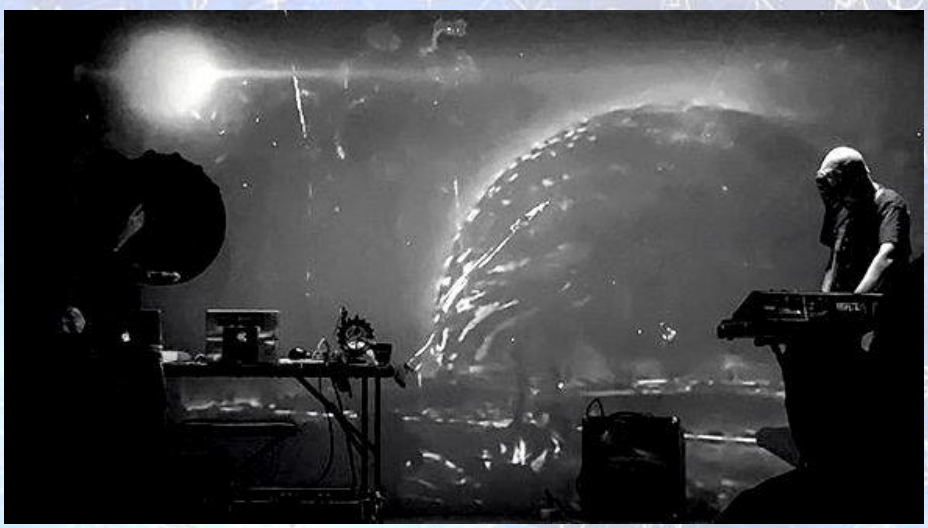
...началось всё с ритуалов-импровизаций с использованием различных современных и аутентичных индийских, тибетских и шаманских музыкальных инструментов (бубен, гонг, тибетские чаши, ситар, фисгармония, варган, диджериду), с живых выступлений и началом создания нашего первого альбома «Hymn for Kali-yuga».

К.: Кто из прошлых повлиял на ваше музыкальное становление, может был неким маяком для собственных работ? И кого из современных проектов вы могли бы отметить?

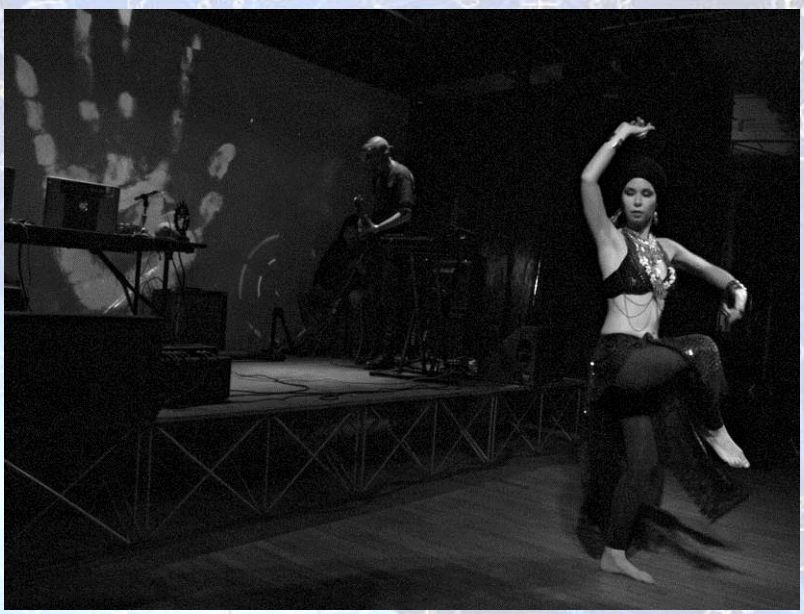
M. P.: Coil, Swans, Bad Sector, Lustmord, Robert Rich, DCD. Вообще мы дружим с огромным количеством представителей тёмной сцены Европы, Америки и России. Определить конкретное влияние довольно сложно, но отмечу творчество Natural Snow Buildings, Treha Sektori, Raison D'Etre, MZ 412.

К.: А теперь пожалуй для меня самый интересный вопрос. Проект Maha Pralaya — проект ритуального дарк-эмбиента, поэтому хотелось бы узнать какие традиции, религиозно-мистические формы на вас лично повлияли, на вашу музыкальную работу в контексте проекта и на ваш личный духовный Путь?

М. Р.: Огромное влияние на наше творчество оказала книга суфийского мистика, Мастера игры на Вине — Хазрат Иннаят Кхана «МИСТИЦИЗМ ЗВУКА», индийская классическая музыка с её правилами импровизации и конечно шаманская тибетская музыка традиции БОН имеющая для нас прямую ассоциацию с протомузыкой, музыкой сфер, изначальному и непостижимому...

Ψ ॐ नमः शिवाय! ॐ Ψ

К.: Каббалисты говорят, что человек воспринимает Бога через Бат-Кол — «дочь голоса», небесный или божественный голос, возвещающий волю непроявленного Бога Айн — Ничто, пребывающего в тишине и мраке. Ваше творчество имеет истоком вдохновения Пралайю, идентичной Айн? И тогда звук Maha Pralaya — «бат кол»? Импровизация восходящая из внутренней глубины мрака и тишины — «бат кол»?

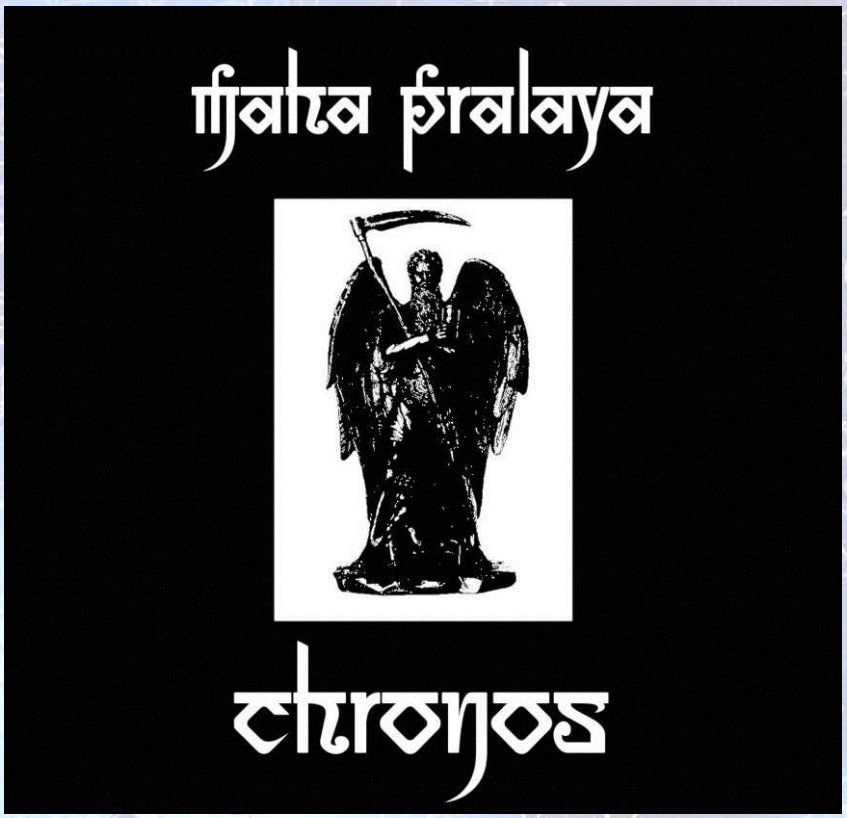
М. Р.: Пралайя циклична и между многими и многими пралаями — сном Брахмы, наступает момент Маха Пралайя — смерть Брахмы и далее, с новым рождением, цикл повторяется. Свёртывание большого взрыва в единую точку тёмной материи, где зарождается новая жизнь, звуки из внутриутробного сна божества — прото-звук исходящий из пустоты и уходящий в Ничто оставляет только послевкусие в виде эха. Как подсознательная память соприкосновения с неведомым, если божество проявляется через вибрацию так называемого монохорда вселенной — то это звук с которым мы рождаемся, живём, и который продолжает звучать когда мы уходим, индусы иногда называют его звуком земли, соответствующий ноте Соль диез.

КОЛОДЕЦ #4

К.: «Постапокалиптический» — Апокалипсис уже произошёл, но мы так погружены во тьму, что даже его не заметили?

М. Р.: Да нам кажется, что земля в ведической концепции мира проживает сейчас самое начало эпохи Кали, что вполне соотносится согласно их космологии с планом адских планет. Курукшетра была проиграна так как после неё не наступил век светлого изобилия а со смертью Кришны господа Махабхараты для человечества началась эпоха Кали Юги — Железный век деволюции и падения, в самом конце Эпохи Кали когда земля станет безжизненной пустыней, а остатками человечества будут карлики каннибалы, на земле материализуется последняя аватара бога Вишну в человеческом облике, индийские риши коих посетили в древности видения сего действа изображают его в иконографии как всадника на коне причём у самого всадника тоже голова коня, мне кажется что просто в те далёкие времена риши просто не знали что такое противогаз, он придёт не учить как предыдущие аватары. Имя его Господь Калки и миссия его полное и окончательное уничтожение жизни в преддверии Пралайи.

К.: «Постапокалиптический городской шаманизм» — звучит довольно радикально, подобно «городской партизан». Только партизан тогда со стороны Традиции. Тогда Maha Pralaya не только дарк-эмбиент, мистерия звука, духовный Путь, но и идеология?

М. Р.: Постапокалиптик Урбан Шаманизм — тэг придуманный нашим коллективом и уже имеющий развитие на дарк сцене. Дарк-эмбиент, струнный дрон и классический индастриал — три столпа в рамках наших импровизаций, погружений. Как попытка создания полотен, состоящих из аудио визуальных образов выходящих за рамки выработанных клише, принятых форм и стереотипов. Создание атмосферы, ландшафта очень близкого концепции экспрессионизма, творчества на грани! Без заигрываний, красивостей и заискиваний. Предельно честная картина видений будущего, заставляющая задуматься о своём положении в мире и постижении изначальной сути своего предназначения в естественной среде своего существования и осознания всей ущербности деятельности цивилизации. Это наше мировосприятие и наш путь в творчестве, как актёр Зердцало у Густава Майринка, мы ретранслируем, заставляем задуматься, остановиться и в этом наш месседж, наша идеология, наш посыл слушателю, мы космополиты — люди земли. Миллионы и миллиарды внутренних миров отражаются в глазах каждого человека и обратить минус в плюс совсем не сложно, хотя вполне возможно, что точка невозврата давно пройдена и это уже не имеет смысла...

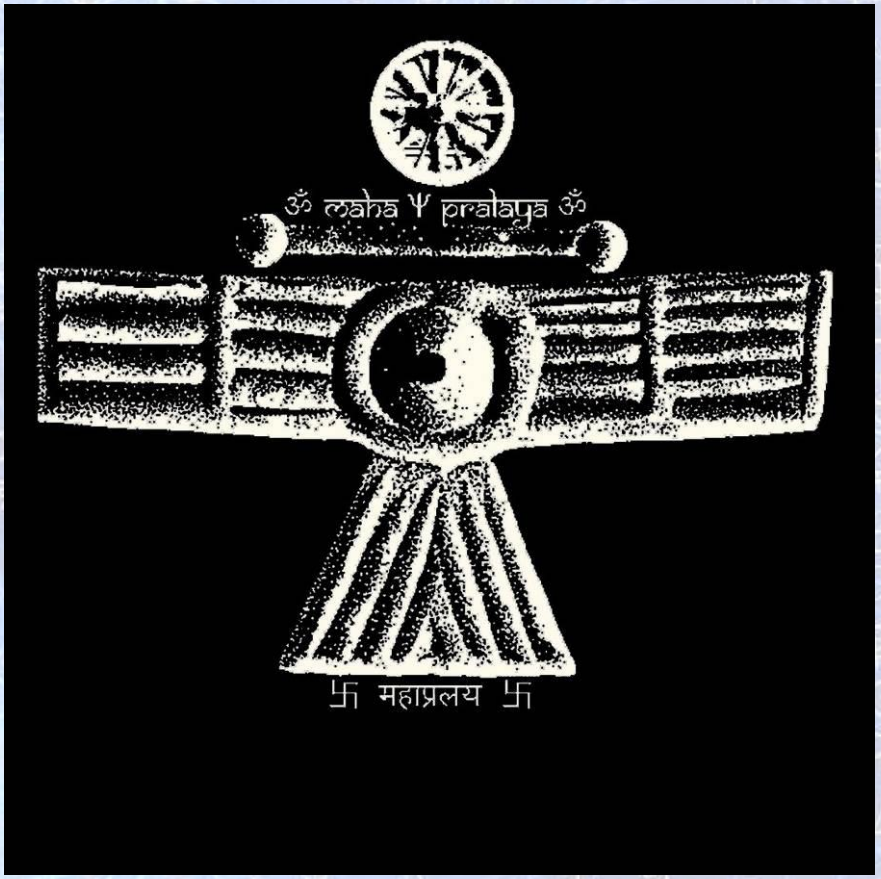

КОЛОДЕЦ #4

К.: Само название проекта Maha Pralaya, гул пустоты, северные безжизненные пространства Антарктики, мрачный звук, наиболее тёмные эзотерические стороны ведической метафизики, и т. д. — всё это укладывается в контекст того, что обозначено как «антикосмизм». Как вы относитесь к данному направлению?

М. Р.: Изначальная тьма, причина, Пракрити (Авьякта) — мать производящая чёрных и белых пауков добра и зла, начало всего. Кстати Юрий Витальевич Мамлеев читая лекцию в университете Дели задал вопрос аудитории брахманов он сказал — что да философия индуизма, при всей её многогранной космологии, упускает то — что находится за пределами Абсолюта, зал молчал, и тогда Юрий Витальевич произнёс — Чёрная Бесконечная Тьма! Зал аплодировал стоя и после лекции ему сказали комплимент — Вы просветлённый человек! Вы заглянули за грань, куда индийские философы не заглядывали.

К.: «Россия Вечная» Мамлеева, «Россия Небесная» Андреева, но есть и «Россия хтоническая», тёмная и инфернальная — вы ощущаете её и себя её жителем?

М. Р.: Да конечно, каждую долю секунды. Это наша традиция и подсознательный архетип по Элиаде. Мы в ней находимся как в естественной среде обитания!

К.: Простой вопрос — какие бы свои работы вы выделили бы сами, и что ждать от Maha Pralaya в будущем?

M. P.: «Nataraja Tandavam», «Wasteland song», и наш новый альбом «Nuclear Kurukshetra» с участием Nam-Khar и Hagalaz Runedancer (Phurpa, Corps), вскоре выходящий на лейбле BLACK MARA, скорее всего будут нами позиционироваться как трилогия.

Ждать стоит живых концертов так как это ни с чем не сравнимый опыт, как для слушателя так и для нас самих.

MAHA PRALAYA
NATARAJA TANDAVAM

К.: Ну и в конце, чтобы вы сами хотели сказать поклонникам проекта Maha Pralaya и читателям «Колодца»?

М. Р.: Колодец не только исток из которого черпают чистое знание но и место из которого прекрасно наблюдать движение светил в звёздном храме, приподнимающий завесу неба! Аум!

ЧЁРНЫЙ УРОЖАЙ ЖАТВЫ КРОВАВОЙ, НА БЕЗМОЛВНЫХ ПУСТОШАХ БЕСПЛОДНОЙ ЗЕМЛИ, ЭФЕМЕРНО БЛЕДНЫЕ РУКИ СЖИМАЮТ, В БУРЫХ ПЯТНАХ РЖАВЧИНЫ В ЗАЗУБРИНАХ СЕРПЫ, ЖНЕЦЫ ВЕЧНОГО ПОЛДНЯ ЗАКАТЫВАЮТ ГЛАЗА, КРОМСАЯ СВОЁ ПРЕИСПОДНЕЕ, РАЗВОРОЧЕННАЯ ПАШНЯ КРОВИ ПОЛНА, КЛОКОЧУТ СТАЛЬНЫЕ ПТИЦЫ, БРИТВАМИ КРЫЛЬЯМИ КЛЮВОМ В ПАХ, СМЕЖАЕТ БОЖЕСТВО РЕСНИЦЫ, С НЕБА СЫПЛЕТСЯ ПЕПЕЛ, ПРАХ, ЛИМБ ВСЕЛЕНСКОГО ОДИНОЧЕСТВА, ОСИНА ПУСТАЯ ПЕТЛЯ И ТИХИЙ ШЁПОТ ПРОРОЧЕСТВА, УГАСАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ...

(Naradev)

В качестве приложения — «Песни Нездешних Тварей» Юрия Витальевича Мамлеева. Проект Maha Pralaya посвятил памяти Ю. В. Мамлеева одноимённый альбом — «Песни Нездешних Тварей».

Maha Pralaya & Antuan Graftio, Hagalaz Runedancer (Phurpa).

Юрий Мамлеев

Песни Нездешних Тварей

Я невинная тварь, кто детей пожирает в тумане.
Сумасшедших ночей предо мною горит горизонт.
Что увижу я в мире, наполненном чёрным обманом,
Где горящие храмы похожи на сказочный сон?!
Мои губы полны ненасытною жаждой тревоги.
Вижу троны пустые, погибших в аду королей,
Что мне ужас разбитой по трупам младенцев дороги,
Что мне стон и надежды покинутых Богом людей?!
Я одна во Вселенной. Ни Бог, ни титан и ни дьявол
Не нарушит покоя и страха страданий моих.
Только кто-то огромный, больной, невозможно усталый
Пронесётся по полю, как духов блуждающих вихрь.
Я хочу целовать обнажённые груди распада,
По кликушески выть, наблюдая погибель земли,
И пройтись в тишине средь распухшего, спелого ада,
Где в червей превращаются дальние дети мои.
А потом, обернувшись загадочной странной звездою,
Улететь в безграничную синюю пропасть миров,
Чтоб потом хохотать над погибшей и дымной землёю,
Пожирая холодное мясо своих бесконечных утроб.

* * *

Надоела мне смена смертей бесконечных,
Надоело сиянье великих и чёрных пустот.
Я хотел бы в припадке, огромном и вечном,
Созерцать отрицанье заброшенных в бездну миров
И любить свою плоть, безобразно её же терзая,
Распыляя по звёздам погасшие трупы свои,
И жалеть вдруг котёнка, кто тихо прижался у зала,
Где сверкают по-волчьи вселенских вампиров зрачки.
Я устал от сияния дикого, сонного мрака.

Голоса всех богов, умирающих в мерзкой мольбе,
Затихая, становятся воем собаки,
Голова у которой — цветок на далёкой луне.
Так зачем мне высокое счастье огромных, как Солнце?!
Милосердие Будды прожгло мне до крови глаза.
Только лучше тихонько увидеть за тайным оконцем
То творенье, что Бог не создаст никогда.

* * *

Будешь в небо скакать? Будешь плакать над сыном?
Неужели не помнишь — когда-то была ты кентавр!
Разве то, что пророчили — все позабыли?
Ты уходишь в тот мир, где и старец не стар,
Где забытая мудрость покоится в склепе,
Где, как юноша, юн и вампир и удав.
Спрятан в горы, над морем, больным и нелепым,
Древний идол, источник смертей и удач.
Так иди же, иди! С истерическим зубом
Пятиглазою тварью ты выйдешь на свет
В мир, где кажется радужным богом ублюдок,
И на манию смерти найдётся холодный ответ.
Позабудешь себя в этом золоте бурного мрака
И не вспомнишь кентавров, игривых как сон.
Но тебя я люблю до последнего знака,
Когда мир этот рухнет, как свадебный стол.

* * *

Я хочу жить и жить в бесконечном раздолье тумана,
Целовать изощрённое чёрное жало змеи.
У меня нет сестёр, никого, лишь одни ураганы.
Я родился в бредовых сплетениях лунной зимы.
Почему я застыл в искажённой от счастья улыбке?!
И пугаются звёзды моих выпадающих глаз.
Раскрываются пыльные старые свитки,

КОЛОДЕЦ #4

Где написаны древние тайны о нас.
Ну и что? Средь раздолья миров бесконечных
Буду падать, стонать и по-прежнему жить.
Но из синей, глубокой, покинутой Вечности
Кто-то тихо идёт, видно хочет завыть.
Пожелай мне, исчадие Чёрного Света,
Проходить без тревоги твоих полуснов города.
Я хочу жить и жить на забытой богами планете,
Чтобы видеть чудовищ, отброшенных в мрак навсегда.

* * *

Я двуногая тварь, истребившая душу в виденьях.
Был я тигром, слоном, уходил я под землю кротом,
И об этом я помню в своих огневых озареньях —
Был аналогом этих зверей, с непохожим на Солнце лицом!
Где устойчивость в мире кошмара? Где правда?
Кто убьёт меня в следующий раз, после сна и любви,
И, целуя мой труп, вдруг тихонько расплачется в травы?
И душа моя будет скорбеть, вспоминая одежды свои.

* * *

Любо идти по широкой и вольной дороге,
Любо смотреть мне блуждающим духам в глаза.
Бедные твари хотят ведь от жизни немного:
То, что оставит им точная Смерти коса.
Красное солнце, спускаясь, мне шлёт свои знаки.
Старенький бес заунывно в картошке поёт.
Пахнет ромашкой. За озером брешет собака,
И невидимкою в небе плывёт самолёт.
Всё же пора мне сложить свои шкуры у леса.
И, управляя сознанием вечным своим,
Перенестись от грехов, от ромашек и воющих бесов
В дальние сферы, доступные силам иным.

* * *

И опять этот мир, так похожий на тот, где я плакал,
Целовал с исступленьем цветочки и видел кошмарных существ.
Раздавая поклоны, улыбки и сны, ждал я верного знака,
Чтоб уйти навсегда из таких вот причудливых мест!
И опять! Для того ль я был там,
где никто из живых не бывает,
Где пространство и время, как тряпки ненужные,
светятся мглой,
Где хранит наш Господь всё, что боги и духи не знают,
Где из дальних пределов веет страхом и тайной Иной.
Ну и пусть! Значит, что-то не ладно со мною.
Закружил меня ветер, что воет из Бездны Иной.
Значит, снова идти мне унылой тропою земною
И кормить своей плотью некормленных призраков рой.

* * *

Кто бы съел меня в чёрном растленном тумане?!
Далеко за околицей заревом видится глаз!
Ведьма моется рядом в заброшенной маленькой бане.
Видно, боги давно позабыли о нас.
Кто бы съел меня! Нежною тихою дымкой,
Оставляя в пространстве кровавый бессмысленный след,
Я уйду недотрогой, простой невидимкой,
К тем, кто душу мою принимает за Свет.

* * *

Я иду по заросшей от трупов дороге.
Тёмных тварей за мною бредёт неживой хоровод.
Как мне выйти из чёрного тела моей беззащитной тревоги.
Как узнать, что сулит мне непознанный ласковый бог.
Эти твари горят, словно вечные свечи во мраке,
Не сгорая, визжа и купаясь в холодном ничто.
Мне осталась пустынная участь голодной и дикой собаки,

КОЛОДЕЦ #4

Что бредёт и не знает, накормит ли кто,
Или кто-то сожрёт её сам с потрохами
Или просто забросит в бредовый отверженный мир,
Где хохочет луна и плюются от бешенства камни,
Воет ворон, бессмертен и сир.
Сколько лет суждено мне брести в этом страшном тумане.
Разговаривать с трупами, спать с головою орла,
Чтобы выйти на мир, не отравленный липким обманом,
Где раз смерть, то без трупов, без дыма, без воя, без сна?
И тогда, может быть в сумасшедшее время заката
Огневая на небе ином загорится звезда.
И уйду я туда — в чёрно-красное море раската,
Где и вера и гром — уведут навсегда.

* * *

Пусть я кошка. Но был я брамином
И упал, словно хохот, средь снов и снегов.
Пощади меня, нежный, бессмертный и милый,
Ты же соткан из белого камня и смерти богов.
Я люблю этот холод и смрад привидений.
Я ведь знаю: ушёл я навеки в другие миры,
Где голодный кошмар мутно-жёлтых видений
Обнимает, ласкает, и падают прошлые сны.
Кто ответит за боль и страдания тварей,
Кто погасит кошмар во Вселенной безумных зрачках?
Я люблю тебя больше божественных тихих созданий.
Ты — не смерть. Ты — не стон. И ты даже не страх.
Помоги же мне, Боже, премудрый и сильный,
Распознать в каждом рае таинственный ад,
Чтоб во мраке, во свете, в тумане могильном
Не увидеть свой медленный жуткий распад.

* * *

Хохочу я как труп из могилы,
Я — невеста забытых богов.
Скоро выйдет из мрака мой милый
И найдёт мой бессмысленный кров.
Отравили мне жизнь полутрупы,
Птицы крови из каменных стран.
Мне осталось безумно и тупо
Пить в могиле холодный дурман.
Тот дурман, что ползёт с подземелий,
Что грубее, чем чёрная нефть,
Только трупы, в жару холодея,
Пьют его как последнюю весть.
Но придёт мой живой избавитель,
Бог исчезнувших в бездне миров,
Мой невиданный маг и целитель,
И я сразу восстану на зов.
Появлюсь на кошмарных планетах.
Буду плакать, играть и стонать.
И пугающим лающим смехом
Раны смерти в себе врачевать.

* * *

Там раскинулись крыльями ворона сети
Полутрупов огромных и чёрных как дым.
Пусть целуют меня непостижные, дикие дети,
Всё равно я останусь на свете, как мрак, нелюдим.
Только тварей, кто воет в глубокой, безвестной могиле,
Я так странно люблю и целую крысиный их рот.
Кто мне даст ненасытные, мощные силы,
Чтобы знать, когда кончится время и страх мой замрёт?

И не будем скитаться по тайным далёким планетам,
Хохотать у могилы красивых, беспечных богов,
Да, я умер. Но, верный последним заветам,
Я плюю в бесшабашные хари космических снов!

* * *

Отупел я до ужаса. Чёрные тени не покинут меня до утра!
Где мой труп?! Опущусь перед ним на колени,
Перед бредом своим, перед запахом сна.
И таинственный ужас нелепых гниений
Пусть охватит меня до конца.
И тогда я познаю всевидящий шёпот,
Будет в душу мне литься и яд и бальзам,
Но из дальнего гроба немыслимый хохот
Уведёт меня к брошенным Богом богам.
До свидания, трупы! До свиданья, химеры!
Надоели мне пляски безумных миров!
Предо мной открываются медленно двери.
Что там будет? Я знаю: виденья богов!

* * *

Я — угрюмый тяжёлый работник,
Рою в ужасе к Солнцу проход.
Вижу облик свой, нежный и кроткий,
Рядом с ним — неживой идиот.<
Я прорежу отверстие в сердце,
Буду в око Вселенной смотреть.
Идиот мой, таинственно-мерзкий,
Перестанет вздыхать и смердеть.
Кто мне скажет тогда, что я смертен?
Что я мрачен, безумен и сир,
Что несёт меня бешеный ветер
И хохочет над жизнью упырь?

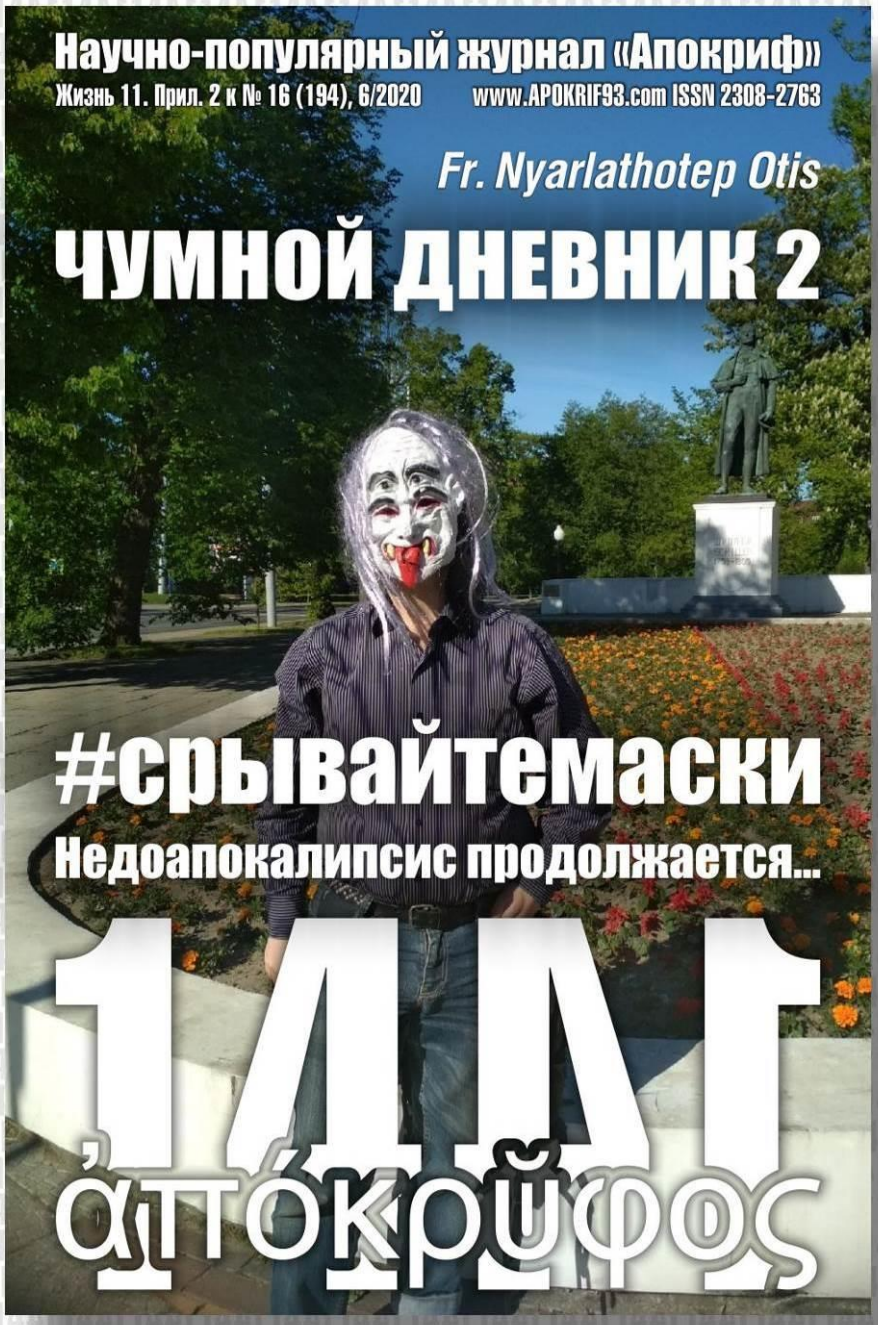
* * *

Тихо лежу, завершая огромную жизни тревогу.
Друг, с кем скитался по дальним жестоким мирам,
Скоро под землю уйдёт — незаметно пророет дорогу,
Ту, по которой скитаться он хочет,
подвластный подземным векам.
Пусть себе! Вижу богов непонятное в небе течение.
Мысль и желания их — так далеки от меня!
Мне б отдохнуть! И услышать блаженное пение,
Что уведёт меня в сладостный плен и в лобзание сна.
Только боюсь, что умру и потом не дождусь поцелуя.
Шар мой застрянет в каких-то немыслимых плясках и снах.
Кто-то бездонный, с вселенским сознаньем, подует —
И унесусь навсегда,
в неизвестность, в таинственность, в прах.

Чумной дневник 2,

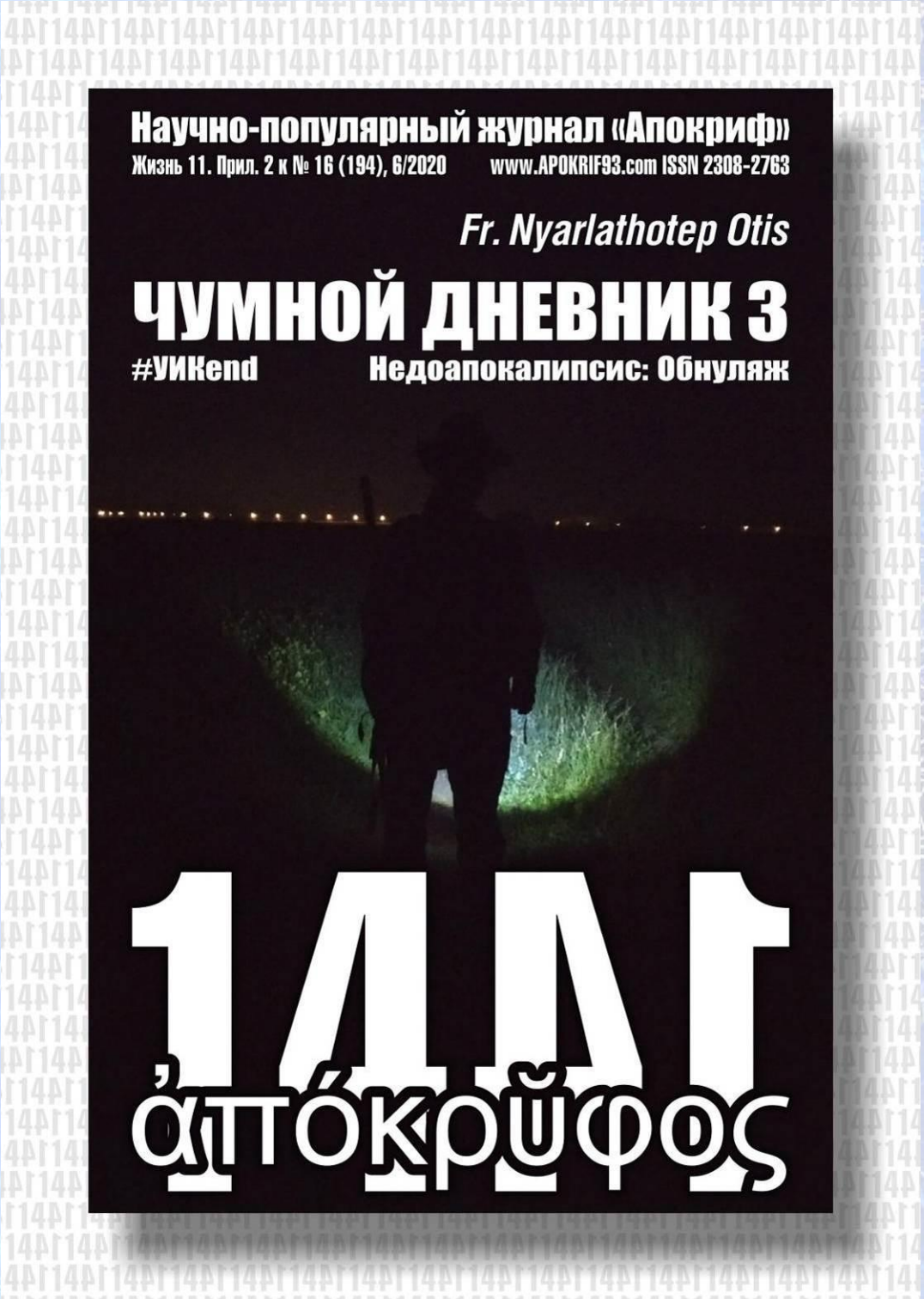
или Недоапокалипсис продолжается...

http://apokrif93.com/apokrif/194-pril2.pdf

Чумной дневник 3,

Недоапокалипсис: Обнуляж

http://apokrif93.com/apokrif/195-pril1.pdf

КОЛОДЕЦ #4

Новый (195-й) выпуск

оккультного журнала «Апокриф»

http://apokrif93.com/apokrif/195.pdf

ἀπόκρυφος
При сотрудничестве с журналом «Апокриф»